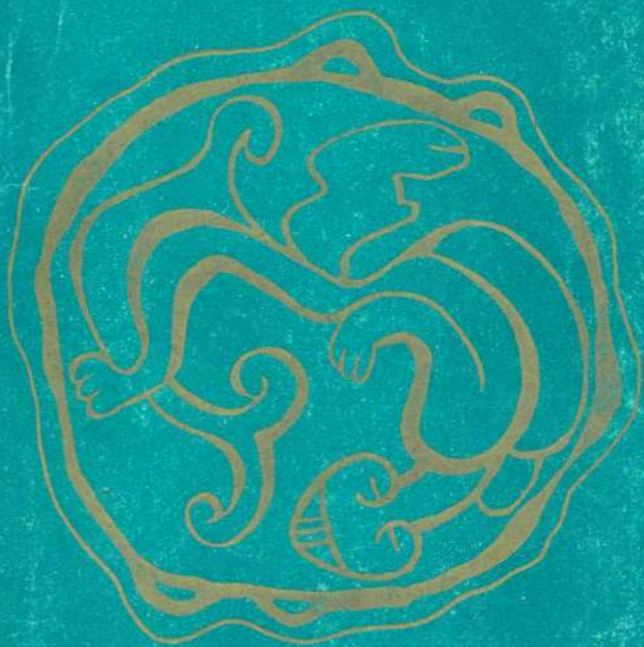

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
В ОТПАРЕ

31.5
RH

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

Издательство «НАУКА» Казахской ССР
АЛМА-АТА-1977

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
В ОТАРЕ**

В сборнике представлены в основном статьи по археологии Отрара и Отрарского оазиса. В них излагаются итоги пятилетних исследований позднесредневекового Отрара, приводятся новые данные по ирригации, рассматриваются монетные находки, технология изготовления керамических изделий, дается локализация средневековых городов Южного Казахстана.

Ряд публикаций посвящен недавно открытым памятникам первобытной и средневековой истории Отрарского оазиса, в том числе стоянкам новопокаменного века, культовым сооружениям средневекового Туркестана.

В сборник также включены наиболее значительные исследования и материалы по оседлым поселениям древней металлургии, палеозоологии Центрального Казахстана, по памятникам Семиречья и северо-западных районов республики.

Книга рассчитана на археологов, искусствоведов, студентов вузов гуманитарного профиля, музейных работников и краеведов.

Ответственный редактор
К. А. АКИШЕВ

А $\frac{10602-084}{407(07)-77}$ 86—77

© Издательство «Наука» Казахской ССР, 1977 г.

К. А. АКИШЕВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК ГОРОДИЩА ДРЕВНЕГО ОТРАРА (1971—1975 гг.)

Отрарский оазис, получивший название от Отрара, находится в 18 км к северо-западу от железнодорожной станции Тимур (Кызылкумский район Чимкентской области). Он был местом, где испокон веков сталкивались и взаимно переплетались две культуры — оседло-земледельческая и кочевническая. С одной стороны, Отрар испытывал сильное воздействие городской цивилизации Средней Азии, а с другой — кочевой степи.

Собственно Отрар был лишь центром одноименного оазиса, расположенного в среднем течении Сырдарьи, при впадении в нее Арыси. Общая площадь его земель около 250 кв. км. Однако влияние оазиса распространялось на оседло-земледельческую культуру северных отрогов Каратау, среднего течения Арыси и долины Бугуни.

Кроме того, Отрар был крупнейшим центром торговли Казахстана, через него проходили караванные пути, соединявшие Ближний и Средний Восток, а также Среднюю Азию с кочевыми политическими образованиями Евразии. В Отраре сходилась узел дорог, идущих из Южного Казахстана в низовья Сырдарьи, в Хорезм и далее на Русь.

Все это сделало Отрар и оазис важнейшим культурно-экономическим центром средневекового Казахстана и предопределило его роль в этногенезе казахского народа.

Особенно возросло значение Отрара в XV—XVII вв., когда он стал одним из основных городских центров казахских ханств.

В настоящее время на этом месте — огромный холм площадью 20 га, высотой 18 м. В 1971 г. для комплексного изучения региона Южного Казахстана и Отрара была организована Южно-Казахстанская археологическая экспедиция Академии наук Казахской ССР.

Пятилетние работы на Отраре и других памятниках оазиса убеждают в том, что многолетнее изучение древностей сравнительно локального региона имеет преимущества перед мелкомасштабными работами разрозненных археологических групп на множестве объектов.

Масштабные раскопки Отрара начаты в 1971 г. Они проводились большими горизонтальными площадями. Так, в 1971 г. размер раскопа достигал 7500 кв. м, в 1972 г. — 10 000, в 1973 г. — 15 000, в 1974 г. — 10 000 и в 1975 г. — 7500 кв. м; глубина раскопов была различной в зависимости от рельефа городища (0,5—1,8 м).

В течение пяти полевых сезонов исследована территория города XVI—XVIII вв. площадью 5 га, что составило одну четвертую часть территории позднесредневекового Отрара. В 1971—1972 гг. была изучена северо-западная часть городища, в 1973 г. — юго-западная, в 1974—1975 гг. — восточная, примыкающая к крепостной стене и к центру городища. Небольшой квартал был раскопан у южных ворот города, исследована также позднесредневековая усадьба на территории древнего рабада. Два крупных раскопа были заложены на оборонительных сооружениях Отрара.

В результате проведенных работ планировочный и архитектурный облик Отрара XVI—XVIII вв. выявлен полностью. На вскрытой площади обнаружено свыше 1000 жилых и хозяйственных зданий.

Жилые массивы сплошной застройки, дома поставлены впритык друг к другу, частая уличная сеть связана со сквозной центральной дорогой, соединяющей северные и южные ворота города. Параллельно основной артерии города внутри жилых массивов проложены магистральные улицы, которые множеством коротких улочек, переулков соединялись с главной дорогой Отрара. В местах пересечения улиц нередко располагались площади.

Основной застроечный компонент города — квартал, он состоит из 6—15 домовладений, ограниченных улицей или участком улиц. Большинство кварталов имеет небольшие площадки-дворики, общие для жителей одного квартала. Со стороны магистральных улиц стены домов, как правило, глухие. Такие же стены тянутся вдоль узких переулков.

В настоящее время на Отраре полностью раскопано 20 кварталов. В плане они прямоугольные, трапециевидные или многоугольные, площадью до 2500 кв. м.

Выделение кварталов в городской застройке Отрара, точное определение границ и состава домовладений в них выполнено в археологической практике Средней Азии и Казахстана впервые.

На примере Отрара можно утверждать, что большая часть города застраивалась одновременно по единому плану. В отличие, скажем, от позднесредневековой Бухары с ее кривыми узкими улочками, нечеткими очертаниями кварталов для планировки Отрара характерна «красная линия» улиц и кварталов, симметричное расположение парных ансамблей зданий, поставленных на одной оси; узкие улочки дополняют разгрузочные площади-дворы; большинство домов правильно спланирова-

ны. Важно отметить также, что застройка XVI в. полностью изменила планировочный облик Отрара XIV—XV вв. При сохранении общего направления основных улиц и расположения площадей старого города изменились очертания кварталов и планировка домов. Отрар XVI в. — это, по существу, заново построенный город.

На основе раскопок получено полное представление о жилище позднесредневекового Отрара. Анализ жилой архитектуры позволяет сказать, что существовал единый тип жилища, который можно назвать традиционным. Основная простейшая жилая ячейка — отапливаемая комната с айваном или передней. В многокомнатных домах такая ячейка неоднократно повторяется, т. е. с возрастанием площади и числа комнат принцип организации жилища не менялся, архитектурно-планировочное решение во всех случаях осуществлялось по единому традиционному типу.

Для многокомнатных домов в композиции планировки характерно два основных варианта: линейная планировка, или осевая, когда проходные помещения вытянуты в одну линию (75% домов), и крестообразная — смежное расположение комнат, каждая из которых составляет примерно четвертую часть дома.

Практически все функции жилого дома объединены в одной наиболее теплой комнате с печью-тандыром. Эта комната служила спальней, столовой и кухней. Центральные жилые помещения в домах очень похожи: при различной площади (8—10 до 45 кв. м) они, как правило, самые большие в комплексе и интерьер их стереотипен. Дверной проем устраивался в средней части фасадной стены; за дверью, внутри помещения располагалась небольшая прямоугольная площадка, вымощенная жженым кирпичом и занимавшая примерно $\frac{1}{8}$ площади комнаты. Остальное пространство занято глинобитной суфой высотой 0,4—0,5 м, борта ее укреплены жженым или сырцовым кирпичом.

Характерная деталь некоторых жилых помещений — неглубокая ниша, сделанная в стене рядом с дверным проемом.

Справа или слева от входа в суфу вмазана печь специального изготовления с закраиной в виде широкой массивной площадки, опущенной под уровень суфы. Устье топки выведено на край суфы в уровень с полом. Напротив топочного отверстия или сбоку в тулове печки имелось отверстие дымохода, канал которого проложен в суфе до ближайшего угла или стены помещения и далее — внутри стены в виде колодца и выведен наружу.

Печи в жилых помещениях были универсального назначения. В них можно было поставить казан для варки пищи, испечь лепешки, о чем свидетельствуют характерные для тандыров нарезки на бортах. Печи служили и для обогрева помещения благодаря системе дымоходов типа канов. Сверху печка закрывалась массивной плоской крышкой с грибовидной ручкой.

В жилом помещении, как правило, имелся дополнительный очаг на специальной глинобитной тумбе, которая пристраивалась вплотную к

суфе наискось от печи-тандыра. У очагов был, по-видимому, невысокий бортик. Иногда поблизости от печки встречаются небольшие очаговые ямки. Их назначение не совсем ясно, возможно, в них хранили жаровые угли, и тогда эти ямки служили своего рода сандалами.

Кроме жилой архитектуры нами изучена постройка общественного назначения, вероятно, городская мечеть. Она находится в юго-восточной части Отрара. Фасад здания выходит на небольшую площадь, образованную в месте пересечения трех улиц. Мечеть состоит из огромного зала площадью около 100 кв. м и примыкающей к нему с восточной стороны двухрядной анфилады подсобных помещений, среди них находится кухня для приготовления ритуальной пищи, комната для омовений и комната служителей культа. Культовая постройка выделяется монументальностью, она сложена из доброкачественного сырцового и жженого кирпича, в отделке здания применялся фигурный резной кирпич.

За пять полевых сезонов собрана огромная коллекция бытовой утвари — полихромной глазурованной и неполивной глиняной посуды различного функционального назначения, изделия из металла, камня, дерева, кости и стекла. Изделия из камня — это жернова ручных зернотерок и мельниц, песты, терочки, отбойники; изделия из железа — ножи, скобы, гвозди. Разнообразны женские украшения — серебряные и бронзовые браслеты, серьги, бусы из цветного камня и специальной пасты. Находки характеризуют быт и культуру населения позднесредневекового Отрара и позволяют воссоздать реальную картину жизни города.

Таким образом, в результате проведенных работ мы можем восстановить городской облик позднесредневекового Отрара. В XVI—XVII вв. Отрар был типичным азиатским глиняным городом, окруженным сырцовой крепостной стеной, в которой имелись три въезда. За стеной проходил глубокий ров, заполненный водой, против каждого ворот имелись дамбы или перекидные деревянные мостики. Письменные источники подтверждают, что в конце XV—XVI вв. Отрар вновь превратился в сильно укрепленную крепость и не раз отражал штурм многочисленных войск. Так, по сообщению Рузбехана, Отрар выдержал длительную осаду 30-тысячной армии казахских Бурундук-хана и Касым-султана¹.

Внутри город был тесно застроен поквартально саманными домами. Каждый квартал с четырех сторон замыкался глинобитными дувалами или глухими задними стенами примыкавших друг к другу домов.

Одним из важных итогов работ на Отраре является получение фактов о социальной стратификации городского населения.

Анализ городской планировки, застройки и состава находок позволяет поставить вопрос о социальной структуре квартальных общин Отрара. Домовладения в кварталах, тяготеющих к центральной части города, отличаются большими размерами, большим числом помещений улучшенной планировки. Например, в одном из кварталов, расположенном

¹ Пищулина К. А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV — XVII веках. — В кн.: Казахстан в XV — XVIII веках. Алма-Ата, 1969, с. 22.

у западной стены города, преобладают небольшие одно- и двухкомнатные дома, стены их сделаны небрежно, как бы наспех. В то же время в центре есть кварталы, состоящие из многокомнатных монументальных построек, сложенных добротнo, тщательно оштукатуренных, правильно спланированных. В таких домах при строительстве широко использовался жженный кирпич, в отделке интерьера применялись художественные керамические плиты, а в хозяйственных помещениях устраивалось много ларей, погребов и хумов для хранения продуктов. В одном из жилищных домов, например, был найден клад из 997 медных и серебряных монет. В каждом квартале удалось выделить дом квартального старшины. Это не всегда самый большой по площади или количеству комнат дом. Единственное его отличие — устройство двух печей в центральной комнате дома. Такой дом имеется в каждом квартале.

Пока неясно, по какому признаку складывались квартальные общины: по семейно-родственному или территориально-хозяйственному. Из письменных источников известно, что в некоторых городах Арабского Востока и Средней Азии кварталы комплектовались по родо-племенному признаку. В Отрае происхождение обитателей квартала выяснялось по тамгам, которые встречаются на керамике и жженных кирпичах. Однако установить закономерность в размещении их по кварталам удается не всегда. Больше того, иногда в домах находили предметы с тамгами, нанесенными на месте перечеркнутой старой тамги. Присутствие родовых тамг на изделиях из керамики и жженных кирпичах очень важно, ибо указывает на этническую принадлежность городского населения Отрая. Наиболее часто встречаются тамги кыпчаков, канглы, кереев, иногда дулатов и найманов.

Таким образом, представляется возможным выяснить этнический состав населения Отрая в XVI—XVIII вв.

Если принадлежность знаков к казахским родо-племенным тамгам подтвердится, то вполне вероятно, что керамические мастерские в различных городах Южного Казахстана были собственностью глав тех или иных казахских родов. Доказательство данного факта было бы очень важно, так как до сих пор мало известно о связях населения кочевой степи и городов в позднее средневековье и о той роли, которую играли города как центры ремесла и торговли в становлении казахской государственности.

Не менее важна и информация о развитии различных ремесел в городе. Доказана ремесленная специализация населения определенных кварталов Отрая XVI—XVIII вв. В северо-восточной части города проживали гончары, причем их мастерские находились в комплексе с жилыми домами. Одна из мастерских, например, состояла из четырех помещений и двора, в которых находились три печи. Две гончарные печи располагались во дворе и функционировали, видимо, летом, третья была в жилом помещении и работала зимой. Две комнаты этой мастерской предназначались для хранения глины и сушки изделий перед обжигом. Все печи овальные в плане, двухъярусные, наибольший диаметр их

1,2 м. Обжиговая камера сферической формы, в поду сделаны семь про-
духов, в боковой стенке — овалы для загрузки печи. Огневая
камера высотой 0,8 м, дым из нее выходил через канал в стене помеще-
ния. Воздух в огневую камеру поступал по длинному наклонному жело-
бу, проложенному в суфе.

В мастерской найдены жернова для растирания стеклообразной
массы и песка, тигель для ее варки, шарики поташа, палитра для кра-
сок, наковаленки. Готовая продукция гончара хранилась в специальной
яме. В одной из таких ям обнаружено около двух десятков водоносных
кувшинов, подготовленных ремесленником на продажу. Всего на Отра-
ре раскопано шесть печей XVI в., что говорит о развитом гончарном
производстве, работавшем на рынок.

Квартал хлебопеков располагался у западной стены города. Для
него характерны небольшие дома-мастерские с парными тандырами, в
которых выпекали лепешки. Почти в каждом доме этого квартала име-
лись амбары с ларями для хранения муки. Частые находки в домах
медных монет свидетельствуют о том, что хлеб выпекался на продажу.

В одном из домов центральной части Отра-
ра, судя по обилию ме-
таллических шлаков, вероятно, действовала мастерская по металлу, а в
юго-западной части Отра-
ра один из кварталов — квартал И — состоял
из ряда малых помещений, открытых в сторону внутриквартальной
улицы. Помещения входили в состав богатых многокомнатных домов.
По-видимому, они образовывали торговую улицу с рядами лавок.

Таким образом, в Отра-
ре имелись квартал гончаров, обеспечивав-
ших товаром внутренний и, возможно, внешний рынок, квартал хлебо-
пеков, снабжавших хлебом заезжий люд, торговые ряды, и мастерская,
обслуживавшие население. Все эти данные довольно полно характери-
зуют жизнь позднесредневекового города.

Степень развития городской жизни в тот или иной период тесно свя-
зана прежде всего с численностью городского населения. В этом отно-
шении масштабные раскопки позволили произвести подсчет количества
населения Отра-
ра в XVI—XVIII вв.

Сведения о населении Отра-
ра середины XVIII в. (1762 г.), послед-
него периода жизни города, приведены П. И. Рычковым². Он указывает,
что в Отра-
ре проживает 40 семей. Общепринято, что в Средней Азии и
Казахстане в период развитого феодализма семья состояла в среднем
из 5—7 человек. Таким образом, в 60-х годах XVIII в. в Отра-
ре прожи-
вало 200—280 человек. Данные П. И. Рычкова заслуживают доверия,
поскольку подтверждаются другой информацией. В Туркестане, сооб-
щает П. И. Рычков, насчитывалось 1000 семей. Перепись 1867 г. под-
твердила эту цифру, было установлено, что численность населения в
Туркестане 5000 человек³. Количество народонаселения Отра-
ра опреде-
ляется следующим методом: по числу домовладений в квартале — чис-

² Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Сочинения П. И. Рычкова
1762 г. Оренбург, 1887, с. 18—20.

³ Бартольд В. В. Туркестан.— Соч., т. III. М., 1965, с. 520.

ленность жителей одного квартала, затем по общему количеству кварталов в городе — количество всех жителей в городе. Этот метод определения числа населения Варахши предложил В. А. Шишкин⁴. В основу подсчетов он положил соотношение площади города и отдельной усадьбы. Определив общее количество домовладений в городе, он высчитал численность жителей города.

Площадь одного жилого квартала в Отраре в среднем около 1500 кв. м. Вся территория его в XVI в. равнялась 20 га, или 200 000 кв. м. Если учесть, что часть ее была занята зданиями общественного пользования (мечети, бани и т. д.), улицами, площадями и базарами и все они занимали четвертую часть площади города, то территория, занятая кварталами, была не менее 15 га, или 150 000 кв. м. Таким образом, вероятно, в поздневековом Отраре было 100 жилых кварталов. Количество жилых домов в каждом квартале колебалось от 6 до 15 домов, в среднем по 10 домов. Каждое из домовладений принадлежало отдельной семье, состоящей из 5—7 человек. Всего в квартале проживало 50—70 человек. Зная количество жителей в одном квартале и общее число жилых кварталов в городе, все население Отрара можно определить в 5—7 тысяч человек. Эти данные могут быть проверены и другим путем. На раскопанном участке Отрара, составляющем четвертую часть города, насчитывается около 250 жилых домов. На всей территории позднесредневекового города было, по-видимому, не меньше 1000 домов. При составе индивидуальной семьи 5—7 человек общее число жителей определяется в тех же пределах. Таким образом, эту цифру можно считать наиболее достоверной. Для сравнения укажем, что в крупнейшем среднеазиатском городе Бухаре в конце XIX в., по подсчетам этнографов, проживало около 70 тысяч жителей. Данных о населении Бухары и других городов Средней Азии в XVI—XVII вв. не имеется.

Представляют большой интерес новые сведения по палеоэкономике средневекового Южного Казахстана. Значительные работы проведены по изучению вопросов бытового и хозяйственного водоснабжения города, развития орошаемого земледелия, торговли и денежного обращения в Отраре. Вопросы водоснабжения и поливного земледелия исследовались в плане выявления, картирования и получения стратиграфических профилей остатков оросительной системы и гидротехнических устройств⁵.

Наземное обследование с привлечением материала аэрофотосъемки позволило обнаружить в Отрарском оазисе многочисленные следы поливного земледелия.

Были обследованы остатки ранних оросительных памятников (I—VII вв.) — обвалованные старицы, искусственные арыки, позволяющие судить о зарождении искусственных гидротехнических сооружений в Отрарском оазисе.

Помимо этого, здесь зафиксированы и изучаются следы четырех

⁴ Шишкин В. А. Варахша. М., 1963, с. 106.

⁵ Грошев В. А. Новые данные об оросительных системах Отрарского оазиса. См. настоящий сборник, с. 19.

разновременных более поздних оросительных систем. Это — Сангыл-арык (VII—IX вв.), Алтын-арык (X — начало XIII в.), Каракунчук-арык (XIII—XIV вв.) и Темир-арык (XIV—XVII вв.). Магистральные каналы названных систем выведены из Арыси. Головные сооружения до наших дней не сохранились. Ирригационные трассы имеют ветвистую конфигурацию, они различной степени сохранности. Средняя протяженность их около 30 км. На основе аэрофотоснимков и маршрутных поисков ведутся работы по составлению карты земель древнего орошения Отрарского оазиса.

Изучена также оросительная система Ак-арык, расположенная на левом берегу Сырдарьи в районе городища Оксыз, отождествляемого со средневековым городом Весиджем, где родился аль-Фараби. Здесь зафиксировано девять разновременных головных каналов, отстоящих друг от друга вверх по Сырдарье на 200—500 м. Сам магистральный канал Ак-арык значительно не изменялся. Обследованием установлено, что гидротехнические сооружения Оксыза существовали с VII по XIV в.

Отрарское водохранилище являлось сложным по инженерной конструкции и универсальным по назначению гидротехническим сооружением, рассчитанным на удовлетворение самых разнообразных водохозяйственных нужд города. Строительство водохранилища велось в два этапа: в X—XII вв. функционировал резервуар малого объема, в середине XIII в. с его юго-восточной стороны соорудили дополнительный котлован. В таком виде оно просуществовало до XVII в. К началу XVIII в. сохранился уже небольшой водоем, который к XIX в. окончательно был заброшен. К этому же периоду относится прекращение жизни на Отраре.

В Отрарском оазисе обследованы также остатки различных гидротехнических сооружений эпохи средневековья: защитные дамбы, поля, полуплотины, водоотводы и частично городской водопровод.

Большая нумизматическая коллекция (более 3000 монет), собранная во время раскопок, дала ценнейшую информацию о торговле и денежном обращении в Отраре в XVI—XVIII вв. Она свидетельствует об Отраре как о крупном экономическом центре в XVI—XVII вв.

Среди монет Отрара XVI в. большинство составляют медные монеты местного чекана, преимущественно г. Туркестана, а также Ташкента и иногда Бухары и Самарканда⁶. Немалую роль в каждодневной торговле Отрара играла мелкая медь с тамгами — продукция Туркестанского монетного двора. Не исключено, что эти монеты выпускались в самом Отраре. Тамги на них аналогичны тамгам, встречающимся на отрарской керамике. Находки на городище большого количества (200 экз.) мелкой меди говорят о размахе денежной торговли и развитии ремесел в позднесредневековом Отраре. Поскольку на данных монетах нет выпускных сведений, то трудно определить их время изготовления. Возможно, они были в обращении в XVI—XVII вв.

⁶ *Бурнашева Р. З.* Монетный материал с городища Отрар-тобе за 1971—1972 годы. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 158—172.

Среднеазиатская чеканка XVI в. на Отраре найдена в незначительном количестве, всего около 20 экз. В основном это медные монеты первой половины XVI в. Бухары и Самарканда. Денежные знаки второй половины XVI в. представлены двумя медными монетами шейбанида Абдуллы-хана II и двумя серебряными монетами, но очень плохой сохранности. Нам известен чекан серебряных монет в Туркестане (Ясы) во второй половине XVI в. при Искандер-хане. Возможно, эти монеты принадлежали ему. Большую часть монет из Отрара составляет медь, которая по форме и технике изготовления датируется XVI—XVIII вв.

Следует считать доказанным, что в XVI в. внутренний рынок Отрара в основном обслуживался медными монетами местного туркестанского и частично ташкентского чекана. Процент среднеазиатского материала по сравнению с местным был незначительным.

Иная картина в денежном хозяйстве Отрара наблюдалась в XVII в. Большое количество хорошо сохранившихся серебряных монет, датированных серединой XVII в., говорит об исключительно интенсивном развитии товарно-денежных отношений в Отраре в этот период, о росте торговых связей с сопредельными странами.

В наших нумизматических коллекциях из Отрара нет монет, датированных XVIII в. Возможно, в денежном обращении были медные монеты XVI—XVII вв. Имеются лишь две монеты Юнус-ходжи, который в 1784 г. был избран правителем Ташкента. Отрар к концу XVIII в. теряет свое значение экономического центра.

Таким образом, и нумизматические находки доказывают, что широкое развитие товарно-денежных отношений, а в целом новый расцвет экономики и культуры Отрара происходят в XVII в. после окончательного перехода города под власть казахских ханств, в период укрепления и усиления ханств. Благоприятная политическая обстановка способствовала расцвету не только Отрара, но и других городских центров — Сыгнака, Туркестана, Сузака, а также появлению новых городов — Аккургана, Рана и других.

Новейшие археологические данные свидетельствуют о распространении городской культуры в XVI—XVIII вв. вширь, за пределами района среднего течения Сырдарьи. На северных склонах Каратау, на границе пустыни Бетпак-Далы, поисковыми работами обнаружены остатки таких позднесредневековых городов, как Куль-тобе, Ран, Тас-тобе, Билял-тобе.

В 1972—1975 гг. производились раскопки городищ Куль-тобе и Ран. Установлено, что северокаратауские городища существовали в период жизни Отрара и были чрезвычайно близки с ним по облику материальной культуры. В Отраре и в каратауских городах, судя по тамгам на керамических изделиях, проживало родственное по этническому составу население.

Однако, как и следовало ожидать, на экономику и культуру северокаратауских городов наложило отпечаток их соседство с кочевническим Дешт-и Кыпчаком. Одна из особенностей культуры этих городов — повто-

рение форм деревянной посуды казахов-кочевников в керамических сосудах городских гончаров.

По имеющимся данным, палеоэкономика этих городов основывалась преимущественно на оседлом и полuosедлом скотоводстве, поливное земледелие было ограничено недостатком воды. В городах, вероятно, немалое количество домовладений принадлежало кочевым скотоводам.

В результате пятилетних раскопок Отрара получены новые археологические, нумизматические и палеозоологические материалы, проливающие свет на палеоэкономику, культуру и демографию позднесредневекового города Южного Казахстана. На основе их могут быть с достаточной полнотой решены следующие вопросы истории казахстанского города: архитектура и планировка города, формы хозяйства и товарно-денежные обращения, социальная и ремесленная стратификация, численность и этнический состав населения, материальная культура и бытовой уклад, планировка и интерьер жилища, ирригационная система и водоснабжение.

Решение этих вопросов по археологическим данным с привлечением сведений синхронных письменных источников даст полное представление о жизни Отрара в XVI—XVIII вв. как одного из городских центров, входивших в состав казахских ханств.

В. А. ГРОШЕВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ОРОСИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМАХ ОТРАРСКОГО ОАЗИСА

Одной из задач комплексной археологической работы в Южном Казахстане является изучение оросительных систем Отрарского оазиса. Обследованию подверглись Сынгыл-арык (система I), Алтын-арык (система II), Каракунчук-арык (система III) и Темир-арык (система IV). При археолого-топографическом изучении оросительных сооружений были использованы материалы камерального дешифрирования аэрофотоснимков¹ 1959 и 1969 гг.², а также крупномасштабные топографические карты данного района.

На плановых аэрофотоснимках выявлены старые дельтовые протоки Арыси. Они довольно хорошо прослеживаются на древних полях и имеют вид извилистых меандров между раннеземледельческими поселе-

¹ Аэрофотоснимки изучались в Чимкентском филиале института «Казгипрозем».

² Акишев К. А., Байпаков К. М., Ермакович Л. Б. Отрар по итогам работ 1969 г. — «Вестник АН КазССР», 1970, № 6, с. 60—64; *и др.* Археологические работы в Южном Казахстане. — В кн.: Археологические открытия 1969 года. М., 1970, с. 397—398.

ниями. У некоторых поселений отчетливо видны узкие полосы арыков, выведенных из протоков.

Наземными поисками обнаружены и зафиксированы многочисленные остатки старых протоков в районе современного поселка Кылыт, расположенного в 4 км от впадения Арысы в Сырдарью. Одно из старых русел хорошо сохранилось и было обследовано на протяжении 2 км от Арысы по направлению к городищу Пшакши-тобе. Ширина протоки 20 м. Отмечены следы искусственной обваловки русла. Высота валиков 25 см. У старицы зафиксированы поселение I—IV вв. и остатки небольшого арыка, с помощью которого вода выводилась из протоки и подавалась к поселению. Ширина арыка 3 м.

Русла древних протоков выявлены нами и в центре Отрарского оазиса. Но здесь они перекрыты поздними культурными наслоениями. Старые русла и протоки отмечены также в северной части. На аэрофотоснимке участка местами видны неясные следы арыков, подводивших воду к раннеземледельческим поселениям, в большом количестве расположенных вдоль древних русел³.

Керамический материал, собранный на протоках и поселениях, топографически связанный с ними, а также полученный в результате археологических работ, представлен в основном фрагментами от хумов, котлов, кувшинов, кружек и крышек.

Самую многочисленную группу составляют горловины от кувшинов. Условно они могут быть разделены на три группы. Сосуды первой группы с красновато-коричневым ангобом и лощением, с четко выраженным горизонтальным рифлением по горловине аналогичны посуде джетысарской культуры, начиная с первых веков нашей эры⁴. Ко второй группе относятся фрагменты широкогорлых кувшинов, типологически близких к кувшинам нижнего горизонта Шаушукум-тобе⁵, керамике Актобе 2 (Чардара)⁶, Костобе⁷.

Третья группа посуды представлена фрагментами кувшинов, из готовленных на вращающейся подставке. Подобная керамика характерна для комплексов I—IV вв. поселений среднего течения Сырдарьи и долины р. Арысь⁸. Вся керамика датируется I—V вв. н. э.

³ Древние русла Арысы у поселений Маслахат и Шошак были отмечены в 1966 г. отрядом Хорезмской экспедиции. См.: *Левина Л. М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии нашей эры. М., 1971, с. 211. Комплекс поселений у древних русел обследован Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедицией. См.: *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с. 139—153.

⁴ *Левина Л. М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи ..., с. 10—20.

⁵ *Агеева Е. И.* Керамика городища Шаушукум-тобе и ее датировка. — В кн.: *Древности Чардары*. Алма-Ата, 1968, с. 97—100, табл. II.

⁶ *Вайнберг Б. И., Левина Л. М.* Поселение Актобе 2. — В кн.: *Древности Чардары*. Алма-Ата, 1968, с. 36—71.

⁷ *Левина Л. М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи ..., с. 211.

⁸ *Агеева Е. И.* Керамика городища Шаушукум-тобе и ее датировка ..., с. 94. табл. I; *Левина Л. М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи..., с. 198—224, рис. 62, 63, 64; *Подушкин Н. И.* Новые поселения раннеземледельческой культуры на юге Казахстана. — «Известия АН КазССР, серия обществ.», 1968, вып. 5, табл. II, 2—4.

В процессе археолого-топографического обследования в 1,5 км юго-восточнее Кызлту, на обрывистом берегу Арыси, обнаружен исток оросительной системы Сангыл-арык. Головной частью магистрального канала служила одна из упомянутых стариц. На берегу сохранились остатки головного сооружения в виде двух параллельных дамб, расположенных по обеим сторонам старого русла. Длина их 10 м, ширина в средней части 3 м, высота 1,15 м. С помощью водозаборного сооружения вода из Арыси поступала в старицу, а затем в оросительную сеть. Ширина протоки 25 м.

Далее ложе канала тянется в северо-западном направлении к городищу Пшакши-тобе. Здесь заканчивается холостой пробег воды, далее идет зона орошаемых земель. Вода с помощью оросителей подавалась к городищу Отрар и к поселениям Бес-Актобе. Последние памятники хорошо сохранились и датируются I—VIII вв. н. э.

От Пшакши-тобе трасса канала прослеживается в направлении к городищам Куйрук и Алтын. На этом участке выявлен отрезок магистрального канала, не тронутый поздними перестройками. На плановых аэрофотоснимках в окрестностях названных городищ отмечено множество следов средневековых каналов. Обнаружено также много следов от древних полей, виноградников, бахчей, которые имеют на плане вид прямоугольников и квадратов (рис. 1).

На местности оросительные каналы просматриваются как валы, возвышающиеся над поверхностью на 1 м. Они имеют меридиональное направление⁹. Археологический разрез магистрального канала в этом месте позволил установить высоту (1 м) и ширину (8 м) валов и показал, что здесь когда-то был дельтовый проток Арыси шириной 12 м, который впоследствии использовали под русло магистрального канала оросительной системы Сангыл-арык.

На археологических памятниках, топографически связанных с оросительной системой Сангыл-арык, собрана многочисленная керамика. Это фрагменты хумов, горшков, кувшинов, ручек и крышек. Аналогии хумам отмечены в керамическом материале второго и третьего этапов Каунчинской культуры¹⁰, верхнего горизонта городища Шаушукум-тобе¹¹, слоев VII—VIII вв. стратиграфического раскопа Отрара¹². Найдено много фрагментов кувшинов, изготовленных вручную и на гончарном круге. Подобные кувшины имеются в верхнем строительном горизонте Шаушукум-тобе¹³. Обнаружен фрагмент конической крышки из грубого шамото-дресвяного теста с орнаментом в виде радиально расходящихся прорезных линий. Подобные крышки широко распространены в отрар-

⁹ В свое время Е. И. Агеева приняла их за дрены. См.: Агеева Е. И., Пачевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. — «Труды ИИАЭ АН КазССР». Т. V. Алма-Ата, 1958, с. 70.

¹⁰ Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи..., с. 91, 111.

¹¹ Агеева Е. И. Керамика городища Шаушукум-тобе..., с. 92, 120.

¹² Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар, с. 85—86.

¹³ Агеева Е. И. Керамика городища Шаушукум-тобе..., с. 92, 120.

ско-каратауской культуре (VI—VIII вв.)¹⁴. В целом керамика датируется VI—VIII вв.

Другая система Алтын-арык, обследованная на землях древнего орошения Отрарского оазиса, сохранилась лучше. Ее исток зафиксирован в 500 м выше по течению Арыси от головного сооружения Сангыл-арыка. Ширина головной части Алтын-арыка 14 м, высота валов 2,9 м. Ширина ложа канала в центре системы у Куйрук-тобе 7—9 м, высота валов около 3 м.

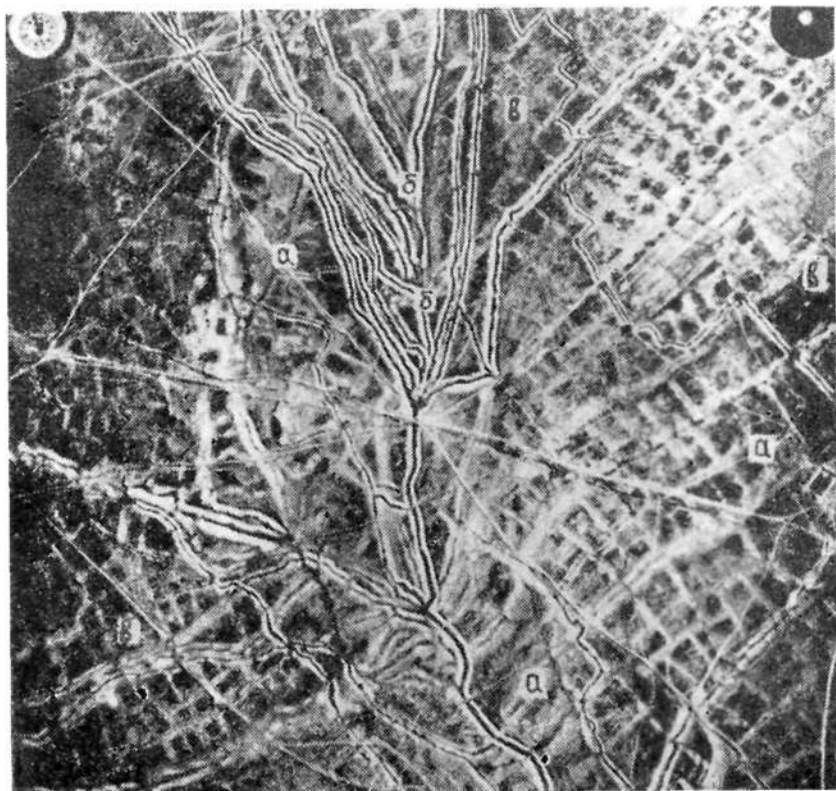

Рис. 1. Древние ирригационные каналы Отрарского оазиса: а — Сангыл-арык (VII—IX вв.); б — Алтын-арык (X—начало XIII в.); в — древние поля. (Фрагмент аэрофото).

При зачистке одного из водораспределителей обнаружены остатки приспособления, состоящего из девяти звеньев гончарных труб. Трубы залегают на глубине 1,5 м от современной поверхности. Длина одной

¹⁴ Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи..., с. 229.

трубы 0,7 м, диаметр одного отверстия 22 см, другого 32 см. В 4 см от первого отверстия имелся венчик-муфта, который служил упором при соединении узкой и широкой горловин двух звеньев. В заполнении труб найдены осколки стекла, кусочки медных монет, раковина, фрагменты керамики и кусок медной проволоки небольшого диаметра. Приспособление, очевидно, служило для подачи воды из распределителя на поля. В 10 м от труб находился участок бахчи размером 100×50 м, на котором отчетливо видны борозды шириной от 0,70—1 м и гряды шириной 3,5—3,7 м. В центре участка заложен шурф, выявивший культурный слой мощностью до 1 м. Это свидетельствует об интенсивном и продолжительном периоде существования поливного земледелия в данном районе.

Наряду с изучением основной трассы Алтын-арык обследовались каналы этой системы, обеспечивавшие водой Отрар и его окрестности. Здесь зафиксированы остатки нескольких распределителей. В частности, одна ветвь орошала территорию, прилегающую к городу с восточной стороны (обводной канал). Ширина ложа в средней части 6 м, высота береговых отвалов 1,5 м. На одном из участков раскопана гончарная печь X—XII вв.¹⁵

Другая ветвь проходила между обводным каналом и каналом, орошавшим территорию восточного рабада Отрара. Канал плохо сохранился. Он почти полностью скрыт современными полями. Следы от него в виде темной полосы дешифрируются на плановых аэрофотоснимках. Она прослеживается до современного населенного пункта Карагалы Чимкентской области. У поселка во время наземных поисков по трассе действующей сбросной сети при зачистке участка откоса (5×10 м) нами зафиксировано русло описываемого канала шириной 3 м и керамические трубы водораспределителя.

При раскопках каналов оросительной системы Алтын-арык собрана разнообразная по составу и орнаментации неполивная и поливная посуда. Встречены фрагменты хумов, хумчей, сосудов типа ям, чаш, крышек, ручек, достарханов, тагоры, горшков и водопроводных труб. Неполивная керамика находит аналогии с посудой из слоев X—начала XIII в. стратиграфического раскопа Отрара¹⁶. Этим же временем датируется и поливная керамика.

Исток третьей оросительной системы Каракунчук расположен в 3 км вверх по течению р. Арысь от головной части Алтын-арыка. Водозаборное сооружение не сохранилось. На местности хорошо прослеживаются холостая часть магистрального канала и его остатки около Отрара. Остальные элементы системы исчезли. В тех случаях, когда трассу не удавалось обнаружить наземными поисками, каналы фиксировались на схеме с помощью аэроснимков.

Протяженность головного канала Каракунчук по аэрофотоснимкам

¹⁵ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Археологические работы в Южном Казахстане. — В кн.: Археологические открытия 1971 года. М., 1972, с. 397—398.

¹⁶ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар, с. 98.

около 4 км. На местности у истока сохранился лишь отрезок длиной 500 м. Ширина его ложа 15 м, высота валов 2,5 м.

У Отрара магистральный канал проходил сначала по южной окраине города, затем огибал водохранилище, подходил к Арслан-бабу и Куйрук-тобе и поворачивал на северо-запад к Сырдарье. У Куйрук-тобе ширина его ложа равнялась 5—7 м. Вдоль канала у городища выявлены сельские усадьбы XIII—XIV вв.¹⁷

Поливная керамика, обнаруженная в раскопах каналов Каракунчук, представлена в основном фрагментами боковин, венчиков и донцами чаш типа пиалы и кесе, а неполивная — фрагментами от сосудов тагора, кувшинов, хумов. Вся посуда характерна для Отрара XIII—XIV вв.¹⁸

Головной участок оросительной системы Темир-арык зафиксирован в 15 км выше предыдущей системы. Он расположен рядом с современной плотиной, которая служит водозабором действующей ирригационной сети, построенной в 1936 г. У истока Темир-арыка наземными поисками выявлено круглое в плане укрепление в виде бугра диаметром 25 м, высотой 3 м и оградительные дамбы, от которых сохранились валы высотой 1,5 м. Дамбы защищали головной участок от разрушительных действий паводковых вод.

Как показали исследования, головные сооружения оросительной системы Темир-арык состояли из четырех каналов, которые подводили воду к основному руслу шириной 20 м. Высота валов более 5 м. Участок холостого пробега воды в магистральном канале составлял более 10 км. Он оканчивался у современного поселка Шаульдер. Здесь к востоку от Темир-арыка отходила первая ветвь распределительных арыков, с помощью которых орошались земли Отрарского оазиса в районе современной станции Тимур.

Основная трасса Темир-арыка от поселка Шаульдер сообразно рельефу местности идет в направлении к Отрару. На аэрофотоснимках по обеим сторонам русла видны многочисленные ответвления в виде темных и светлых полос. В окрестностях города наземными поисками обнаружено несколько ветвей каналов. Одна отходила в направлении современных поселков Баялдер и Каргалы, другая подходила к Отрарскому водохранилищу, а затем — к мечети Арслан-баба. Один из распределителей был устроен на северном отрезке вала на месте оборонительной стены рабада¹⁹. Высота сохранившегося вала 2,4 м, ширина по основанию 23 м. На этом участке заложена траншея длиной 25 м, шириной 2 м. Работы были доведены до вязкого материкового слоя и вследствие выхода грунтовых вод закончены на глубине 5,2 м.

Основное ложе магистрального канала Темир-арык прослежено в 1,5 км северо-восточнее Отрара. Общее направление его в сторону юж-

¹⁷ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар, с. 152.

¹⁸ Там же, с. 153.

¹⁹ Этот канал зафиксирован А. Н. Бернштамом. См.: Бернштам А. Н. Древний Отрар. — «Известия АН КазССР, серия археол.», 1951, вып. 3, с. 93.

ной окраины песков Ешки-Ульмес хорошо видно на аэрофотоснимках. На местности канал выделяется невысоким валом с шириной ложа 12 м. Мелкая сеть почти полностью уничтожена.

В ходе поисков и в процессе раскопок собрана разнообразная по составу и орнаментации коллекция поливной и неполивной керамики. Поливная керамика в основном состоит из фрагментов чаш и пиал на кольцевом поддоне. Внутри и снаружи она покрыта разнообразной по составу и цвету поливой. Неполивная керамика представлена боковинками хумов и хумчей, орнаментированных вертикальными и косыми насечками, весь комплекс керамики характерен для Отрара XV—XVII вв.²⁰

Таким образом, археолого-топографическое изучение оросительных систем Отрарского оазиса в 1974—1975 гг. путем наземных маршрутных поисков и привлечения материалов аэрофотосъемки позволило наметить общую схему поэтапного развития ирригационных каналов и орошаемого земледелия в данном районе.

Как показали исследования, на рубеже нашей эры в Отрарском оазисе происходит интенсивное освоение земель в дельте Арыси. Расположение многочисленных поселений вдоль берегов извилистых протоков реки указывает на то, что ранние земледельцы использовали под посевы места, затопляемые во время паводков и возле старых русел, которые, как правило, «в древности представляли собой тихие протоки с медленно текущими водами, изобиловавшие рыбой, с берегами, покрытыми камышами и тугаями»²¹. Несомненно, что возникновение на данной территории очагов орошаемого земледелия может быть отнесено к более раннему периоду, так как и в глубокой древности низовья Арыси, очевидно, имели благоприятные естественно-географические условия для развития нафьков каирного и лиманного орошения.

В I—VI вв. в Отрарском оазисе для орошения земель стали использовать обвалованные русла и небольшие арыки. Арычная система орошения полей дает основание говорить о строительстве на данном этапе простых ирригационных систем. С помощью арыков вода могла отводиться от русел, что давало возможность осваивать новые земли. В свою очередь, обваловка стариц обеспечивала более или менее постоянное водоснабжение определенного земельного участка. Это способствовало увеличению поселений в оазисе²². Орошение в I—VI вв. осуществлялось по схеме река — обвалованная старица — ороситель — поле и носило лиманно-озерный характер с забором воды из русел, подтопленных в период паводков.

В раннее средневековье на территории Южного Казахстана «происходит интенсивное развитие земледельческой культуры»²³, что косвенно отражает рост ирригационной техники. В изучаемом районе в VII—

²⁰ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар, с. 110—121.

²¹ Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969, с. 104.

²² Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар, с. 139—152; Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи..., с. 227.

²³ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар, с. 209.

IX вв. создается обширная веерообразная оросительная система Сангыл-арык. Под магистральный канал была приспособлена одна из стариц, переуглубленная и выпрямленная. Извилистое ложе, наличие старого русла в головной части и русловая линза в разрезе магистрального канала — все это убедительно доказывает рождение данной системы на месте древних протоков и русел. В это время орошение производилось по схеме река — головное сооружение на старице — магистральный канал — ороситель — поле.

Как показало обследование другой системы, а также аналогии керамическому материалу, собранному на ней, ирригационные каналы Алтын-арыка функционировали в X — начале XIII в. В этот период ирригационная техника в Отрарском оазисе приобретает свои классические черты. По своему характеру она резко отличается от предшествующей. Меняется общий рисунок системы. Вместо веерообразных оросителей проводятся длинные и узкие каналы ветвистой конфигурации. Однако магистраль по-прежнему проходит по старой трассе, лишь выправляя ее. Система орошения перестраивается не только в средней и нижней частях, но и в верховье. Возводятся головные сооружения и сбросовый канал. Оросительная система состоит из следующих основных звеньев: головные сооружения, холостая часть магистрального канала, сбросовый канал, главный магистральный канал, распределители первого и второго порядка и оросители.

Для оросительной системы X—XII вв. характерен и высокий уровень гидротехнического строительства. В пределах Алтын-арыка возводятся мощные защитные дамбы, строятся водохранилища и подземные водопроводы. Широкое распространение получают водоподъемные сооружения — чигири, водораспределители из керамических труб и акведуки. Все это позволило значительно расширить посевные площади в восточном, северо-восточном и северном направлении от Отрара. Орошение стало производиться по классической схеме: река — система голов — магистральный канал — распределители первого и второго порядка — оросители — поле.

После монгольского нашествия, разрушения Отрара и других городов оазиса в упадок приходит и ирригационная сеть. Но уже к середине XIII в. Отрар восстает из руин и его роль в экономической и политической жизни оазиса вновь возрастает²⁴. Возвышение Отрара связывается со строительством новой оросительной системы — Каракунчук. Вследствие углубления русла Арыси, засоления земель, а также разрушения городов в западной части Отрарского оазиса исток новой системы переносится на 3 км выше по течению. Трасса магистрального канала сооружается так, что его низовья проходят на западе около городища Куйрук-тобе.

В тимуридский период вследствие постоянного роста города и увеличения посевных площадей прежняя система уже не могла обеспечить самотечный полив низовой части, поэтому появилась необходимость в

²⁴ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар, с. 36.

строительстве новой обширной и сильно разветвленной оросительной системы Темир-арык. Керамический материал датирует ее XV—XVII вв. Нужно учесть, что строительство такой мощной системы было возможно лишь при сильной централизованной власти. Письменные источники говорят о том, что в конце XIV в. Отрар принадлежал Тимуру, а затем — тимуридам²⁵. Известно, что во времена Тимура велись большие ирригационные работы²⁶. Поощрялась и частная инициатива. Учитывая это, можно предположить, что начало строительства системы Темир-арык относится к концу XIV — началу XV в.

Итак, возникновение и развитие ирригации в Отрарском оазисе — довольно сложный историко-культурный процесс. Он свидетельствует о постепенном росте у местного населения навыков орошаемого земледелия.

Р. З. БУРНАШЕВА

МОНЕТЫ ИЗ ОТПАР-ТОБЕ (1973 г.)

В 1973 г. отрядами Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции велись работы на шести раскопах Отрар-тобе. За сезон были выявлены 102 медные монеты (часть — фрагменты) и большой клад (978 экз.). Этот нумизматический материал является ценным источником для характеристики денежного обращения Южного Казахстана в эпоху позднего средневековья. По предварительным данным, клад содержит чеканы нескольких городов (в основном Ташкента, Ясы и других). Поскольку материал малознаком и охватывает весьма интересный, но мало изученный период (XVII — середина XVIII в.), то необходим его подробный анализ.

Из 102 экземпляров 31 из-за плохой сохранности и фрагментарности не поддается определению. У 16 экземпляров надпись стерта, но по форме и технике изготовления они могут быть отнесены к чекану XVI—XVIII вв. Самую большую группу в нашем материале составляют мелкие медные монетки (40 экз.), которые находили и ранее на Отрар-тобе и на городищах Отрарского оазиса¹. Кроме того, подобный материал часто встречается в кладах, обнаруженных в 1960 г. при археологических работах на территории мавзолея Ходжа Ахмеда Ясеви². Ежегодные сборы этих монет на Отрар-тобе и наличие их в пяти крупных кла-

²⁵ Там же, с. 38.

²⁶ Гафуров Б. Г. Таджики. М., 1972, с. 483—489.

¹ Бурнашева Р. З. Монетный материал с городища Отрар-тобе за 1971—1972 годы. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 164—165.

² Бурнашева Р. З. Клады медных монет из г. Туркестана — В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 65.

дах из Туркестана, без сомнения, говорят о том, что данная медь была в обращении не только в районе Отрара, но и во всем Южном Казахстане в позднее средневековье (XVI—XVIII вв.). Сравнив средний вес мелких медных монет из Отрарского оазиса (Отрар-тобе и поселок Чага) и ташкентских пулов XVI в., мы уже высказали предположение о том, что эта медная монета представляет собой денежную единицу, равную $\frac{1}{6}$ части основного медного номинала XVI в. — динара³. Вероятно, такое дробное деление меди бытовало на юге Казахстана не только в XVI в., но и в более позднее время, т. е. до конца правления династии Джанидов.

В середине XVIII в., в период распада государства Джанидов, на территории Средней Азии возникли три самостоятельных ханства: Кокандское, Бухарское и Хивинское. Выпускаемая в ханствах серебряная монета качественно отличалась от монет предшествующей династии. Во-первых, ее чеканили в весовом эталоне 3,6 г (при Джанидах — 4,8 г), во-вторых, содержание серебра, например в бухарской монете, увеличилось с 80 до 95%, тогда как в деньгах последних джанидских государей имелось от 9 до 35% серебра⁴. Несколько изменилось оформление медной монеты: на ней чаще стали ставить дату выпуска, иногда даже имя государя или же благопожелание ему *عاقبت خير باد* (Да будет славен он в будущей жизни!), не говоря уже о названии монетного двора. Эти данные позволяют говорить о том, что выявленная нами мелкая медная монета анэпиграфная и анонимная, обращалась только на территории Южного Казахстана и имела чисто местный характер, т. е. выпускалась своим монетным двором. Им мог быть уже известный монетный двор в городе Туркестане, продукция которого обозначалась без даты как чеканенная в Ясах — *ضرب يسی*⁵. Хотя из письменных источников мы знаем, что только с конца XVI в. начало входить в употребление современное название Туркестана⁶, однако в XVII в. монеты этого города могли выпускаться еще с прежним названием монетного двора — *ضرب يسی* (Чекан Ясы). Поскольку мелкие монеты из Туркестана (Ясы) и Отрарского оазиса анэпиграфные и анонимные, то трудно точно определить время их функционирования и принадлежность. Но решение данного вопроса несколько облегчают сами монеты, на некоторых из них имеются рисунки-знаки.

Эти знаки весьма разнообразны: в частности, в виде крестика (+), удлиненного крестика (—) квадратной сетки с точками (⦿), дугообразных линий, параллельных ободку монеты (≡) и др. Подобные рисунки-тамги встречены на сосудах из городищ северных и южных скло-

³ Бурнашева Р. З. Монетный материал с городища Отрар-тобе, с. 165.

⁴ Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. (Золотые и серебряные монеты Джанидов). Душанбе, 1964, с. 145, 147.

⁵ Бурнашева Р. З. Клады медных монет из г. Туркестана, с. 65.

⁶ Пищулина К. А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII веках — В кн.: Казахстан в XV—XVIII веках. Алма-Ата, 1969, с. 19.

нов Каратау⁷ и из позднесредневековых слоев Сузака и Культобе⁸. Они зафиксированы и на керамике отарского производства (слои XVI—XVIII вв.). Керамику с тамгами-знаками казахстанские археологи считают своеобразным сырдарьинских материалов, еще не отмеченным в позднесредневековой среднеазиатской керамике. Она свидетельствует «либо о родо-племенной принадлежности мастера, либо о принадлежности той или иной керамической мастерской главам казахских родов»⁹.

Таким образом, некоторая идентичность знаков, встречающихся на керамике Южного Казахстана, со знаками на мелкой меди с этой же территории подтверждает местное происхождение мелких медных монет. Вероятно, это были дробные единицы данного региона в XVI—XVII вв. Наличие такого количества дробной меди свидетельствует о размахе денежной торговли, о росте земледелия, ремесла и торговли в период образования казахских ханств XVI—XVII вв.

Теперь рассмотрим мелкую медь из Отрара по весу. По этому признаку она делится на три группы. Для определения среднего веса каждой группы используем графический метод, который позволит исключить экзemplы со случайными отклонениями от нормы и вычислить среднюю арифметическую.

Таблица 1

Кол-во монет	Вес, г									
	0,94	1,02	1,03	1,15	1,21	1,22	1,30	1,46	1,50	1,81
1	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Таблица 2

Кол-во монет	Вес, г.							
	0,51	0,56	0,65	0,67	0,71	0,73	0,76	0,83
1	+	+	+	+	+	+	+	+
2		+		+		+		
3		+				+		
4						+		

⁷ Ермаков Л. Б. Оседлая культура Южного Казахстана XVII—XVIII вв. (По материалам городищ Чуйской и Таласской долин, северных склонов Каратау). (Историко-археологический очерк). Автореф. на соиск. ученой степени канд. ист. наук. Л., 1966; Байпаков К. М., Ермаков Л. Б. Древние города Казахстана. Алма-Ата, 1971, с. 185; Жолдасбаев С. Раскопки укрепленного поселения Жалгыз-там (XV—XVIII вв.). — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 183; Ахинжанов С. М. К вопросу о знаках на керамике позднесредневекового Отрара. — В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975, с. 51.

⁸ Ермаков Л. Б. О позднесредневековом городище Сузак. — «Известия АН КазССР, серия общественная», 1966, № 3, с. 69; его же. Поливная керамика городища Сузак XIII—XVIII вв. — «Вестник АН КазССР». 1966, № 5, с. 80.

⁹ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ермаков Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972. с. 200.

Таблица 3

Кол-во монет	Вес, г									
	0,20	0,26	0,27	0,31	0,32	0,34	0,37	0,38	0,43	0,48
1	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
2		+	+	+		+		+		
3								+		

В таблице 1 дан вес мелких монет первой группы (10 экз.). Средний вес их 1,2 г.

В таблице 2 приведен вес монет второй группы (14 экз.). Средний вес их 0,6 г.

В таблице 3 охарактеризован вес монет третьей группы (16 экз.). Средний вес монет 0,3 г.

Благодаря дифференцированному измерению веса мелких медных монет с Отрара мы получили три вида денежных знаков, которые чеканились по такому правилу: каждый последующий вид монет выпускался на 0,3 г больше предыдущего. Надо учесть и данные Е. А. Давидович, которая выявила в сфере медного обращения XVI в. денежную единицу в один пул (як пул), равный $\frac{1}{6}$ основного номинала этого периода — динара¹⁰. Вес динара, по ее определению, на протяжении XVI в. изменялся: он то понижался с 5,2 до 4,6 г, то вновь возвращался к исходному весу¹¹. Медные пулы этого периода, согласно мнению Е. А. Давидович, изготовлялись весом 0,9 г¹². Мелкие медные монеты с таким же весом обнаружены при археологических работах на Отраре и в могильнике Чага Отрарского оазиса¹³. С учетом мелкой меди из г. Туркестана (средний вес ее 1,2 г) в медном обращении Южного Казахстана находилось несколько видов черных пулов, различавшихся не только по весу, но и по внешнему оформлению. Итак, в денежном хозяйстве юга Казахстана наряду с динарами функционировали и мелкие денежные знаки.

Следует отметить, что монеты третьей группы выпускались гладкими с обеих сторон, тогда как монеты двух первых групп имели надписи и тамги. Так как пулы весом 0,9 г составляли $\frac{1}{6}$ часть динара, мы можем определить соотношение между мелкой медью и динаром. Мелкая медь весом 0,3 г представляла $\frac{1}{18}$ его часть, весом 0,6 — $\frac{1}{9}$ и 1,2 г — $\frac{2}{9}$, или же ее можно представить в таком виде: $\frac{1}{18}$, $\frac{2}{18}$, $\frac{3}{18}$, $\frac{4}{18}$ динара. Данное соотношение мелких денежных знаков с динаром, видимо, характерно для монет не только XVI, но и XVII в., так как вес крупных медных монет из кладов XVII — середины XVIII в., найденных на Отра-

¹⁰ Давидович Е. А. Клад среднеазиатских пулов первой четверти XVI в. — «Нумизматика и эпиграфика». 1960, 1, с. 197.

¹¹ Там же, с. 196.

¹² Там же.

¹³ Бурнашева Р. З. Монетный материал с городища Отрар-тобе за 1971—1972 годы, с. 164—165.

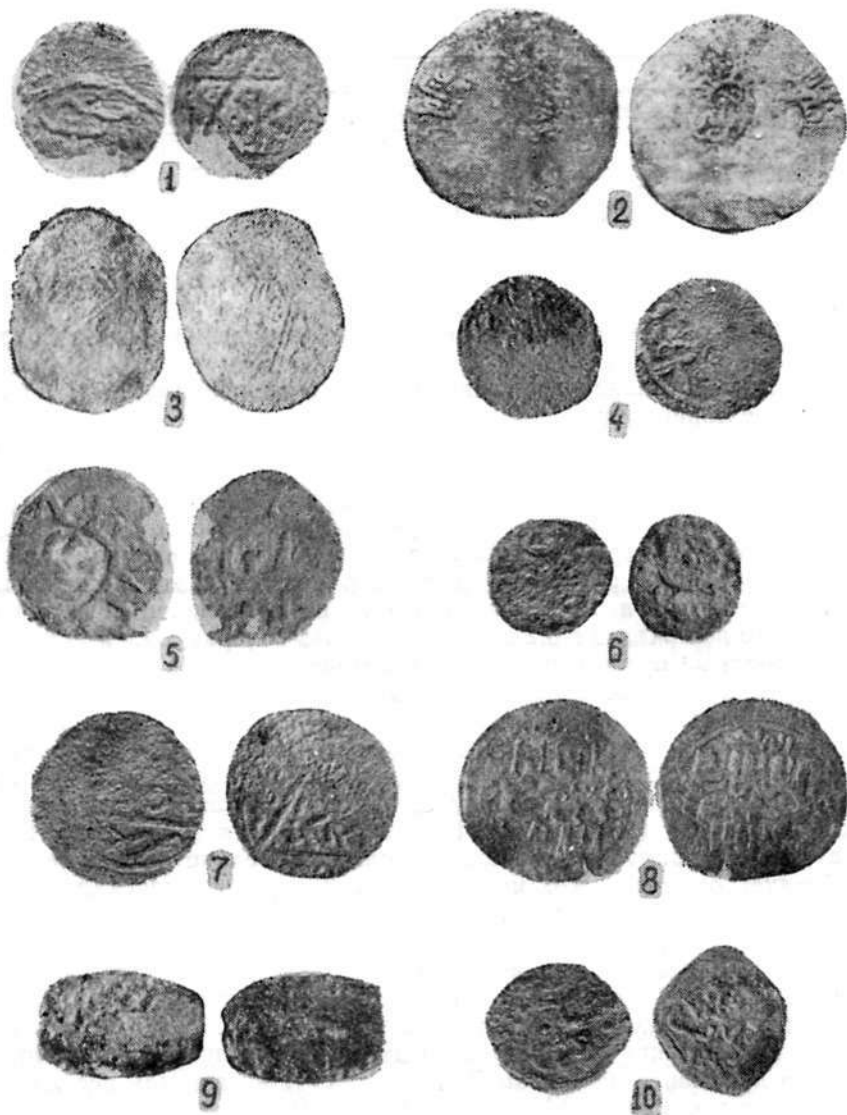

Таблица I. 1 — самаркандская медная монета 832 г. х./1420 г.; 2 — серебряная шейбанидская монета XVI в.; 3 — серебряная монета, Джаниды. Конец XVII — начало XVIII в.; 4 — медная монета первой четверти XVI в. среднеазиатского чекана; 5 — медная монета XV в. Правление Шахруха; 6 — медная монета. Джучиды. XIII в.; 7 — медная монета. Тимуриды, XV в.; 8 — медная монета Отраара 698 г. х./1298—1299 г.; 9 — медная монета квадратно-удлиненной формы, XVII—XVIII вв.; 10 — неопределенная медная монета.

ре в 1973 и 1974 гг., в среднем составлял 5,2 г. Если монеты в $\frac{1}{18}$ часть динара считать денежной единицей достоинством в 1 коп. на современный счет, то соответственно монеты $\frac{2}{18}$ части будут равны 2, а в $\frac{3}{18}$ — 3 и $\frac{4}{18}$ — 4 коп. Такая дробность в медном обращении юга Казахстана в XVI—XVII вв. подтверждается и кладом медных пулов (29 экз.) первой четверти XVI в., обнаруженным в Ташкенте в 1952 г.¹⁴

В экономическом плане юг Казахстана и Ташкентский оазис — это один регион со своими особенностями хозяйственного и политического развития. На наш взгляд, при измерении веса пулов ташкентского клада нельзя считать 0,4 г нормальным отклонением от узаконенного веса¹⁵. Действительно, когда дело касается серебряных монет, которые чеканились в пределах весового эталона 4,8 г, такие отклонения возможны. Однако Е. А. Давидович подчеркивает, что «в чеканке серебра XVI в. ремедиум был немногим меньше»¹⁶. Имея это в виду, вряд ли при чекане мелких медных монет, вес которых измерялся не граммами, а его десятыми долями, ремедиум 0,4 г был допустим.

Клад ташкентских пулов по весу можно разделить на четыре группы. Е. А. Давидович приводит в таблице вес 27 монет из 29. Согласно таблице, три экземпляра следует отнести к монетам первой группы, вес которых около 0,3 г (в таблице их вес 0,4 г), 11 монет — ко второй (вес 0,6 г), 7 — к третьей (вес 0,9 г) и 6 — к четвертой (вес 1,2 г).

Наши данные о функционировании в XVI—XVII вв. в денежном обращении Южного Казахстана монет первой группы (0,3 г) не совсем убедительны, поскольку эти монетки очень маленькие (размером от 7×8 до 10×12 мм) и легко терялись, к тому же производство их при тогдашней технике было нерентабельным. Между тем на Отраре их собрано 40 экземпляров, 16 из них имеют вес 0,3 г. Возможно, что данная медь — это фрагменты мелкой меди других групп, так как в большей части ее края потерты, вследствие чего трудно определить с точностью размер монеток. Вполне вероятно, их использовали в качестве разновесок при взвешивании. Дальнейшие находки этой меди как на Отраре, так и на других городищах Южного Казахстана и Ташкентского оазиса помогут подробно изучить обращение мелкой меди в позднее средневековье. Во всяком случае находки на Отраре мелкой медной монеты всех групп говорят о развитии здесь розничной торговли в XVI—XVII вв. Это явление вполне закономерное, если учесть население Отрара и жилую площадь города в указанное время. По подсчетам археологов, в XVI—XVII вв. в Отраре проживало 5000—7000 человек¹⁷. Квартал Г населяли хлебопеки, производившие хлеб на продажу¹⁸. По переписи 1867 г., в г. Туркестане насчитывалось 5000 человек¹⁹. Сопоставляя эти данные, можно

¹⁴ Давидович Е. А. Клад среднеазиатских пулов первой четверти XVI в., с. 193.

¹⁵ Там же, с. 195.

¹⁶ Там же, с. 196.

¹⁷ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Отрар XVI — XVIII веков по итогам раскопок 1971—1973 годов. — В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975, с. 32.

¹⁸ Там же, с. 31.

¹⁹ Бартольд В. В. Туркестан. — Соч., т. III. М., 1965, с. 520.

сказать о значительной роли Отрара в жизни описываемого региона в позднее средневековье, хотя первенствующая роль с конца XVI в. перешла к Туркестану как политическому и экономическому центру казахских ханств.

Раскоп I

1. Кв. В-4, пом. 28. Медная монета (№ 438/7), $v=1,49$ г, $d=18 \times 20$ мм, плохой сохранности, представляет собой тимуридский чекан 823 г. х./1420 г.

Л. ст. сильно обожженная, стертая.

Об. ст. частично сохранила узор из шести отсеков, характерный для тимуридских монет XV в.²⁰ В одном из отсеков читается قند... (канд от Самарканда).

Раскоп II

1. Медная монета (№ 439), $v=2,7$ г, $d=23 \times 24$, саманидского чекана IX в., плохой сохранности. Круговые легенды с выпускными сведениями стерты.

2. Кв. Д-2. Полустертая серебряная монета (439/4), $v=3,95$ г, $d=27 \times 28$ мм, возможно, шейбанидского чекана (XVI в.).

Л. ст. В поле читается только با...ها (баха ... ха ... от бахадур хана). Имя правителя стерто. Частично сохранился верх картуша. Вокруг стерто.

Об. ст. Имеет частично фигурный картуш в виде восьмидужника. В поле от символа веры читается محمد.. (Мухаммад). Кругом стерто.

Поскольку джанидские серебряные монеты чеканились как шейбанидские, то трудно определить, к чекану какой династии относится данный экземпляр. К тому же отличительные признаки: дата, имя правителя стерты. Судя по внешнему виду, монета серебряная, а так как с середины XVII в. джанидские теньги стали выпускаться плохого качества, то ее можно датировать XVI — серединой XVII в.

3. Монета из серебра (№ 439/6), $v=3,03$ г, $d=20 \times 31$ мм, подъемная, полустертая, плохого качества. На обеих сторонах частично видны картуши. Надписи стерты. Поскольку монета меднеподобная, ее можно отнести к чекану последних правителей из династии Джанидов, которые уменьшали содержание серебра в монете до 9%. Она датируется концом XVII или первой половиной XVIII в.

4. Медная монета (№ 439/9), $v=2,75$ г, $d=20 \times 22$ мм, подъемная, стертая, со следами пребывания в огне. Л. ст. сохранила по краю следы надписи, на оборотной стороне имеется частичный ободок, напоминающий ободок ташкентских монет со зверем. Мы датируем монету концом XVI—XVII в.

²⁰ Давидович Е. А. По поводу двух кладов медных монет XV в. из Таджикистана. — «Эпиграфика Востока», 1966, XVII, с. 111.

5. Медная монета (№ 439/10), $v=1,7$ г, $d=18 \times 20$ мм, плохой сохранности.

Л. ст. Наверху сохранился орнамент из веточек, в поле, обрамленном квадратно-линейным ободком, читается **قند** (*канд* от Самарканда).

Об. ст. В поле, окаймленном линейным ободком, имеется орнамент из веточек. Такой орнамент часто встречается на медных монетах первой четверти XVI в. из Хисара, Кундуза, Термеза, Самарканда²¹ и Бухары²².

Раскоп III

1. Кв. В-4, штык 1. Фрагмент медной монеты (№ 440/1), $v=1,2$ г, $d=14 \times 24$ мм. Чеканена в Бухаре в XV в.

Л. ст. В поле, окаймленном линейным ободком, вокруг которого расположен орнамент из треугольников, читается **ضرب بخارا** (Чекан Бухары). Обратная сторона стертая.

2. Кв. Г-4, штык 1. Медная монета (№ 440/6), плохой сохранности, $v=1,65$ г, $d=15 \times 16$ мм. Чеканена в Сарае (?). На оборотной стороне имеется цветочный орнамент, характерный для медных монет джучидского чекана XIII в.²³

3. Кв. Г-2, штык 1. Медная монета XIV в. (440/11), плохой сохранности, $v=3,45$ г, $d=23 \times 24$ мм. Напоминает чекан Тимура, однако выявленные на Отраре монеты Тимура несколько другого вида²⁴.

Л. ст. В поле, окаймленном линейным ободком, расположен треугольник, в центре которого имеются три кружка. В отсеках, в нижней части монеты сохранились УУ-образные рисунки.

Об. ст. В поле — треугольник с неразборчивой внутри надписью. Надписи в отсеках также не читаются. Подобные монеты чеканились в Орду в XV в.²⁵

4. Кв. Д-2, пом. № 1. Медная монета (440/13), $v=1,75$ г, $d=24 \times 25$ мм. Чеканена в Отраре в 698 г. х./1298—1299 г. в правление Дува-хана (690—706 г. х.), аналогична медным монетам Отрара 698 г. х., хранящимся в Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа, № 30489—30491.

5. Медная монета (№ 445/9), $v=2,8$ г, $d=14 \times 20$ мм, квадратно-удлиненной формы со следами неясной надписи на обеих сторонах. Датируется XVII—XVIII вв.

²¹ Давидович Е. А. Шаартузский клад двойных динаров 906/1500—1501 и 907/1501—1502 гг. — «Доклады АН ТаджССР». Вып. IX, 1953, с. 31—42.

²² Давидович Е. А. Две денежные реформы в государстве Шейбанидов. — «Труды САГУ. Новая серия». Вып. XXIII. Гуманитарные науки, кн. 4. Ташкент. 1951, с. 111, табл. 1.

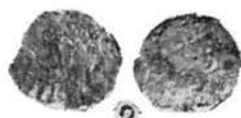
²³ Янина С. А. Джучидские монеты. — МИА, № 42, 1953, с. 440; № 67, с. 441.

²⁴ Бурнашева Р. З. Монетный материал с городища Отрар-тобе за 1971—1972 годы. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 164, табл. III, рис. 16; с. 166.

²⁵ Массон М. Е. Клад медных монет XV века из Оша. — «Эпиграфика Востока», XIII, 1960, с. 120.

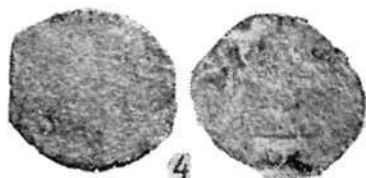
1

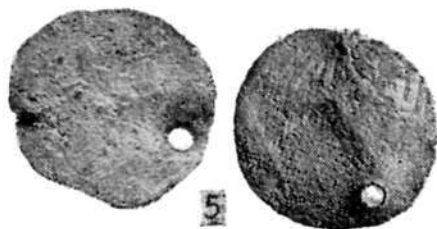
2

3

4

5

6

7

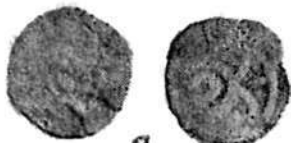
8

9

10

11

Таблица II. 1 — медная монета XV в. Возможно, чекан Бухары 832 г. х./1429 г.; 2 — фрагмент медной монеты с изображением хищника; 3 — бухарская медная монета XV в.; 4 — медная монета караханидского чекана XI в.; 5 — медная монета с дырочкой конца XII в.; 6 — остаток материала, в который была завернута монета 5; 7 — фрагмент медной монеты XV в. с миндалевидным надчеканом; 8 — неопределенная медная монета; 9 — фрагмент медной монеты, возможно, джагатаидского чекана XIV в.; 10 — самаркандская медная монета 997 г. х./1588 — 1589 г.; 11 — ташкентская медная монета XVII—XVIII вв.

6. Кв. В-3, второй слой. Обломок медной монеты (№ 440/15), $v=1$ г, $d=12 \times 13$ мм, по-видимому, среднеазиатского чекана XV—XVII вв. Надписи не поддаются определению из-за фрагментарности монеты. На оборотной стороне сохранился частично квадратный ободок и в поле... ضرب (Чекан...).

7. Кв. Г-4, второй слой. Медная монета (№ 440/16), $v=2,45$ г, $d=20$ мм, среднеазиатского чекана XV в., точнее, Бухары 823 г. х.

8. Фрагмент медной монеты (№ 445/16), $v=0,55$ г, $d=12 \times 14$ мм. На одной из сторон отчетливо виден хищник с загнутым над спиной хвостом. Другая сторона с наименованием монетного двора стерта. Такой зверь изображался на медных монетах, чеканенных в Ташкенте и Ясы. Подобные монеты датируются концом XVI—XVII — серединой XVIII вв.

Аналогичный материал составил основную часть двух медных кладов, найденных на Отраре в 1973 г. (978 экз.) и в 1974 г. (214 экз.). Возможно, эти монеты выпускали казахские ханы в период, когда им подчинялся Ташкент и Туркестан. О событиях первой половины XVII в. мы можем узнать из ценного письменного источника «Имамкули-хан-наме», в котором говорится о чекане монет в Ташкенте казахским ханом Турсун-Мухаммад-султаном²⁶. В этом же источнике он фигурирует и как правитель г. Туркестана²⁷.

9. Монета по технике изготовления литая (№ 445/19), $v=4,3$ г, $d=15 \times 17$ мм. Она напоминает медные литые бухарские монеты конца XVIII в. Надписи стерлись настолько, что не позволяют получить более полного представления о ней.

10. Монета стертая (№ 445/3), $v=2,85$ г, $d=12 \times 15$ мм, надписи не сохранились. По технике производства это отрезок прута, расплюснутый сбоку. Монета имеет четыре угла. Такая техника производства монет в Средней Азии приходится на период с конца XVI по XIX в.

11. Стертая монета (№ 445/1), $v=2,75$ г, $d=16 \times 17$ мм. Она датируется по технике изготовления концом XVI—XVIII в.

12. Неопределенная медная монета (№ 445/20), $v=2,96$ г, $d=17 \times 20$ мм. Надписи почти не сохранились. На оборотной стороне изображена, видимо, фигура зверя (?), что позволяет предположительно отнести монету к чекану XVII — начала XVIII в.

²⁶ Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969, с. 315.

²⁷ Там же, с. 451.

13. Медная монета (№ 445/12) плохой сохранности, $v=0,95$ г, $d=15 \times 16$ мм. Края обломаны. На лицевой стороне в поле читается **مرب بخارا** (Чекан Бухары). Вокруг стерто. На оборотной стороне имеется уголок, образованный от пересечения двух треугольников . Такой картуш характерен для среднеазиатских медных монет, чеканенных в XV в.

14. Заготовка для монет XVI—XVIII вв. (№ 445/18), $v=2,73$ г, $d=9 \times 10$ мм. Видимо, в отдельные периоды медные заготовки квадратной формы немного расплюснутые, а иногда нерасплюснутые выполняли функцию денег, хотя на них не накладывался штемпель с надписями или же изображениями. В раскопах поздних слоев Отрара часто встречаются денежные знаки такого типа. Они обнаружены и в медных кладах из слоев позднесредневекового Отрара. Квадратные или квадратно-удлиненные кусочки медного прута без надписей и изображений соответствуют монетам такой же формы с изображением зверя. Они составляют 50% содержимого этих кладов. По всей вероятности, не было особой необходимости в нанесении на них штемпеля, так как монеты были анэпиграфными и анонимными, т. е. без имени правителя, без даты и места чеканки, но с изображением зверя, птицы, с цветочным и геометрическим орнаментом. Изображения на монетах часто стерты. Поэтому трудно понять, какого они вида. Хождение меди типа заготовок весом, соответствующим весу медных монет указанного типа, вполне вероятно, так как в денежном обращении XVI—XVIII вв. Отрара часто употребляли довольно стертые медные монеты.

Раскоп IV

1. Медная монета (№ 441/2), $v=4,11$ г, $d=21 \times 11$ мм, карахидского чекана XI в., плохой сохранности. На лицевой стороне в поле читается калима в три строки: **لا اله الا الله وحده لا شريك له**.

Об. ст. стертая.

2. Медная монета (№ 441/4), $v=2,25$ г, $d=26 \times 27$ мм, стертая, ближе к краю имеет дырочку. Видимо, монету использовали как украшение. Она найдена завернутой в тряпочку, от которой сохранился кусочек размером с монету. Одна сторона монеты гладкая; другая — в поле, окаймленном двумя линейными ободками, имеет часть от калимы **لا اله الا الله**. Данная сторона покрыта сеткой — следы от грубой материи. Вероятно, этой стороной монета соприкасалась с тканью. Датировать ее можно временем правления поздних Караханидов или же Джагатаидов.

Раскоп V

1. Верхний слой. Фрагмент медной монеты (№ 442/2), $v=1,63$ г, $d=12 \times 19$ мм со следами пребывания в огне (перекаленного цвета), плохой сохранности, виден только надчекан миндалевидной формы, характерный для монет среднеазиатской чеканки конца XV в. Возможно, данные монеты имели хождение и в начале XVI в.

2. Верхний слой. Полустертая медная монета (№ 442/1), $\sigma=1,92$ г, $\partial=12 \times 13$ мм. Она имеет на одной стороне линейный ободок, от которого внутрь поля отходят четыре маленьких треугольника. В поле сохранилась надпись, которая нами не расшифрована ^{سول}سول. На другой стороне в поле зафиксирована также непонятная надпись ^{عاسايد}عاسايد.

Монета не определена, но, видимо, чеканена в XVI—XVIII вв.

3. Верхний слой. Фрагмент медной монеты изломанной формы (№ 442/7), $\sigma=0,95$ г. На ней частично сохранился двухлинейный ободок от круговой легенды ^{اب}اب и в поле, окаймленном опять двухлинейным ободком внизу, — ^{غلر}غلر. Обратная сторона гладкая. По ободкам и по черку монету можно считать джагатаидским фельсом XIV в., возможно, Отрарского чекана.

Раскоп VI

1. Кв. В-2, штык 1. Фрагмент сильно обожженной медной монеты (№ 443/1), $\sigma=3,02$ г, $\partial=17 \times 20$ мм, плохой сохранности. Видимо, это среднеазиатская монета, чеканенная не ранее XVI в.

2. Отвал раскопа. 1972 г. Медная монета (№ 443/2), $\sigma=3,86$ г, $\partial=25 \times 26$ мм. Чеканена в 997 г. х./1588—1589 гг. в Самарканде в правление Абдуллы-хана II. Л. ст. стертая. Об. ст. сохранила в поле, окаймленном линейным и точечными ободками, надпись ^{عادل | ٩٩٧ | قند | سمر}عادل | ٩٩٧ | قند | سمر.

В 80-х годах XVI в. усиливается контакт казахских ханов с шейбанидом Абдулла-ханом II (1557—1598). В конце XVI в. мирные отношения нарушаются. В 1588 г. казахский хан Тевеккель захватил Ташкент и его правителем провозгласил одного из казахских султанов²⁸. Медь Абдуллы-хана II и ранее была зафиксирована на городище позднесредневекового Отрара.

3. Пом. № 5. Стертая медная монета (№ 443/4), $\sigma=3,61$ г, $\partial=20 \times 21$ мм. Датируется по технике изготовления XVI—XVIII вв.

4. Верхний слой. Стертая медная монета (№ 443/8), $\sigma=4,02$ г, $\partial=17 \times 21$ мм. Выполнена той же техникой, что и предыдущая. На одной стороне сохранилось ^{кенд}кенд (кенд), видимо, от Ташкента. Датируется временем, указанным выше.

5. Верхний слой. Медная монета плохой сохранности (№ 443/13), $\sigma=3,6$ г, $\partial=16$ мм. Одна сторона ее стерта полностью, другая частично. В поле, окруженном линейным ободком, — цветочный орнамент, характерный для монет, чеканенных в Ташкенте в XVII—XVIII вв. Такие монеты встречаются в упомянутых медных кладах из Отрара.

6. Верхний слой. Это спекшийся кусок трех фрагментов медных монет (№ 443/26), чеканенных, видимо, в XI в. На одном из верхних фраг-

²⁸ История Узбекской ССР. (С древнейших времен до середины XIX века). Т. I. Ташкент, 1967, с. 521.

ментов видна боковая надпись, характерная для монет ранних Каранидов.

Резюмируя описанный нумизматический материал, мы можем сказать, что в позднесредневековых слоях городища Отрар-тобе главным образом встречаются монеты XVI—XVIII вв. — это чекан Шейбанидов, Джанидов. В денежном обращении Отрара XVI—XVIII вв., видимо, была и тимуридская медь XV в. Но основной денежной единицей этого периода, на наш взгляд, служила мелкая медная монета, которая выпускалась, вероятно, в Туркестане или же в самом Отраре, где возобновил свою работу после нашествия монголов Отрарский монетный двор. Выявленные нами медные пулы достоинством в $\frac{1}{18}$, $\frac{2}{18}$, $\frac{3}{18}$, $\frac{4}{18}$ части основного денежного номинала XVI—XVIII вв. — динара — обслуживали всю розничную торговлю Отрара в данный период.

Наличие на городище большого количества мелкой медной монеты говорит о размахе денежной торговли и развитии ремесел в позднесредневековом Отраре. Находки в тех же археологических слоях денежных знаков Самарканда, Бухары и Ташкента показывают, что торговая деятельность Отрара выходила далеко за пределы современного Казахстана.

А. К. АКИШЕВ

РЕЗНОЙ НЕФРИТ ИЗ ОТРАРА

В 1971 г. на городище Отрар при вскрытии слоев XVI—XVIII вв. найдено интересное средневековое ювелирное изделие — круглая бляшка из серого нефрита с рельефным изображением свернувшегося в кольцо тигра (см. рис.).

Этот изящный образец искусства резьбы по камню был выполнен умелым мастером, хорошо знакомым с обработкой такого материала, как нефрит. Скорее всего, бляшка изготовлена не в самом Отраре, где в XVI—XVIII вв. ее использовали вторично, как украшение, а происходит из Центральной Азии или районов, культурно-исторически с ней связанных. В Отрар она попала значительно раньше.

Размер бляшки 3,2×3,5 см, на ней сохранились остатки ушек для крепления. На бляшке изображен лежащий мордой налево тигр. Фигура зверя показана сверху в рельефе. Иконография незатейлива: у тигра круглые уши, на темени двумя параллельными резами переданы складки, лоб впереди круто срезан, нос выпуклый, щеки округлые, ложбинками намечена оскаленная пасть. Туловище, тонкое и длинное, изогнуто кольцом. Левая передняя лапа, вытянутая вперед, лишь обозначена, а правая с мощным округлым плечом согнута и отставлена назад. Начиная от плеча, по линии изгиба тела проходит впадинка, затем она по-

степенно переходит в S-образно завитый хвост, который «распускается» на кудрявые растительные побеги. Кончик хвоста, раздвигаясь, изгибается и проходит под правой лапой. Левая задняя лапа поджата под брюхо, другая преувеличенно длинна и неестественно выгнута назад. Несмотря на то, что мастер осмыслил образ животного как фантастический, он хорошо передал момент, когда, распластавшись на земле, точно чудовищная ящерица, тигр осторожно крадется к жертве. Трактовка напоминает традиционное изображение небесных драконов — «лун», а также драконоподобных священных «белых тигров» — «байху».

Нефритовая бляшка из Отрара.

Далее мы попытаемся произвести не только художественно-стилистический анализ бляшки, но и определить ее семантику, то значение, которое в нее вкладывалось, те функции, которые она должна была выполнять. Приведем также ряд близких параллелей зооморфной бляшке из Отрара.

Несомненно, средневековая отрарская бляшка имеет поразительное сходство с «тигриными» бляхами-регалиями перпода Чжаньго эпохи Чжоу. Очень близкие изображения в составе наборной пекторали из белого нефрита, принадлежащей влиятельному сановнику государства Чжоу, найдены при раскопках богатейшего захоронения в уезде Хуэйсянь (пров. Хэнань)¹. Некоторые чжоуские изделия из металлов с аналогичными мотивами также стилистически близки² отрарской находке.

Изображения тигра известны с шань-иньского времени. Однако иконографический канон складывается позднее. Образ «байху» запечат-

¹ См.: Сборник сообщений о полевых работах в уезде Хуэйсянь. Вып. 1. Пекин, 1956, с. 81. На кит. языке.

² Там же, с. 119, рис. 2.

лен на керамических плитках, украшавших кровлю здания эпохи Хань. Тела тигров на них изгибаются в кольцо, а хвосты в результате орнаментальной стилизации превратились в ветвистые растительные побеги — усики, на ногах появились длинные изогнутые «шпоры»³. Прямые аналогии отарскому тигру обнаруживаются в основном среди изделий периода правления династии Тан и отчасти раннесунского времени. Поразительное сходство, несмотря на чуть ли не тысячелетний разрыв, между ханьскими и танскими изображениями объясняется пристрастием танской аристократии к древним артефактам, а также возрождением в этот период архаических принципов искусства⁴.

Для восточного искусства характерна стойкая преемственность традиций⁵. На ряде танских зеркал и чаш мы встречаем изображения тигра, свернувшегося в кольцо, причем его хвост обвивает правую вытянутую лапу⁶. Превращение частей тела у животных в орнамент во время династии Тан распространилось в искусстве настолько широко, что образы животных могли варьировать, переходя один в другой, например тигр в дракона, как на отарской бляхе. Вероятно, странная постановка ног у нашего тигра заимствована из изображений драконов⁷.

Определение зооморфной бляхи из Отара затруднительно, скорее всего, это произведение танского или раннесунского мастера VII—X вв. Танские мастера в резьбе по нефриту всегда стремились показать гладкую фактуру камня, его мягкость и матовые просветы⁸, поэтому и на отарской бляшке тигр получил обобщенную трактовку, все изгибы его тела плавны.

Попытаемся выяснить значимость найденной зооморфной бляшки. Для этого необходима ретроспекция во время зарождения зооморфных украшений. Познакомимся прежде всего с материалом бляхи — нефритом.

Нефрит⁹ отличается от поделочных камней рядом свойств. Он сравнительно невысок по твердости (5,5—6), но очень вязок. Редкое сочетание этих качеств с неброскими тонами делает камень весьма удобным для обработки. Нефрит имеет нежный матовый просвет, а на ощупь напоминает шелк. Выдающийся знаток самоцветов А. Е. Ферсман, посвятивший многие годы жизни изучению истории цветного камня, приводит высокопоэтические слова Конфуция о нефрите: «Пять цветов у не-

³ Древний орнамент. Сиань, 1953, рис. 34, 35. На кит. языке.

⁴ *Iane Gaston-Mahler. Relation with Chinese Art.* — «Türk Kültürü el-Kitabı», Cilt II. kısım Ia. İstanbul, 1972, p. 131.

⁵ Всеобщая история искусств. Т. II, кн. 2. М., 1961, гл. «Искусство Китая».

⁶ Древний орнамент, рис. 55, 74.

⁷ Всеобщая история искусств, т. II, с. 346—347; *Маршак Б. И.* Материалы по среднеазиатской тюревтике. — СА, 1976, № 1, с. 238, рис. 7.

⁸ Всеобщая история искусств, т. II, с. 384—385.

⁹ Нефрит — скрытокристаллическая разновидность актинолита и тремолита. См.: *Лебединский В. И., Кириченко Л. П.* Камень и человек. М., 1974, с. 157.

го — белый, как баранье сало или сливки; желтый, как каштаны, сваренные в кипящей воде; черный, как вакса или лак; красный, как гребень петуха или помада для губ; но самым разнообразным является зеленый, а самым дорогим — серый...»¹⁰ (курсив наш. — А. А.).

Отметим, что оттарская бляшка сделана из самого дорогого и высокоценного сорта нефрита. Ию, или ию-ши (так по-китайски называется нефрит) и по сей день добывается на северных и южных склонах Куньлуня, начиная от притоков р. Яркенд на западе до Ганьсу на востоке¹¹. Здесь находятся крупнейшие месторождения этого минерала. Нефрит есть и на Восточном Памире; его монолиты встречаются по берегам рек в Саянах¹². На Урале из-за содержания железа нефрит имеет темную окраску¹³.

В Центральной Азии любят нефрит за его нежные и мягкие оттенки. Более того, с глубокой древности он был предметом культа.

Во II тысячелетии до нашей эры в эпоху Инь из ию-ши¹⁴ вырезали ритуальные вазы, увековечивавшие добродетели и заслуги предков, изготавливали культовое оружие¹⁵. Светло-голубой, как небо в полдень, нефрит использовали в обрядах богослужения небесным духам. Считалось, что он предохраняет от удара молнии и помогает избавиться от боли в почках¹⁶. Этот камень символизировал добродетель и счастье, разум и правосудие, божественную музыку и чистоту. Каждое его качество было своего рода эмблемой. В даосских комментариях нефрит — это наиболее совершенное развитие мужского начала «инь», он ассоциировался со всеми его производными. Его теплый и матовый, как у воска, просвет олицетворял мягкосердечие, вязкость — умеренность и справедливость, мелодичный протяжный звук пластинок нефрита¹⁷ — науку, негибкость — мужество, не поддающаяся имитации структура — чистоту¹⁸. Тот факт, что в Китае добыча, обработка и владение изделиями из нефрита стали прерогативами императорского двора¹⁹, а сам камень предпочитали как непреходящий материал для всевозможных регалий и эмблем, украшавших одежды императора и его сановников, объясняется сакрализацией камня со времен глубочайшей древности.

¹⁰ Ферсман А. Е. Рассказы о самоцветах. Л., 1957, с. 108. См. также: Williams C. A. S. Outlines of Chinese symbolism. Customs College. Peiping, China, 1931, pp. 200—202.

¹¹ Ферсман А. Е. Драгоценные и цветные камни СССР. Избранные труды. Т. VII. М., 1962, с. 151—154.

¹² Там же, с. 153—162.

¹³ Ферсман А. Е. Рассказы о самоцветах, с. 162.

¹⁴ На Руси он назывался яспис, у монголов — ках, у персов — йешм, а у тюрков — сууташ. См.: Ферсман А. Е. Драгоценные и цветные камни СССР, с. 153; Williams S. A. S. Op. cit., p. 201.

¹⁵ Всеобщая история искусств. Т. I. М., 1956, с. 620—621.

¹⁶ Лебединский В. И., Кириченко Л. П. Камень и человек, с. 158.

¹⁷ Существовал особый музыкальный инструмент — цинь, составленный из подвешенных на шнурах пластинок нефрита. См.: Лубо-Песниченко Е. Древние китайские шелковые ткани и вышивка V в. до н. э. — III в. н. э. Л., 1961, с. 49—50, табл. XXVIII—XXXI.

¹⁸ Ферсман А. Е. История камня. Избранные произведения. Т. I. М., 1954, с. 252.

¹⁹ Ферсман А. Е. Драгоценные и цветные камни СССР, с. 151.

Отражая суть китайского искусства, для которого характерен полисемантизм, такая традиция сохранялась веками, причем получила столь законченное выражение, что ее активно перенимали соседние народы.

Так как нефрит символизировал бессмертие, в древности был обычай закрывать отверстия тела погребаемых нефритовыми пластинами. В даосской мифологии нефрит рос на священном дереве. Это дерево, возможно, является производным от «мирового дерева». В эпоху Чжоу из нефрита вырезали круглые диски — би; они считались знаком неба²⁰, а так как власть императора имела религиозное обоснование как небесное повеление, то диски из нефрита превратились в символ уважения к божьему избраннику. Эмблема в форме круга из нефрита на одежде вельможи указывала на его подчиненное положение²¹.

Определенные типы пластинок нефрита превратились в атрибуты власти, в регалии, форма и изображение на которых соответствовали тому положению, какое занимал сановник в иерархической лестнице империи, в регламентированной церемониальной жизни императорского двора. О кодификации материала, формы и изображения на регалиях сообщает Сыма Цянь в описании обычаев VI в. до н. э. Согласно его описанию, император помимо нефритового культового скипетра — гуй — высшей инсигнии власти в государстве, носил головной убор, усыпанный пластинками из нефрита²². В начале нашей эры принцессы носили регалии — поясные застёжки из нефрита, инкрустированные белым жемчугом²³. Нефритовые плакетки висели на поясе у каждого государственного деятеля, но опять-таки в строгом соответствии с его чином. Они именовались фу или фуцзе²⁴.

Именно в эпоху Чжоу (1122—247 гг. до н. э.) выделяются два главных мотива в изображениях на нефритовых бирках, подобных той, которая найдена в Отраре: с драконом или с тигром. В древней космогонии тигр и дракон относились к категории «четырёх чудесных существ» — «Сышэн». Соединение в одном образе признаков дракона и тигра олицетворяло гармонию на небе и на земле²⁵. Бирка с тигром называлась «хуцзе», с драконом — «лунцзе»²⁶.

Истоки семантики зооморфных регалий из нефрита и драгоценных металлов уходят, вероятно, в сферу скифо-сибирского (в частности, ордосского) «звериного» стиля, в котором изображения зверей и фантастических животных заключали в себе представления из древней мифо-

²⁰ Всеобщая история искусств, т. I. с. 448; Williams C. A. S. Op. cit, p. 201.

²¹ Лебединский В. И., Кириченко Л. П. Камень и человек. М., 1974, с. 158.

²² Сыма Цянь. Исторические записки. (Шицзи). Т. I. М., 1972, гл. I, прим. 138.

²³ Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, с. 78, прим. 61.

²⁴ Сыма Цянь. Исторические записки, гл. I, прим. 22; Salmons A. Chinese jade Through the Wei Dynasty. New York, 1963.

²⁵ Приводится у Е. Лубо-Лесниченко. Древние китайские шелковые ткани..., с. 50.

²⁶ Кычанов Е. И. Тангутские пайцзы. Новосибирск, 1974, с. 266.

логии и информацию об этнической принадлежности и социальном положении человека. Эмблемой определенной власти, видимо, были золотые плакетки со «скифским оленем» или «пантерой», встречающиеся в основном в богатых захоронениях скифо-сакских вождей, например золотые пластины с изображением тигриных голов, украшавшие облачение царственного юноши, погребенного на рубеже VI—V вв. до н. э. в сакском кургане «Иссык»²⁷.

Как нам кажется, аналогичная семантика обуславливает варьирование зооморфных образов чжоуских фуцзе, происходивших из разных районов государства; регалией для равнинных владений учреждалась бирка с изображением человека, а для горных — с тигром²⁸. Выбор образа тигра далеко не случаен.

В Азии чуть ли не повсеместно тигр почитался как охранитель «сильных мира сего»; от природного величия свирепого зверя только шаг до превращения его в символ царственности. Такого содержания сказки и легенды до сих пор широко распространены. Тигр считался царем всех земных тварей. Он же — образец мужества и отваги, синоним опасности и террора, неумолимости и строгости. В то же время он расценивался как средство защиты от демонов; он же — инкарнация божества богатства. С образом тигра связаны и календарные циклы. Тигр — третий зверь в составе «двенадцати ветвей» шестидесятичного цикла летосчисления. Широкая популярность образа тигра в изобразительном искусстве многих народов Евразии дает основание предполагать сходство семантики образа у разных племен и народностей с глубокой древности²⁹.

В регалиях тигр считался священным защитником; буддийские таоты очень напоминают изображения тигриных морд в «зверином» искусстве скифо-сакских племен, более всего, трактовку образа этого хищника в алтайском стилистическом направлении. В шаманизме тигр — инкарнация онгона-защитника. Киргизские бабки заклинали: «Белому тигру весть подай, пусть и он явится ко мне!»³⁰

Следует подчеркнуть, что наиболее интересные для нас с точки зрения близости к оттарской находке звериные мотивы на бирках — дракон (лун) и белый тигр (байху) — означали соответственно восток и запад³¹. В связи с этим отметим, что нефритовая бляшка с тигром найдена в Отраре, одном из районов Западного края.

В несколько измененном виде такой смысл «звериных» эмблем в

²⁷ Акишев К. А. Курган «Иссык». — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 63, 75, рис. 10.

²⁸ Сыма Цянь. Исторические записки, гл. I, прим. 22.

²⁹ Массон М. Е. Из прошлого тигров в Средней Азии. — «Труды Ташкентского гос. ун-та». Вып. 200. Исторические науки. Кн. 41. Археология Средней Азии. Ташкент, 1963, с. 151—161.

³⁰ Абрамзон С. М. К характеристике шаманства в старом быту киргизов. — КСИЭ, XXX, 1958, с. 148.

³¹ Сыма Цянь. Исторические записки, гл. I, прим. 53; Всеобщая история искусств, т. II, с. 461—462; Williams C. A. S. Op. cit, pp. 365—367.

искусстве, перегруженном поэтической символикой, бытует с танского времени, когда появляются прототипы будущих пайцзе, получивших широкую известность в период монгольской агрессии³², хотя сами монголы данный термин заимствовали³³.

Подчеркнем, что отарский «белый тигр» не может быть пайцзе в традиционном понимании, т. е. пайцзе-паспортом. Наша бляшка не имеет ни соответствующего размера, ни надписи. Однако анализ изменения смысла и функций, типичных для пайцзе, поможет дать ей характеристику.

Как известно, пайцзе выполняла несколько функций. Прежде чем стать традиционной верительной грамотой посланника, она была эмблемой происхождения, знатности и прав владельца³⁴. Зооморфные, особенно нефритовые, бирки и украшения-регалли, родовые эмблемы — это архетипы будущих пайцзе. Существовало два кодифицированных типа пайцзе. На одних — центральноазиатских³⁵ — часто были изображены почитаемые животные, например тигр или дракон. Такое оформление преобладало до тех пор, пока не появились типичные парные пайцзе-ярлыки — верительные грамоты с текстом. Но и тогда продолжали бытовать пайцзе-эмблемы — своеобразные произведения художественного творчества с коммуникативными функциями. Несмотря на то, что для китайско-монгольских пайцзе был выработан стереотип — круглая дощечка с прямоугольной или дуговидной петлей для подвешивания к поясу³⁶, бирки отличались друг от друга по размеру (от 6—7×15—16 см до 4,5×4 см)³⁷, материалу (дерево, металл, нефрит) и рисунку на лицевой стороне. Верительные бирки у киданей³⁸, чжурчженей и тангутов зачастую были металлическими: из бронзы, серебра, золота. В Китае такие бирки в значении пайцзе — инь пай — вошли в практику с династии Тан (618—907 гг.)³⁹.

Прототипы пайцзе — родовые эмблемы — применялись у многих азиатских племен, причем важнейшие пайцзе, например у киданей, продолжали изготавливать в виде животных, в том числе пайцзе-паспорта из двух половинок⁴⁰. Пайцзе малых размеров, служившая и парадным украшением, по сути сохраняла содержание, вкладываемое в

³² Банзаров Д. Пайцзе, или металлические дощечки с повелениями монгольских ханов. Собрание сочинений. М., 1956, с. 140—160.

³³ Бартольд В. В. Кара-китай. — Соч. т. V. М., 1968, с. 544.

³⁴ Сыма Цянь. Исторические записки, гл. I, прим. 22; Спицын А. Татарские байса. — «Известия Археологической комиссии», 1909; Кычанов Е. И. Тангутские пайцзы, с. 266—270; Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. — Соч., т. V, с. 106.

³⁵ Банзаров Д. У. Пайцзе, или металлические дощечки..., с. 159.

³⁶ Кычанов Е. И. Тангутские пайцзы, с. 266—270.

³⁷ Там же, с. 268—269.

³⁸ Бартольд В. В. Кара-китай, с. 544.

³⁹ Кычанов Е. И. Тангутские пайцзы, с. 267.

⁴⁰ Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В. Военное дело у киданей. — В кн.: История культуры Востока Азии. Т. III. Новосибирск, 1975, с. 103.

зооморфные регалии. Они, по мнению Е. И. Кычанова, скорее всего были эмблемами, свидетельствами каких-то прав определенного лица. Важнейшие послы в Китае имели пайцзе с изображением тигра⁴¹. Древнему искусству свойственна символичность, и поэтому в широком значении «семантика» пайцзе применима не только к инсигниям власти, но и к тем зооморфным бляхам, которыми украшали одеяния, например пояса, верховная аристократия народов, имевших сходные представления о «звериных» эмблемах.

Находка из Отрара подобна этой пайцзе. Учитывая общие параллели в зооморфной геральдике народов Казахстана, Средней Азии и Центральной Азии, можно предположить, что вторичный владелец бирки — «байху», попавшей в Отрар, придавал ей настоящее (первоначальное) значение. Следовательно, и в Отраре она символизировала общественный вес и состоятельность нового хозяина. «Белый тигр» оберегал его от земных и сверхъестественных напастей. Кочевники и земледельцы Западного края к нефриту относились почитительно.

Пристрастие к этому камню аристократии некоторых племен, населявших степи и города Казахстана и Средней Азии в период раннего средневековья, доказывается археологическими раскопками. Изделия из нефрита и жадеита находят, например, в захоронениях карлуков⁴², которым, по данным «Худуд-ал-Алема» и Гардизи, принадлежали отдельные города в Восточном Туркестане⁴³ — стране нефритовых месторождений. Знакомство с нефритом можно предполагать у ягма и чигилей, т. е. тех племен, из которых могли выйти Караханиды⁴⁴. Не удивительно, если сходные представления выявятся у огузов.

Мнение о среднеазиатском происхождении слова «ию-ши», приводимое А. Е. Ферсманом⁴⁵, заставляет задуматься, полностью ли поверья о нефрите скопированы с китайского образца. В этом вопросе приоритет народов Китая не определен. Что касается образа тигра, то в Средней Азии и Казахстане он был популярен с глубокой древности. В частности, это неперенный персонаж мифологии сакского времени.

Итак, бирка с изображением «белого тигра» первоначально была либо собственностью именитого чиновника, может быть, из западных районов Танской или Сунской империи, или тангутского аристократа, либо осталась от киданьского или караханидского феодала.

Трудно сказать, какой народ пользовался нефритовой эмблемой, можно лишь предположить несколько версий о ее проникновении в Отрарский оазис. Причиной тому могли быть этно-политические контакты,

⁴¹ БСЭ. Басма. (Пайцза). Т. 3. М., 1970, с. 75.

⁴² Байпаков К. М. Средневековое погребение в Илийской долине. — СА, 1973, № 2, с. 257—259; А. Н. Бернштам считал подобные погребения киданьскими. См.: Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, № 26, 1952, с. 168, 171.

⁴³ Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Соч., т. V, с. 72.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Ферсман А. Е. Драгоценные и цветные камни СССР..., с. 153.

торговля по «шелковому» пути и обмен, транзиты и военные столкновения⁴⁶.

Таким образом, прежде чем нефритовая бляха стала собственностью жителя Отрара, который, очевидно, смутно сознавал, какое значение в прошлом имела фигурка драконоподобного, свернувшегося в кольцо тигра, она воплощала своеобразные представления восточной мифологии, идеи, связанные с нефритом и образом «белого тигра» (Байху, Акжолбарс). Корни идеи уходят в более отдаленное время, чем период средневековья, когда бытовали аналогичные эмблемы, и в широкую этно-культурную среду племен и народов Азии.

Т. Н. СЕНИГОВА

КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ ОКОЛО МАВЗОЛЕЯ ХОДЖИ АХМЕДА ЯСЕВИ

В 1972—1973 гг. в районе охранной зоны мемориального комплекса Ходжи Ахмеда Ясеви в г. Туркестане Институтом истории, археологии и этнографии АН КазССР совместно с Министерством культуры Казахской ССР проводились археологические раскопки памятников. В их число входило три культовых сооружений, одно из них известно под названием Малый Хильвет, другое — под названием чилля-ханы, третье — как Большой Хильвет.

Малый Хильвет располагался в 50—60 м на северо-запад от мечети Ходжи Ахмеда Ясеви, почти напротив михраба малой мечети. О нем мы узнали от старожилов города и из краткого описания, сохранившегося в отчете Г. И. Пацевича¹.

В плане он центрической формы, диаметром 12 м, возведен из квадратного жженого кирпича. Толстые стены со следами многочисленных ремонтов погружены в землю на 1 м. Неоднократно ремонтируемая конусообразная крыша была покрыта железом и имела небольшой купол в виде луковицы, увенчанный полумесяцем. Стропила крыши одним концом лежали на кирпичной стене, а посередине их поддерживали столбы, расположенные по кругу в 2—2,5 м от стены. Внутри помещения

⁴⁶ Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. — Соч., т. 2, ч. I. М., 1963, с. 31 — 32; Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с. 26—43; Шишкин В. А. К вопросу о древних культурных связях народов Средней Азии с другими странами и народами. — В кн.: Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М., 1959, с. 23—24.

¹ Пацевич Г. И. Отчет о научно-исследовательских работах и археологических раскопках 1960 г. в районе архитектурного комплекса Ходжи Ахмеда Ясеви в г. Туркестане. Архив Республиканской научно-реставрационной производственной мастерской Министерства культуры КазССР (далее: РНРПМК), № 3, с. 30—33.

вдоль стен устроена суфа высотой 30—40 см. У северной стены суфа перекрыта ступенчатым спуском, ведущим в подземное помещение глубиной около 3 м. Оно квадратной формы (3×3 м). Стены его выложены жженым кирпичом-плиткой. Подземное помещение было местом проведения поста и чтения молитвы в течение 65 дней, т. е. срока, установленного по количеству лет, якобы прожитых «пророком» Ходжи².

Вдоль стен на суфе, покрытой кошмами и ковриками, размещались молящиеся, в то время как в центре помещения находился мулла, читающий коран. Снаружи к Хильвету примыкала таарат-хана — длинное, коридорообразное помещение, разделенное на ряд кабинок. Оба сооружения в 1943 г. разобраны.

Отсутствие подробных чертежей, описания памятника и керамического материала затрудняют определение времени возведения Хильвета. Принцип планировки Малого Хильвета с заглублением в грунт в общей сложности свыше 4 м (на 3 м — центральное квадратное помещение и более 1 м — центрическое) и с возведением купола свидетельствует о том, что его строили сообразно древним традициям X—XII вв., воплощенным в уникальном культовом сооружении, находящемся в 2 км юго-западнее мечети Ахмеда Ясеви и связанном с жизнью самого Ахмеда³. Расположение памятника напротив михраба малой мечети — также подтверждение того, что памятник был культовым сооружением, связанным с мечетью Ахмеда Ясеви, он мог быть воздвигнут одновременно с ним в XIV в.

Чилля-хана — это второе культовое сооружение. Оно расположено в 21—22 м северо-западнее мечети Ахмеда Ясеви. Данный объект изучался в 1958 г. Комитетом по охране памятников материальной культуры при Совете Министров УзССР под руководством Н. Б. Немцевой⁴.

Судя по оставшимся планам и разрезам, от памятника сохранились стены (выше человеческого роста), остатки арок, входа в здание. Вдоль восточной и западной стен были заложены шурфы № 1 и 2, давшие материал, датирующий сооружение XVI в.

В здании неизученным оставался культурный слой в центральной части, заполненной битой керамикой и человеческими костями, сложенными в кучки, а также северная часть. Это затрудняло получение полного представления о памятнике. К тому же в процессе благоустройства территории вокруг мечети-мавзолея Ахмеда Ясеви чилля-хана вновь была засыпана грунтом.

С целью вскрытия объектов, погребенных в охранной зоне мечети Ахмеда Ясеви, нами здесь были организованы раскопки.

Район раскопа представлял собой площадь (12×12 м), расположенную в 22 м к северо-западу от мечети. Углубление шло по штыкам.

² Там же, с. 34—35.

³ *Сенигова Т. Н.* Уникальное культовое сооружение Аулие Кумчик-Ата. — В кн.: *Прошлое Казахстана по археологическим источникам.* Алма-Ата, 1976.

⁴ *Немцева Н. Б.* Археологический отчет по работам у архитектурного комплекса Ходжа Ахмеда Ясеви в г. Туркестане, выполненным в 1958 г. Архив РНРПМК, № 709, с. 3 и сл.

Убирался очень плотный «сцементированный» слой грунта, состоящий из битого кирпича, алебаstra, песка и глины. Процесс углубления осуществлялся киркой и ломом и оказался очень трудоемким. После длительных усилий стала прослеживаться массивная кладка юго-восточной стены чилля-ханы толщиной 1—1,10 м, сложенная из желтовато-красноватого жженого кирпича, положенного плашмя на глиняном растворе.

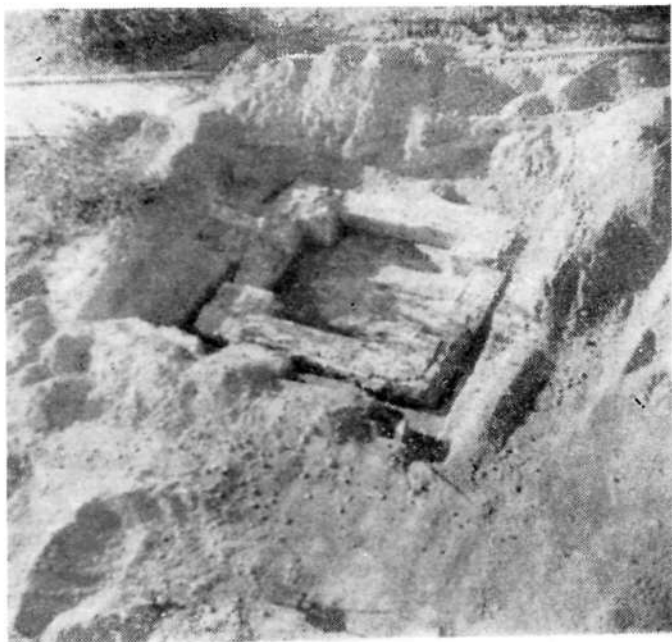

Рис. 1. Чилля-хана после раскопок.

Облицовка внутренних стен хорошо сохранилась. Она состоит из довольно толстого слоя алебаstra, 2,5—3 см, переходящего на пол и уменьшившегося до 0,5 см. При дальнейшем углублении в плане выявились другие стены, позволяющие говорить о подпрямоугольной форме здания, ориентированного длинной стороной с запада на восток (рис. 1). Внутри по углам его имелись пилоны (0,95×1 м; 0,98×1 м; 0,97×95 см). Они являлись несущей частью перекрытия.

Сохранившиеся при раскопках 1958 г. внутри здания угловые арки свидетельствовали о наличии у здания сводчатого перекрытия. Оно было образовано четырьмя полуциркульными арками, выложенными вертикальными отрезками кирпичной кладки⁵. Северо-западная арка вскрыта нами и подтвердила данные, выявленные ранее.

⁵ Немцева Н. Б. Археологический отчет..., с. 4.

Пять арок оформлены в виде вынутых по углам пилонов (11×11 см; 13×14 см) и расположены на высоте 52—55 см от уровня пола.

Размеры здания по главным осям равны 6,78×5,04 м. Высота сохранившихся стен местами достигала 1 м. При раскопках 1958 г. зафиксирована следующая высота стен: западной и восточной — 2,37 м, южной — 1,96 м.

Замковые части арок разрушены, но на штукатурке остались следы от их гнезд. Своды арок сложены на ганчевом растворе.

Еще в 1958 г. над поверхностью земли уровня XV в. на 30—40 см возвышался свод и верхняя часть северной стены. Нижняя часть всех стен по периметру на 50—60 см уходила в грунт, как в обоих Хильветах. Надземная часть стен выложена правильными рядами кирпича (25×25×5 и 26×26×5 см), а подземная — рваной кладкой, слегка наклоненной внутрь. В центре западной стены был входной проем. Он оформлен в виде узкого коридора длиной 3 м, шириной 1,06 м и заканчивался тремя ступенями высотой 24 см, шириной 28—32 см, ведущими в здание. В начале коридора и на верхней площадке сохранились следы порожка. Это дало основание Н. Б. Немцевой высказать предположение о существовании в данном месте двух деревянных навесных дверей.

Раскопки, произведенные вдоль северной стены здания, выявили значительное количество вторичных захоронений в кучках. Ребра, трубчатые кости рук, ног и черепа с позвонками лежали вместе с обломками керамики и костями животных. Сверху на них упали остатки северо-западного арочного свода.

Значительное количество керамики, выявленное здесь (рис. 2) в виде чаш на кольцевом с врезным желобком и дисковидном поддоне с отогнутыми наружу бортиками и с двухсторонней облицовкой бирюзовой поливой, чаш с осевым членением орнамента в центре поля или узора «листа» на дне и пояска треугольников по бортику, сосудов с крупными завитками по внешней поверхности — увязывается с посудой из среднего строительного горизонта стратиграфического раскопа № 1 на городище Туркестан и в Отраре из слоев XV—XVI вв., что позволяет датировать данное здание XV—XVI вв.⁶

Местонахождение памятника в 22 м от мечети, притом около основной части мечети (в головах святого), свидетельствует о том, что это здание, подобно Малому Хильвету, выполняло культовую функцию.

Остатки свода убеждают в том, что это сооружение функционировало в XV в. как культовое. Затем в нем стали производить вторичные захоронения умерших, привезенных из дальних мест. На протяжении XVI в. оно служило коллективным склепом, а культовые функции производились в Малом и Большом Хильветах. В XVI—XVII вв. в полуразрушенную чилля-хану сносили кости животных после трапезы богомольцев в помещениях Халим-ханы и мечети Ахмеда Ясеви⁷.

⁶ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с. 119, рис. 76, 78.

⁷ Массон М. Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. Ташкент, 1930, с. 16—17.

Большой Хильвет находился в 140 м на юго-запад от южного минарета мавзолея Ахмеда Ясеви⁸.

Его сохранившаяся до наших дней юго-западная часть находится в весьма неудовлетворительном состоянии. К тому же производимые на этом объекте на протяжении веков реставрационные работы значительно изменили памятник.

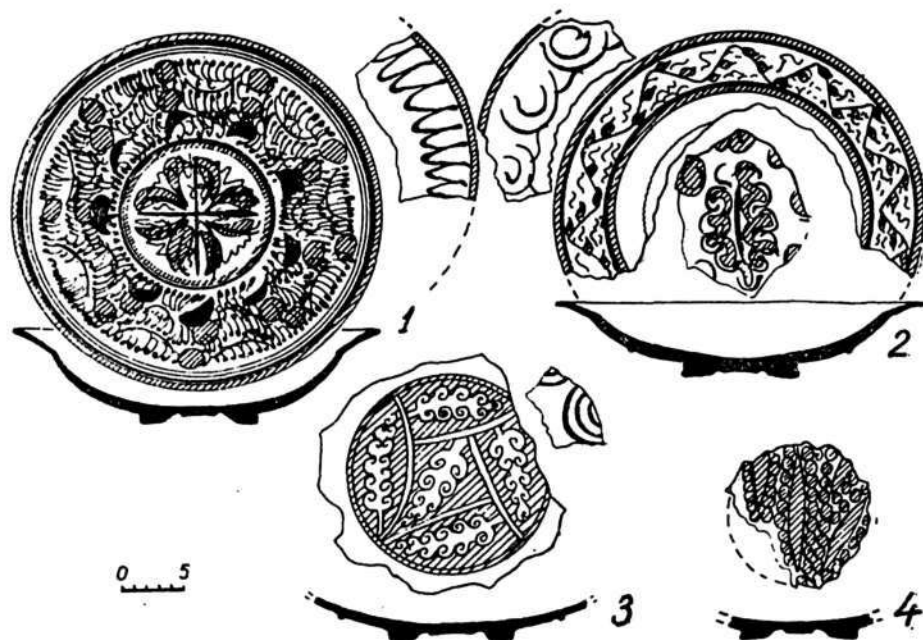

Рис. 2. Керамика чирчик-ханы.

В данное время Большой Хильвет как бы врос в накопившийся за два столетия культурный слой. В результате плоское перекрытие двух сохранившихся в его юго-западной части помещений находится на одном уровне с дорожками, заасфальтированными вокруг Туркестанской реставрационной мастерской.

С юго-восточной части к Хильвету примыкали сторожевые помещения с хозяйственным комплексом и рабочая площадка по заготовке кирпича, с южной — стены и деревянные стойки, поддерживающие кровлю недавно построенной и частично разрушенной мечети, используемой в настоящее время под складские помещения мастерской.

⁸ Работы на данном объекте в 1972—1973 гг. велись под наблюдением сотрудника отдела охраны памятников Министерства культуры КазССР Н. Алдабергенова. Графические работы выполнены Г. И. Блимхен.

С западной стороны Хильвет окружают помещения основной мастерской по изготовлению глазурованных плиток, с северо-западной — служебные помещения мастерской электриков. Все это весьма затрудняло исследования.

Поскольку свободной от застройки оказалась в основном северо-восточная часть, прилегающая к сохранившимся двум помещениям Хильвета (1 и 2), то изучение его начали с этой стороны путем выемки грунта на глубину до 2 м и ширину до 1 м вдоль северо-восточной стены помещений с целью выяснения планировки комплекса. В результате установили, что стены разобраны и потому получить представление о прежней планировке памятника нельзя. Чтобы выявить соответствие направления планировки северо-восточной части Хильвета, погребенной под культурным слоем, с данными макета, было решено произвести раскопки траншейным методом (рис. 3).

Три траншеи (шириной 1 м и глубиной 1,5—2 м) были заложены в направлении на север и три — на восток. Таким путем удалось выявить обрывки кладки оснований стен, направление которых совпадает с направлением помещений, указанным в макете⁹.

В северо-восточной части обнаружено основание пола, выложено из кирпича.

Раскопки Хильвета с увязкой на местности с сохранившимися участками памятника и макет Хильвета помогают восстановить его планировку в разные хронологические периоды.

Судя по макету, находящемуся в данное время в одном из сохранившихся помещений Хильвета, последний был довольно крупным и сложным архитектурным объектом. Построенный на холме, он возвышался над всей прилегающей территорией.

Это настоящий небольшой религиозный городок. Основные помещения, условно названные нами помещениями первой группы, возведены с заглублением в грунт на половину высоты стен. Сооружения, пристроенные к основному комплексу в более позднее время (вторая группа), расположены на холме значительно выше. Они заглублены не много меньше, чем на половину высоты стен. В северо-западной части стены врыты в грунт незначительно. Это объясняется, видимо, тем, что данная часть комплекса (помещения 5 и 13) была предназначена для хранения топлива. Все остальные помещения памятника связаны с управлением культа.

Судя по плану макета (рис. 4), первоначально Хильвет имел вид вытянутого с северо-востока на юго-запад прямоугольника со срезанным юго-восточным углом. Площадь его по макету $20,5 \times 11,5$ м¹⁰.

Центральное помещение (1) Хильвета в плане подквадратное ($5,90 \times 5,50 \times 5,20$ м)¹¹ с михрабом в середине западной стены и со вхо-

⁹ Макет выполнен в 1940 г. скульптором А. Л. Шмидт из папье-маше и дерева. Он дает весьма полное представление о планировке Хильвета.

¹⁰ Нами масштаб Хильвета взят по плитке пола помещения 1.

¹¹ В результате многочисленных реставраций размер помещений превышает размер, данный в макете.

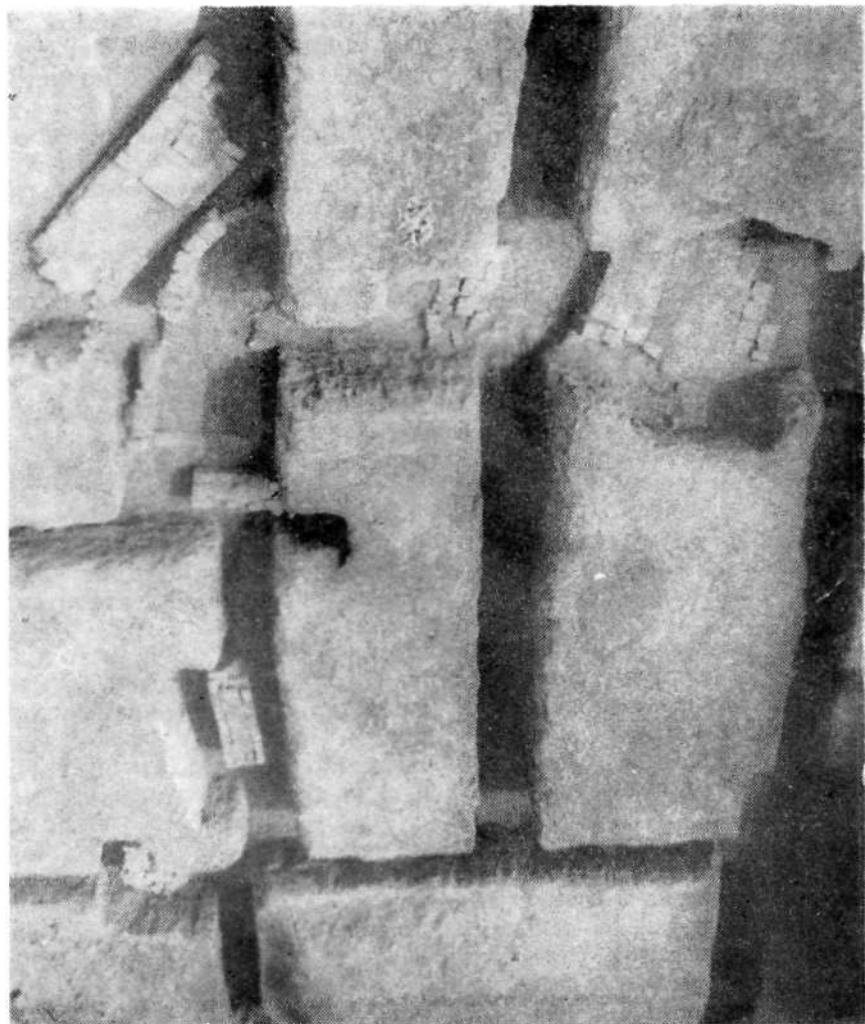

Рис. 3. Северо-восточная часть Большого Хильвета, вскрытая траншеями.

дом в большой зал мечети в восточной. Михраб шириной 96 см, глубиной 50 см. Высота его от разрушенной части стрельчатого свода до пола 1,80 м.

Дверной проем, устроенный в юго-восточном углу помещения 1, имел аккуратно сложенное арочное перекрытие с расклинкой в швах. Внизу в нем был устроен вход в подземное помещение — гар, оформленный в виде овального лаза диаметром 75×90 см, глубиной 1,10 см. Далее.

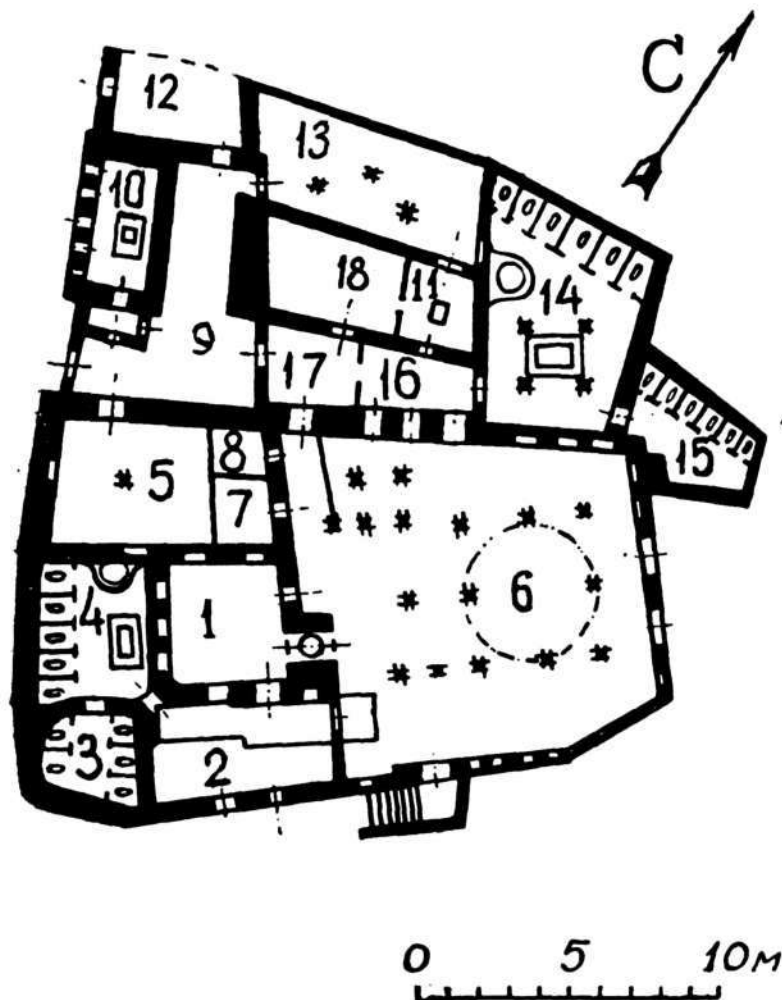

Рис. 4. План макета Большого Хильвета.

шел длинный коридор, перекрытый коробовым сводом, который заканчивался четырьмя ступеньками, сложенными из обожженного кирпича. Коридор, ведущий в гар, ориентирован на восток подобно михрабу и завершается аркой, сложенной из 12 кирпичей с расклинкой в швах. Ширина арки в два кирпича (55 см). Коридор к основанию арки сужался до 40 см и расширялся вверх до 50 см.

Гар в плане квадратной формы ($1,34 \times 1,34$ м), перекрыт куполом балки, пол в нем выложен жженым кирпичом.

По углам двух противоположных стен гара устроено по одной нише, перекрытой стоящими под углом друг к другу кирпичами. Высота ниш 50 см, ширина 30 см, глубина 25—27 см.

В северной стене помещения одна-две ниши, разделенные внутри полочками. В одной из них сохранилась дверка с резным треугольным орнаментом.

По обе стороны от михраба зафиксировано также по одной нише высотой 1,15—1,17 м, глубиной 30—40 см, шириной 60 см, не так давно переделанных в световые проемы с деревянными рамами.

Это единственное помещение в памятнике, пол которого выложен квадратным жженым кирпичом ($25 \times 25 \times 5$ см) с некоторым понижением к гару.

До войны помещение имело купол, обитый железом. Сейчас в центре его стоит массивная восьмигранная деревянная колонна диаметром 25 см. На ней покоится балка, поддерживающая камышовые маты плоского перекрытия.

Посредством дверного проема (ширина 1 м) в южной стене; расположенного в 1,80 м от юго-восточного угла, помещение 1 соединялось с соседним помещением 2.

На расстоянии 60 см от данного дверного проема в общей стене (толщина 40 см) с соседним помещением 2 сделано окошко шириной 75 см.

Помещение 2 в макете имеет более правильную, чем помещение 1, подпрямоугольную форму. В результате реставрационных работ оно значительно изменилось. В настоящее время размер его сторон $6,70 \times 6,50 \times 4,80 \times 3,30$ м¹².

Основание южной стены помещения высотой 55 см сложено из жженого кирпича, далее шла кладка (40 см) из круглого камня, скрепленного глиняным раствором.

По макету в южной стене на высоте 1 м от пола имелось два небольших окошка, теперь на их месте устроены три ниши шириной 52—55 см, глубиной 40 см, а в противоположной северной стене — окошко, выходящее в помещение 1, и одна ниша. В юго-западном углу располагался подтреугольной формы очаг с выходным отверстием для дыма в потолке (на макете он отсутствует). Видимо, он появился в результате недавних перестроек. Очаг заключен между двумя стенами высотой 1,20 м и имеет сверху перекрытие, в результате образуется П-образный футляр. На наружной стороне очага, в центре, сделано небольшое углубление для светильника.

Плоская кровля помещения поддерживается сохранившейся в центре деревянной стойкой.

В настоящее время пол помещения выложен кирпичом, в том числе современным. На макете кирпичная вымостка пола отсутствует. Это тоже результат недавней реставрации памятника.

¹² Площадь помещения определена по сохранившимся стенам.

Вдоль западной, южной и восточной стен помещения устроена суфа высотой 50 см от пола. У ее западной части было две ступеньки. В юго-восточном углу суфы располагался сандал, углубленный на 10 см в пол. Стенки его возведены из поставленных на ребро кирпичей. Размер очага 70×75 см. В центре сандала имеется квадратное углубление (28×28 см), предназначенное для угля.

В юго-западной стене на высоте 1 м от пола и в 1,70 м от второго дверного проема, соединяющего это помещение с соседним 3, есть световое окошко (60×60 см).

Как видно на макете, в северо-западном углу, прикрытом в данное время деревянной дверью, находится проем, ведущий в соседнее помещение, располагавшееся на юго-западе комплекса. В настоящее время его нет и о его планировке можно судить только на основании макета.

Помещение 3 ($3,2 \times 3$ см) квадратной формы со световым окном над дверью из помещения 4. Вдоль восточной и западной стен его располагалось шесть небольших помещений. Посредством входа на северной стороне оно соединялось с помещением 4 ($3,4 \times 4,3$ см по макету), имевшим прямоугольную планировку с ориентацией длинных стен с северо-запада на юго-восток. В юго-западном углу было световое окно наружу. На некотором расстоянии от восточной стены располагался колодец, устье которого обложено деревянной рамкой прямоугольной формы. Вдоль западной стены размещалось пять небольших помещений.

Ближе к северо-восточному углу находился котел, над которым в стене была проложена канавка для подачи в него воды из колодца. Помещения 3 и 4 являлись таарат-ханой. В котле вода подогревалась для омовения. В маленьких отсеках производилось омовение.

Примыкавшее к северной стене помещения 4 помещение 5 ($5,1 \times 4$ см по макету) имело квадратную планировку и было размером значительно больше описанных. Оно не соединялось ни с одним из них. Вход в него находился в северной части памятника. Земляной пол был устроен террасообразно, понижаясь к стене помещения 4, в которой ближе к котлу располагался низкий арочный проем печи. Из этого следует, что в помещении 5 хранили топливо. Судя по наличию в нем поперечной балки, оно, как и четыре предыдущих, имело плоскую кровлю.

Примыкавшие к восточной стене этого помещения два маленьких прямоугольных помещения 7 и 8 ($3,6 \times 2,4$ см по макету) посредством дверных проемов в восточной стене соединялись с обширным залом мечети и были ее подсобными служебными помещениями.

Помещение 6 — зал мечети. По площади оно самое большое в комплексе ($11,5 \times 10$ м). В плане — подквадратной формы со слегка скошенными юго-восточным углом, что, очевидно, обусловлено рельефом местности — обрывом холма, на котором воздвигнут памятник. В мечеть вело семь дверных проемов, два были в северной стене, пять в западной.

Парадный вход в мечеть — это прямоугольный тамбур, расположенный в ее южной части. По ступенькам в тамбуре спускались в мечеть, которая заглублена сейчас в грунт на половину высоты стен.

В настоящее время от нее почти ничего не осталось. Археологическими раскопками была выявлена лишь часть кирпичной выкладки, оказавшейся продолжением отстраиваемого сравнительно недавно плоского пола помещения 2.

Вдоль трех стен имеется возвышение типа суфы, предназначенное для верующих. Стены сложены из жженого кирпича. В них устроены 22 ниши: девять — в южной стене, семь — в восточной, шесть — в северной. В верхней части восточной стены было два овальной формы больших световых проема. Еще два окна выходили на северную сторону комплекса, одно — на западную, в помещение 1.

Плоское перекрытие мечети покоилось на деревянных колоннах, из которых 16 располагалось у края суфы и две — ближе к северо-западному углу.

Таким образом, после расчистки перед нами предстал архитектурный ансамбль Хильвета, имевшего прямоугольную в плане форму, вытянутую с юго-запада на северо-восток с входом с южной стороны.

Судя по макету и археологическим раскопкам 1972 — 1973 гг., планировка памятника изменялась в результате расширения строительной площадки в основном в северо-западном и северо-восточном направлениях, т. е. в сторону мавзолея-мечети Ходжи Ахмеда Ясеви. В конечном счете, прямоугольная планировка Хильвета превратилась в трапециевидную. Он стал своеобразным религиозным городком с целым рядом подсобных помещений, примыкающих к основному комплексу. Наименьшей оказалась северо-восточная стена, образовавшаяся в результате строительства новых помещений на восточной стороне мечети.

Основным входом в пристроенный комплекс стал проем, сделанный в западной стене. Он имел навесные деревянные двери, ведущие в длинное коридорообразное, неправильной формы, *помещение 9* (8×6 см по макету). В плане оно похоже на два прямоугольника. Ориентация одного — с запада на восток, другого — с севера на юг. Вдоль западной стены помещения 9 шло прямоугольное *помещение 10*, вытянутое с севера на юг (4×2 см по макету). В середине его ближе к восточной стене находился колодец. В западной стене имелось пять окошек, выходящих на улицу. К южной примыкало маленькое служебное помещение с двумя дверными проемами. Один соединял его с помещением 9, другой — с помещением 10.

В северо-западном углу пристройки располагалось еще одно *помещение 12* (20×10 см по макету) с входом с улицы на западной стороне. Посредством дверного проема в южной стене оно соединялось с помещением 9. С восточной стороны к нему примыкало прямоугольное *помещение 13* ($7,4 \times 3,1$ см по макету). Плоская кровля его покоилась на трех деревянных стойках. Пол в помещении неровный, глиняный, аналогичный полу помещения 5.

В юго-восточном углу устроена небольшая ниша — очаг, на котором подогревали воду в котле, находившемся в соседнем *помещении 14* ($5 \times 7,3$ см по макету). Это помещение примыкало к восточной стене

помещений 13, 11 и 16 и занимало северо-восточную часть сооружения. В центре помещения 14 находился колодец, выложенный квадратной деревянной рамой. У западной стены стоял котел, в который по водосточку подавалась вода. Вдоль северной стены размещалось шесть отсеков таарат-ханы. Плоское перекрытие помещения покоилось на четырех деревянных стойках.

Посредством дверного проема в юго-западном углу помещение 14 соединялось с помещением 15, примыкавшим к нему с восточной стороны.

Помещение 15 (4×3 см по макету) прямоугольной формы. Вдоль его северной стены сделано шесть мелких отсеков. Помещения 14 и 15 выполняли функции таарат-ханы, как и помещения 3 и 4 основного здания.

В юго-западном углу помещения 14 был проем, ведущий в коридорообразные помещения 16 и 17, разделенные между собой тонкой перегородкой с дверным проемом. Через двери этих помещений проходили в мечеть. Дверь в северной стене помещения 17 соединяла его с прямоугольным в плане помещением 18, имевшим в западной стене глубокую нишу. Площадь помещений 11, 16, 17 и 18 — 6,8×5,3 см по макету. В нише находился печной арочного типа проем. Очевидно, здесь, как и в самой мечети, оставались на ночлег паломники.

К восточной стене помещения 18 примыкало квадратной формы помещение 11 с колодцем в центре. Дверной проем в южной стене соединял его с помещением 16, которое имело выход в саму мечеть. Такова планировка двух строительных комплексов Большого Хильвета.

Чтобы определить время возведения этого культового сооружения, следовало проанализировать извлеченный при расчистке комплекса археологический материал. Дадим ему характеристику.

Планировочные данные комплекса дополняют наблюдения, произведенные нами в юго-западной части. При изучении построек из верхних слоев (40—50 см) северо-восточной части комплекса вынимался рыхлый лёссовый грунт, иногда с обломками жженных плиток (25×25×4; 26×26×5 см) желтовато-красного цвета, с угольками, костями животных, преимущественно овец, реже лошади.

Изредка культурный слой состоял из зольных линз толщиной 5—10 см. Работа была трудоемкой, так как культурный слой был сильно спрессован. Современное стекло, остатки алюминиевой проволоки, обломки фарфоровых пиалушек с донцами и штампами фабрики Кузнецова не давали основания для отнесения данного слоя к древнему. Не прояснили картины и прослеживающиеся местами обрывки фундаментов кирпичной кладки каких-то пристроек у восточной стены помещений 1 и 2, так как кирпич в ней был современный, что свидетельствовало о недавней реставрации памятника.

В грунте, вынутом из юго-западной части и находившемся у помещений первой группы, на глубине 1,20—1,5 м найдены вещественный материал, многочисленная керамика, представленная самыми различ-

ными формами сосудов, кумганами, хумами, чашками, мисками и др. К сожалению, фрагментарность некоторых неполивных сосудов, тонкостенных кувшинов, массивных чаш и хумов не позволяет воспроизвести целиком их формы.

Но вместе с тем на основании изучения добытой керамики и реставрации отдельных сосудов мы пришли к выводу, что выявлена посуда двух хронологических групп. К первой группе относится керамика XV—XVI вв., ко второй — керамика XVII—XIX вв.

Рис. 5. Поливная керамика XV—XVI вв. (первая группа).

Вся продукция *первой группы* гончарной выделки (рис. 5). Она многочисленна. Керамика плотного серовато-красноватого в изломе теста с незначительными, едва заметными примесями мелкозернистого песка.

В основном коллекция содержит керамику со светлым и темноватым фоном. Сосуды со светлым фоном облицованы по светлому ангобу или по самому черепку поташной, непрозрачной поливой, иногда грязновато-сероватого, грязно-голубоватого оттенка. Марганец использовали лишь для контуров. Полива низкого качества, легко отслаивается от черепков. Как правило, столовая посуда (чаши, миски, блюда) облицована внутри. Она имела кольцевой поддон с врезным желобком, реже без него, почти прямые борта. У блюд несколько загнуты края, а у чаш слегка вытянутые борта заканчиваются загнутыми спрямленными стенками.

В отличие от описанных сосудов есть фрагменты этих же форм сосудов, полива которых голубовато-бирюзового цвета. У них украшена

в основном донная часть. Мотивы орнамента весьма разнообразны и красноречивы.

В центре дна голубоватой краской нанесен крест или роговой орнамент с точкой наверху; этот же крест прочерчен на донце с обратной стороны (рис. 5, 9). Встречается трехлопастной пропеллерный узор, ограниченный двойной кольцевой линией. Пространство между лопастями занято едва заметными волнистыми линиями (рис. 5, 2). В основе узоров небольших чаш лежит круг, от которого отходят спицы, заключенные в кольцевую линию (рис. 5, 5). Есть чаши, у которых от маленького кружка на донце отходят четыре радиальные оси, пространство между ними занято симметрично расположенными четырьмя стилизованными восьмилепестковыми розетками цветов и спускающимися к ним лучами. Обратная сторона чаш до середины покрыта облицовкой и обведена двойной кольцевой линией (рис. 5, 4).

Встречены массивное донце блюда и боковины чаши, узор которых отличается от описанных. Орнамент их имеет верхнюю и нижнюю часть¹³. В центре дна размещена листва черного цвета или разветвленные кусты, заключенные в круг. Узоры на плоскости блюда находятся в стрельчатых арках, соединенных в пояса, выполненные бирюзовой поливой. Арки напоминают роговой орнамент, обрамленный более мелкой аркой (рис. 5, 1). Иногда на бортах, переходящих в плоскость дна, имеется орнамент из крупных спиралей и округлых пятен, выполненных черной и бирюзовой краской. Они соединены в цепочку и дополнены сверху неправильными зигзагообразными фигурами.

К этой же группе относится и фрагмент носика чирага. Обе его поверхности облицованы светлой поливой с бирюзовыми пятнами (рис. 5, 10).

Посуда с бирюзовой и грязно-бирюзовой облицовкой представлена теми же формами, что и описанная: пиалами, чашами, блюдами и тагорой с закругленными у дна стенками. Чашечки с плавно изогнутыми стенками, переходящими в чуть отогнутую наружу закраину, не орнаментированы. Донце массивного блюда диаметром 10,5 см имело в центре узор в виде закрученной в три витка спирали с отходящими от последнего витка тремя спицами. Выше него нанесены шесть отрезков волнистых линий, заключенных в тройную кольцевую линию, от которой на борта идет пояс из вращающихся в противоположную сторону спиц (по отношению к спирали). Орнамент выполнен густой бирюзово-зеленоватой краской (рис. 5, 3).

Донце чашечки (диаметр 6 см), в центре которой имеется спираль из трех завитков, обрамлено цепочкой овалов и пятью слившимися внутри зигзагообразными фигурами. Пространство между фигурами заполнено запятыми и точками. Иногда от центрального круга отходит множество лопастей в виде вихревой розетки (рис. 5, 5, 8) или же от центрального квадрата идут четыре радиальные лопасти, плоскость

¹³ Пугаченкова Г. А. Самаркандская керамика XV в. — «Труды Среднеазиатского гос. ун-та». Вып. II. Ташкент, 1950.

между которыми занята арками с радиально расходящимися от них лучами (рис. 5, 9).

Часто борта и донца массивных чаш украшены стилизованными цветами (рис. 5, 7) или парой параллельных вертикальных линий, окруженных кольцевыми линиями, ниже которых нанесены одиночные розетки цветов. Узор выполнен черным контуром. Аналогии данной керамике встречены в Отраре в слоях XV—XVI вв.¹⁴

Ко второй группе гончарной керамики относятся фрагменты сосудов, черепок которых в изломе красновато-серого цвета. Тесто с незначительными примесями мелкозернистого песка.

Это фрагменты столовых миниатюрных пиал на дисковидном поддоне (диаметр 5,6 см), массивных чаш (диаметр 8,5—9 см) на дисковидном поддоне с врезным желобком (толщина 2 см) и толстостенных сосудов типа тагоры. Внутренняя поверхность посуды облицована по светлomu фону поташной поливой светло-грязноватых оттенков. Полива невысокого качества и легко отслаивается. Как правило, украшались дно и стенки сосудов.

Основная орнаментальная композиция узора нанесена на голубовато-бирюзовую основу в виде расплывчатых пятен марганца различных оттенков.

Центральную композицию узора на дне некоторых сосудов составляет спираль в круге, заключенная в концентрический пояс из узко или широко раскрученных спиралей, оконтуренных двумя-тремя рядами линейных полос (рис. 6, 2, 4).

В круге дна тагоры узор имел три концентрических пояса раскрученной спирали. Каждый из поясов отделен друг от друга двойными-тройными линейными полосами. Пространство между спиралями в поясах расцвечено тройными бирюзового цвета штрихами. На дне одной из мисок кольцевой узор из двух параллельных полос окаймлен пояском бирюзового цвета (рис. 6, 6).

Дно одной из чаш украшали соединенные в центре черным пятном две S-образные фигуры, напоминающие мотив четырех вращающихся спиралей. Пространство между завитками заполнено черными полосами. Орнамент заключен в кольцевой пояс раскрученной спирали (рис. 6, 1).

Опишем еще одну группу чаш с грязновато-белой и голубоватой облицовкой внутри. Донца у них массивные на дисковидном поддоне. Свободная от узора плоскость дна оконтурена широким концентрическим поясом, внутри которого размещен узор из косо положенных наклонных полос и сконцентрированных в букеты «звездочек». Орнамент выполнен марганцем черного цвета.

Есть чаши с косой сеткой и линиями по краю. В коллекции имеются фрагменты глубоких чаш, конические стенки которых заканчиваются слегка отогнутой наружу закраиной, в свою очередь поднятой вверх.

¹⁴ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с. 118—119, рис. 76—78.

Орнамент скромный — это цепочка звездочек, расположенных пояском в верхней части и заключенных в двойные линии черного и бирюзового цвета. По кромке чаш проходит двойная черная линия.

Одна из пиал имела слегка скошенные наружу стенки. Внутренняя поверхность ее облицована коричнево-желтой поливой, придающей фону оттенок дерева. На край нанесен широкий орнаментальный пояс из вертикальных крупных запятых, ограниченных концентрическими линиями. Орнамент выполнен краской грязновато-желтого цвета.

В коллекции поливной керамики Большого Хильвета XVII—XVIII вв. имеются фрагменты столовых сосудов горшкообразных форм. Обе поверхности их покрыты голубоватой или беловатой поливой. Внешняя поверхность украшена спиралеобразным пояском, обрамленным кольцевой линией (рис. 6, 3).

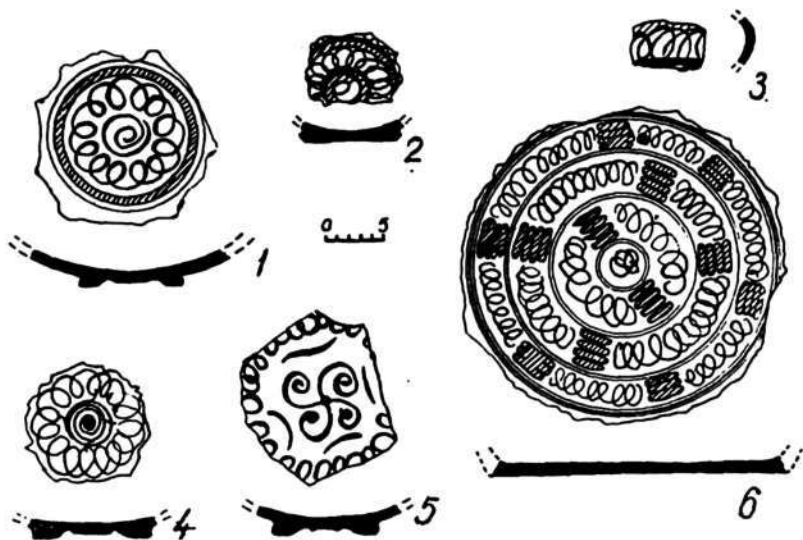

Рис. 6. Поливная керамика XVII—XIX вв. (вторая группа)

Сосуды с голубоватой облицовкой отличают более сложные узоры, состоящие из гроздей винограда, спускающихся по корпусу. От основания гроздей в обе стороны отходят два параллельных ряда елочек. Узор выполнен густым марганцем.

Значительно меньше сосудов с однотонной поливой без орнамента. Это в основном дисковидные донца чаш с коническими стенками, облицованные ярко-желтой, ярко-зеленой, голубоватой и коричнево-вишневой поливой.

Описанная керамика из верхнего строительного горизонта стратиграфического раскопа 1 в восточной части городища Туркестан XVII—

XVIII вв. имеет широкие аналогии в керамике XVII—XVIII вв. соседнего городища Отрар¹⁵.

Проанализировав данные стратиграфии и керамического материала, полученного при раскопках Большого Хильвета, можно сделать следующие выводы:

1. С первым строительным периодом жизни Хильвета надо связывать первоначальное прямоугольной планировки здание, состоявшее из восьми помещений: центрального, примыкавших к нему с северо-запада двух маленьких квадратных помещений, прямоугольного коридора, таарат-ханы. К этому же комплексу относится и подземное помещение — гар. Наличие в помещениях керамики XV—XVI вв. дает основание датировать по ней сооружение первого строительного периода тем же временем.

2. С более поздним вторым строительным периодом следует связывать расширение Хильвета на север, когда были построены еще 10 помещений, а в северо-западном углу мечети сделан второй вход.

Обнаруженный в культурных слоях второго строительного периода керамический материал позволяет датировать новые постройки XVIII—XIX вв.

3. Возведенный после смерти Ахмеда Ясеви в городе Туркестане мавзолей, перестроенный по воле Тимура в мечеть, получил широкую известность. Благодаря этому Туркестан превратился в среднеазиатскую Мекку. Возникла необходимость в строительстве у мечети обширных культовых помещений, которые могли бы вместить значительное количество богомольцев. Этим, вероятно, обусловлено сооружение двух Хильветов и чилля-ханы.

Таким образом, Большой Хильвет функционировал с XV по XIX в.

4. В строительстве Малого Хильвета (заглубление, циркульная планировка) мастера использовали те же приемы, что и при возведении культового сооружения Аулие Кумчик-Аты (Песчаный холм), также связанного с жизнью Ахмеда Ясеви.

5. Здания в культовых местах выявлены и в других районах: в Ташкенте — мавзолей Зайнутдин-баба, в Самарканде — Шах и Зинда у мавзолея Кусам ибн-Аббас. Как правило, сооружения небольших размеров предназначались для одного человека.

В истории известны и коллективные культовые сооружения типа Хильветов у комплекса Ахмеда Ясеви. Такие здания есть около Бухары в комплексе Багаутдина, чилля-хана — около с. Янтак Пскентского района.

6. Так как эти памятники имеют большое культурное значение и по сей день, то их, как и сам архитектурный комплекс мавзолея Ахмеда Ясеви, следует включить в зону международного туризма.

¹⁵ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар, с. 121, рис. 81, 82.

ПОДЗЕМНОЕ ПОГРЕБАЛЬНОЕ СООРУЖЕНИЕ В ТУРКЕСТАНЕ

В 1975 г. у мавзолея-мечети Ходжи Ахмеда Ясеви проводились земляные работы, вызванные необходимостью нивелировки дневной поверхности у известного памятника архитектуры конца XIV в. под уровень его фундамента¹.

В ходе земляных работ с западной стороны мавзолея-мечети были снесены ветхие постройки XIX в., на их месте при углублении на 2 м от дневной поверхности обнажился купол постройки, неизвестной ранее (рис. 1, 1). К сожалению, он был частично продавлен, и восточная половина камеры оказалась заваленной осыпавшимся грунтом. После тщательной расчистки на юго-восточной стороне найден вход в сооружение, заложенный жженым кирпичом.

Обнаруженный памятник представляет собой однокамерное квадратное в плане сооружение с помещением размером 4,5×4,5 м (рис. 2). В каждой из стен имеется ниша глубиной 0,8 м, образованная подпружными стрельчатыми арками, на которые опирается плоско-эллиптический купол, прогнувшийся под воздействием грунта. Переход от квадрата в плане к куполу осуществлен при помощи сферических парусов, ограниченных с боков стрельчатыми арками, а снизу — небольшими яченстыми парусами из трех рядов кирпичей, уложенных к лицевой поверхности не ребром, а боковой гранью.

Стрельчатые арки имеют невысокую стрелу подъема, поэтому горизонтальная кладка над арками образует квадрат с закругленными углами. Круги начинаются с пятого ряда кладки над замками арок. Сферические паруса почти сразу подготавливают круглое основание для купола, вследствие чего отпадает необходимость в устройстве восьмигранного яруса парусов для перехода от квадрата к кругу (рис. 3). Такой прием обычен при сооружении склепа, не предназначенного для обзора снаружи и имеющего небольшую высоту внутреннего пространства (2,8 м). Этот рационализм обнаруживается и в стремлении уменьшить высоту помещения устройством купола с незначительным подъемом (90 см при диаметре 4,5 м).

Входную часть образует небольшой, приставленный к юго-восточной стороне склепа портал, через арочный проем которого, спустившись

¹ Предварительные археологические исследования в охранной зоне архитектурного мемориального комплекса Ходжи Ахмеда Ясеви проводились в течение трех полевых сезонов (1972 — 1974 гг.) специальным отрядом Института истории, археологии и этнографии АН КазССР под руководством Т. Н. Сениговой.

на две ступени вниз, попадали внутрь склепа. Проем шириной 0,8 м был заложен кирпичом, уложенным на ребро в один ряд без раствора.

Сооружение возведено из жженого кирпича (25×25 и 26×26 см) и кирпича половинного формата, толщина кирпича 5—6 см. В кладке арок и купола применен ганчевый раствор с небольшим добавлением глины, в кладке угловых столбов — глиняный раствор с небольшими добавками ганча и в кладке вертикальных несущих стен — глина. Такое экономичное использование растворов говорит о хорошем знакомстве строителей с работой конструкций. Применение разных растворов в различных частях здания, а также неодинаковые нагрузки на них могли привести к неравномерной осадке и деформации. Строители это учли. Вертикальные стенки, закрывающие арочные проемы склепа и испытывающие только боковое давление грунта, в верхней части сложены без перевязки с кирпичами угловых несущих столбов. Этот прием обеспечил самостоятельную работу конструкций, имевших различные функции и по-разному нагруженных.

Пол камеры глинобитный, уровень его сильно понижен в центральной части. Для выравнивания поверхности использована довольно плотная песчаная подсыпка с вкраплениями ганча, мелкий бой жженого кирпича.

Рассматривая сооружение изнутри, мы приходим к выводу, что зодчий, выполнявший данную работу, был грамотным строителем, рационально распределившим массы сооружения и выверившим их работу. Использование сферического купола позволило создать цельный интерьер, в котором конструкции арок и парусов образуют неразрывную систему, органично связанную с куполом. Интерьер, лишенный каких-либо декоративных элементов и штукатурки, привлекает конструктивной логикой и простотой инженерного решения (рис. 4).

Функциональное назначение сооружения не вызывает сомнений. Это семейная усыпальница, о чем свидетельствуют и материалы, которые будут рассмотрены ниже. При наружном осмотре сооружения возникает ряд вопросов, связанных с определением его типа, решить которые помогает сопоставление с известными памятниками того же города Туркестана. Несколько непонятны наличие кирпичных стенок разной высоты за пределами конструктивно необходимого контура сооружения, а также явные различия в толщине частей купола.

В 1958 г. Н. Б. Немцевой около юго-восточного минарета комплекса Ходжи Ахмеда Ясеви был раскопан и изучен склеп мавзолея². Он ориентирован почти так же, как наш памятник, и имеет в квадратном в плане помещении почти такого же размера подобные перекрытия. Но в нем явно была наземная часть (она сохранилась в высоту до 1 м над уровнем пола) с порталом, обращенным на северо-восток, т. е. под углом 90° к входу в склеп. Сопоставив памятники, мы пришли к выводу, что

² Немцева Н. Б. Археологические раскопки у комплекса мавзолея Ходжа Ахмеда Ясеви (1958 г.). — «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1961, вып. I (15), с. 92—104.

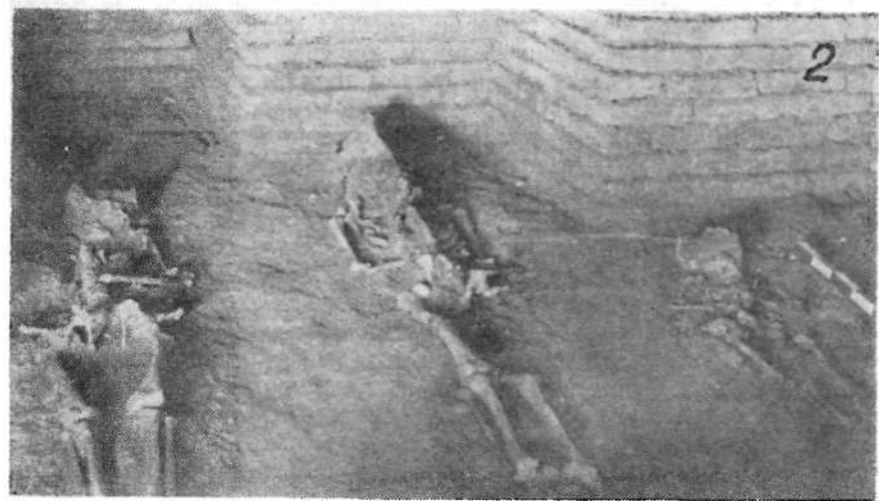
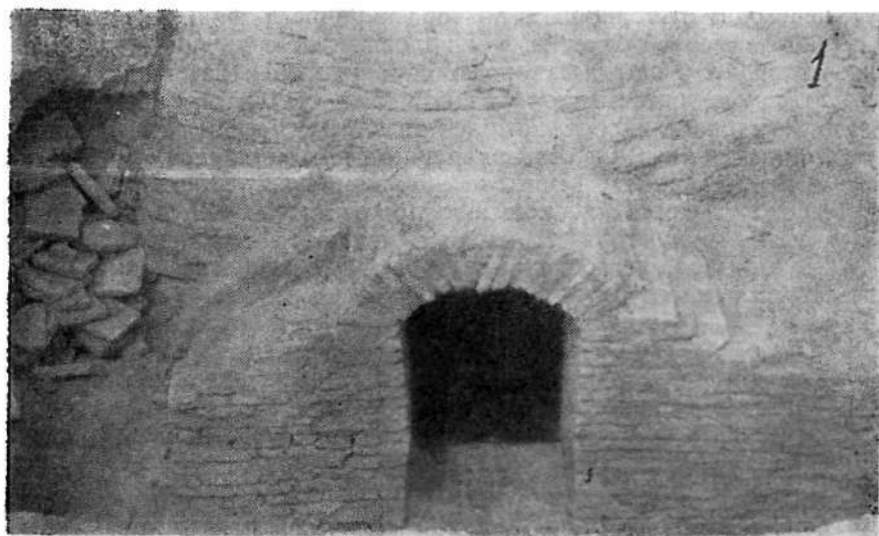

Рис. 1. Погребальное сооружение: 1 — общий вид; 2 — погребения в склепе.

первоначально у строителей склепа было намерение возвести и наземную часть. По их замыслу, он должен был быть традиционным мавзолеем и иметь вход со стороны мавзолея Ходжи Ахмеда Ясевича. Это подтверждают такие факты. Половина купола, обращенная к предполагаемому входу в верхнее помещение (и соответственно к тяжелому пор-

талу), переходит от толщины в полтора кирпича к толщине в один кирпич на более высокой отметке, чем половина, обращенная в противоположную сторону. Усиливая сторону, обращенную к памятнику Ахмеда Ясеви, строители рассчитывали на большую с этой стороны нагрузку. На этой же стороне находятся более развитые участки стен, которые могли быть подземными частями наружных наземных стен.

Если предположение верно, то наш памятник, вероятно, — мавзолеев, строители которого по каким-то причинам сделали лишь его подземную часть — склеп³. Он строился в заранее подготовленной яме (около 10×10 м). После завершения постройки пространство между краями ямы и стенами склепа было плотно забутовано глиной, которую заливали слоями в 9—10 см. Однородная глинобитная «рубашка» толщиной до 1 м и более плотно облежала боковые стены и купол, причем участки между куполом и несущими стенами сначала были завалены строительным мусором. В глинобитном массиве выявлены ступени, ведущие к входу в склеп. Они сохранились частично, ширина глинобитной лестницы-дромоса несколько больше, чем дверной проем, — около 1 м, высота ступеней — 0,3 м.

В склепе мавзолея на полу обнаружено семь погребений (рис. 1, 2). Они располагались по линии юго-запад — северо-восток (рис. 2).

Погребение 1 мужчины зрелого возраста⁴. Находится в глубине пролета юго-восточной ниши. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на СЗ (азимут 315°). Руки по швам, кисти у тазовых костей. Шарообразная головка бедренной кости правой ноги смещена из вертлужной впадины под большой таз. Нарушено также первоначальное положение костей голени и стопы левой ноги. Лицом умерший обращен на ЮЗ. На костях скелета имелись истлевшие остатки ткани.

Погребенный помещен в досчатый гроб. Из-за плохой сохранности конструкцию трудно восстановить. Судя по остаткам досок, наличию скоб и гвоздей, гроб прямоугольной формы. Дно его сделано из двух обработанных досок. Они скреплены с продольными бортовыми досками по углам железными скобами, которые изогнуты под тупым (110°) углом. Очевидно, продольные борта гроба кверху расширялись. Концевые зажимы их и изогнутая центральная часть имеют ромбовидные вырезы. На зажимах было по одному отверстию для гвоздей. У гвоздей дисковидная шляпка и округлый в сечении стержень (длина 0,8—1 см). Аналогичными гвоздями скреплены и торцовые доски с продольными. Крышкой гроба служили неотесанные плахи. Железные, фигурно вырезанные пластины отвесно вбиты ромбовидным концом в крайние плахи крышки. Висячие концы пластин, обхватывая продольные борта гроба, удерживали крышку на месте. Судя по отпечаткам ткани под шляпками гвоздей и на зажимах скоб, гроб был обтянут материей.

³ Ср. также нивелировочные данные. Средняя отметка цоколя мавзолея Ходжи Ахмеда Ясеви +213,50 м, верх купола склепа +214,17 м, пол склепа +210,88 м.

⁴ Определение пола и возраста производилось в лаборатории антропологии Института истории, археологии и этнографии АН КазССР О. Исмагуловым.

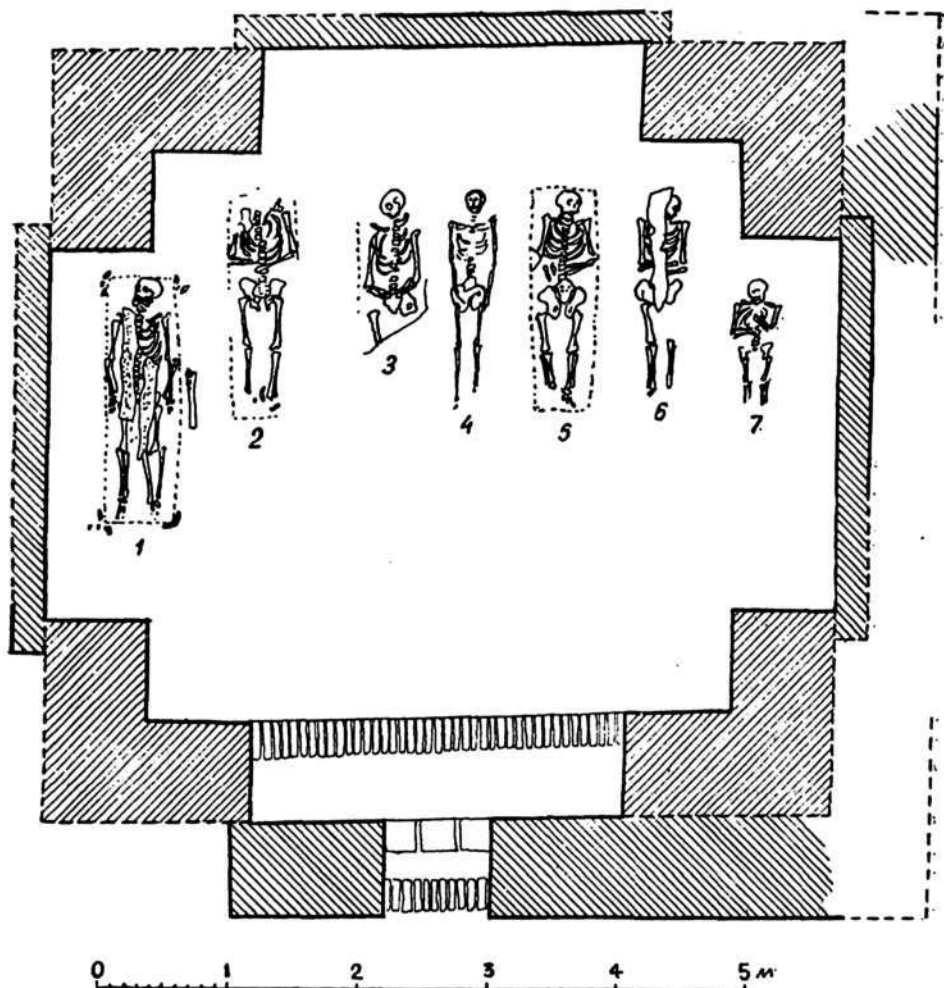

Рис. 2. План, снятый на уровне отметки порога склепа.

Погребение 2 женское. Умершая лежала на спине, головой на СЗ (азимут 315°). Руки полусогнуты в локтях, кисти — на лобке. Нижние конечности вытянуты и соединены в костях стопы. Лицевая часть черепа повернута на ЮЗ. На костях обнаружены истлевшие остатки ткани. Других находок нет.

Погребенная помещена в досчатый гроб. От него сохранились остатки истлевших досок, железные гвозди и железные поделки с тремя шипами для скрепления поперечных досок крышки. Гвозди ромбовидные,

прямоугольные и округлые в сечении с загнутым тупым концом стерженьком. Крышка гроба была обтянута кожей, которая на углах крепилась железными уголками. По периметру выявлены железные кнопки (они обнаружены в коже). Кожа толстая, мягкая, хорошо выделанная. Следы шитья и выкройки на ней свидетельствуют о том, что она предназначалась для какой-то иной цели.

Погребение 3 женщины зрелого возраста. Она лежала вытянуто на спине, головой на СЗ (азимут 310°). Руки полусогнуты в локтях, кисти — на тазе. Череп смещен из первоначального положения. Нижняя челюсть на месте. Судя по ней, умершая обращена лицом на ЮЗ. Шейные позвонки несколько приподняты (очевидно, голова покоилась на «подушке»). На костях скелета имелись истлевшие и обгоревшие остатки ткани. Погребение сильно повреждено огнем. Обгоревшими оказались лицевая часть черепа, часть гроба и все кости от плечевого пояса до тазобедренного сустава, правее позвоночного столба. Гроб загорелся от непотушенного факела, оставленного здесь после похорон. Деревянная рукоятка его с обугленным концом находилась около плечевой кости погребенной. От гроба сохранились истлевшие остатки досок, железные скобы и гвозди.

Погребение 4 мужчины зрелого возраста. Расчищены череп и кости плечевого пояса⁵. Судя по ним, умерший лежал на спине, головой на СЗ, лицом на ЮЗ. О наличии гроба свидетельствуют железные скобы, гвозди, истлевшие остатки кожи и древесный тлен.

Погребение 5 мужчины возмужалого возраста. Умерший положен на спину, головой на СЗ (азимут 310°). Правая рука вытянута вдоль тела, кисть покоится у таза. Левая согнута в локте, кисть — на лобке. Вытянутые ноги соединены в костях стопы. Лицевая часть черепа обращена на ЮВ. На костях скелета выявлены истлевшие остатки ткани.

Погребенный помещен в досчатый гроб, от которого сохранились железные гвозди и шесть скоб (по три вдоль продольных сторон). Концевые зажимы скоб копьевидной формы, центральная полоса в изогнутой части слегка расширяется. На зажимах имеется по два отверстия для гвоздей. Судя по местонахождению скоб, дно гроба скреплено с продольными бортовыми досками по углам и в центральной части. На зажимах скоб, на стерженьках гвоздей остались отпечатки кожи и дерева. Очевидно, скобы прибивались поверх кожи, которой обтянут гроб с наружной стороны, включая и дно.

Погребение 6 мужчины зрелого возраста. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на СЗ (азимут 310°). Руки согнуты в локтях, кисти — у локтевых суставов. Ноги соединены в костях стопы. Лицом обращен на ЮВ. На скелете осталась истлевшая ткань. От гроба сохранились куски кожи, часть досок и гвозди. Кожа хорошей выделки со следами шитья и выкройки. Доски гроба толщиной 1,2—1,3 см. Наверху по кромке бортовых досок через 6—7 см просверлены сквозные овалы

⁵ Остальная часть скелета оказалась под подпоркой купола, установленной для предотвращения обрушения.

ные отверстия. Через них пропущены сыромятные ленты, служившие, очевидно, для скрепления плоской крышки гроба с бортовыми досками. Гроб снаружи обтянут кожей. Скоб для дополнительного скрепления донной и бортовой частей нет.

Погребение 7 ребенка 3—4 лет. Покойник лежал вытянуто на спине, головой на СЗ (азимут 310°), руки согнуты в локтях. Кисть левой руки находилась на верхних грудных позвонках, а кисть правой — на последних. Вытянутые ноги соединены в костях стопы. Лицом обращен вверх. Отмечены остатки гроба: древесный тлен и железные гвозди.

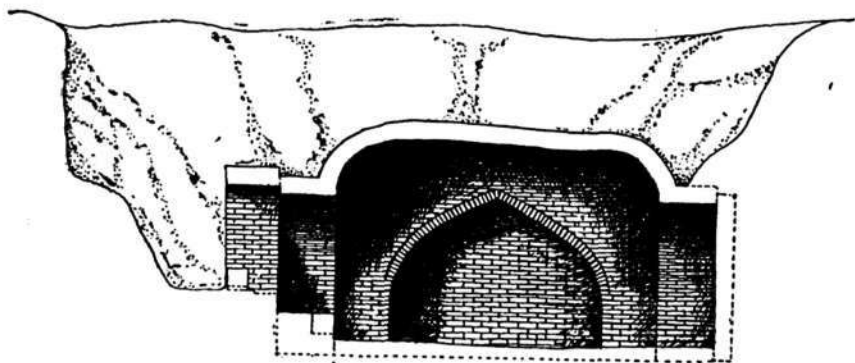

Рис. 3. Разрез склепа по продольной оси.

Таковы черты погребального обряда. Полностью сохранившийся склеп, непо потревоженные захоронения дают исчерпывающие сведения для анализа. Общими для всех погребений являются: вытянутая на спине поза, северо-западная ориентировка (азимуты в пределах $310-315^\circ$), соединенные в пяточных костях стопы, положение ног и досчатые гробы. Вместе с тем в положении покойников и в устройстве гробов имеются различия. У одних руки вытянуты вдоль тела, кисти подведены под таз (погр. 1), у вторых они полусогнуты в локтях, кисти — на лобке (погр. 2, 3, 4), у третьих руки согнуты в локтях, кисти — на костях предплечья (погр. 6). Лицом умершие в одном случае обращены на ЮЗ (погр. 1, 2, 3, 4), во втором — на ЮВ (погр. 5, 6) и в третьем подняты вверх (погр. 7).

Судя по остаткам досок, железным скобам и гвоздям, гробы были прямоугольной формы с расширением к головной части и кверху. Отдельные доски их скреплялись железными гвоздями. Донные и бортовые части дополнительно укреплялись при помощи изогнутых под тупым углом ($110-115^\circ$) железных скоб. Крышкой гробов служили неотесанные плахи и обработанные доски. Гробы имели матерчатую (погр. 1) или кожаную обтяжку на крышке (погр. 2), на бортах и крышке (погр. 2, 3, 4), снаружи на всей поверхности, включая дно (погр. 5, 6).

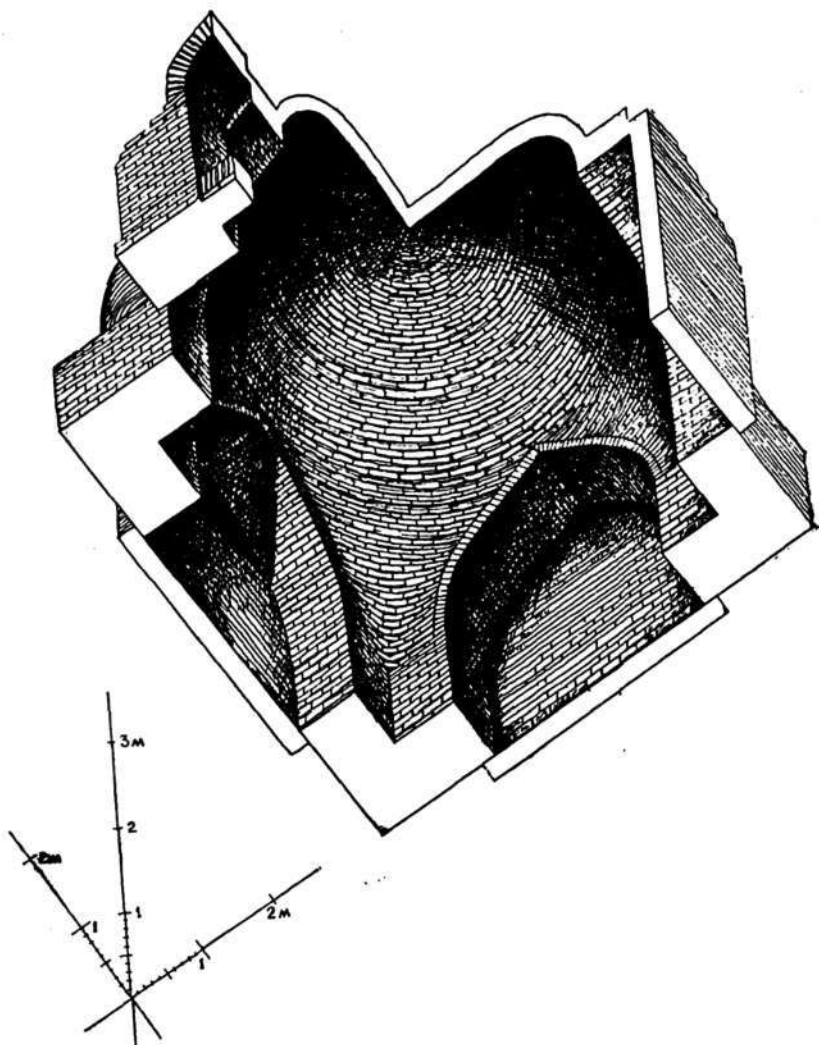

Рис. 4. Аксонометрия склепа (вид снизу).

Гробы ставились на песчаную подсыпку. Все же почвенная влага проникала из-под пола и в склепе был влажный микроклимат.

Различия в положении погребенных, в конструкции пробов, отсутствие связующего раствора в забутовке входа из жженных кирпичей свидетельствуют о разновременности захоронений. Разновременность подтверждается и находкой не полностью сгоревшего факела рядом с погребением 3. Факелом освещали подземное сооружение во время оче-

редного обряда похорон. Любопытно, что кусочки древесины, угольки встречались почти около каждого погребения, при расчистке пола камеры обнаружены также кусочки золы. Мы обращаем на это особое внимание, потому что присутствие огня в различных могильных (намогильных) сооружениях с одновременными коллективными погребениями зачастую рассматривается исследователями как обычай, продиктованный ритуалом (культ огня).

При датировке склепа мавзолея учтены архитектурный облик подземного сооружения, погребальный обряд, стратиграфия культурных слоев.

Конструкции со сферическими парусами известны с VI в.⁶ В Средней Азии и Казахстане они применялись в раннем средневековье в сырцовых постройках. В сооружениях из жженого кирпича конструкции сводов были настолько разработаны, что переходы от квадрата или прямоугольника к кругу осуществлялись при помощи включения яруса восьмигранника. Даже в небольших по высоте склепах использовались щитовидные и другие паруса с четким выделением уплощенного купола, как, например, перекрытие в склепе мавзолея Гур-Эмир в Самарканде (XIV в.). С XVI—XVII вв., возможно, в связи с некоторым упадком архитектурного творчества начинают широко применять сферические паруса. Их устройство не требовало сложных расчетов, вместе с тем они достаточно прочны и надежны. Именно в позднем средневековье сооружается наибольшее количество памятников, в которых широко применяются сферические паруса. В том же Туркестане известен мавзолей со склепом, датированный XVI—XVII вв., который конструктивно очень близок исследуемому памятнику⁷.

Погребальный обряд захоронений в целом соответствует мусульманским канонам.

Мусульманских погребений, археологически зафиксированных на территории Южного Казахстана, немного. Специальные поиски их начались недавно в связи с работами Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции АН Казахской ССР. Были открыты и исследованы мусульманские кладбища близ городищ Отрар-тобе и Куйрык-тобе, причем некрополь последнего оказался первым открытым здесь погребальным памятником, давшим материалы о наиболее раннем этапе проникновения в регион религии ислама⁸. Типологическая классификация погребений и погребальных сооружений позволила уточнить их абсолютную и относительную хронологию. Так, для конца IX в. характерны погребения в грунтовых ямах. В них костяк лежал вытянуто на правом боку. Для XI—XII вв. характерны погребения в кирпичных склепах. Преобладающее положение костяка — вытянутое

⁶ Шуази О. История архитектуры. Т. II. М., 1937, с. 42.

⁷ Немецкая Н. Б. Археологические раскопки у комплекса Ходжа Ахмеда Ясеви (1958 г.), с. 96—98, рис. 3, 4.

⁸ Нурмуханбетов Б. Н. Раннемусульманское кладбище близ городища Куйрык-тобе. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 85—94. В переводе дат летосчисления по хиджре (см. прим. 10) допущена опечатка. Вместо 843/844 г. следует читать 893/894 г.

на спине. На кладбище поселян XIII—XIV вв., расположенном недалеко от городского некрополя, погребенные почилились только на спине⁹.

В восточной части рабада Отрара, запустевшей в начале XIII в., обнаружены склепы, в которых костяки также лежали вытянуто на спине¹⁰.

В полевой сезон 1975 г. курганный отряд Южно-Казахстанской экспедиции обследовал ряд мусульманских захоронений в заброшенных домах Отрара XV в. Погребенные и здесь лежали вытянуто на спине.

Многочисленные мусульманские захоронения выявлены в разные годы при реставрационных работах у комплекса Ходжи Ахмеда Ясеви. К сожалению, многие из них либо совсем не зафиксированы, либо зарегистрированы поверхностно. Поэтому трудно судить, насколько типичны для этого района интересующие нас детали погребального обряда. Тем не менее, опираясь на имеющиеся материалы, можно утверждать, что в XV—XVII вв. вытянутая на спине поза погребенных была присуща и местным захоронениям¹¹.

Приведенные аналогии убеждают в правомочности поздней датировки погребений подземного сооружения. Данные факты примечательны еще и тем, что они указывают на определенные хронологические рамки явлений. Так, IX—X вв. — это время внедрения в районе ислама, поза погребенных — лежат вытянуто на правом боку; XI—XII вв. — время распространения ислама, поза погребенных смешанная — лежат вытянуто на правом боку и на спине; XII—XIV вв. — время утверждения ислама, поза погребенных — лежат вытянуто на спине. С этого периода данный элемент становится одинаковым в погребальном обряде на юге Казахстана и сохраняется у казахов до настоящего времени.

Подтверждение тому, что именно XIII—XIV вв. являются рубежом, когда произошла смена одного типа погребения другим, можно найти и в материалах из других сопредельных районов. Так, в некрополе городища Баба-Ата у умерших зафиксирована поза «вытянуто на спине, головой на запад». Датировка захоронений XIV—XV вв.¹² Северозападная ориентация, отсутствие погребального инвентаря и вытянутая на спине поза погребенных характерны и для захоронений в некрополях городов Чуйской долины. Таковы погребения пятой типологической группы в древнем Сарыге (Краснореченское городище) и захоронения из второго слоя городища Кысмычи (древний Якалыг). По стра-

⁹ Ермаков Л. Л., Нурмуханбетов Б., Ордабаев А. Изучение погребальных памятников Отрарского оазиса. — В кн.: Археологические открытия 1975 года. М., 1976, с. 518.

¹⁰ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ермаков Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с. 81.

¹¹ Немцева Н. Б. Археологические раскопки у комплекса Ходжа Ахмеда Ясеви (1958 г., с. 92, 104; Шахурин К. С. Отчет об археологических раскопках мавзолея конца XV века Рабиги-Султан-бегум в г. Туркестане. Рукопись архива Научно-реставрационного и ремонтного объединения Министерства культуры КазССР, № 706.

¹² Агеева Е. И. Раскопки на городище Баба-Ата. Некрополь. — «Труды ИИАЭ АН КазССР». Т. 14. Алма-Ата, 1962, с. 185—188.

тиграфическим данным, они датированы XII—XIII вв.¹³ Если судить по нашей схеме эволюции, то датировка XII в. здесь оправдана тем, что среди погребений встречаются костяки, лежащие вытянуто на боку.

Вытянутые на спине позы погребенных отмечены в захоронениях XIV—XV вв. Семиречья, Северного, Центрального и Западного Казахстана¹⁴. То, что изменения в позах погребенных имеют хронологический характер, подтверждается и данными из некрополей древнего Миздахкана и Дарсана в Хорезме¹⁵.

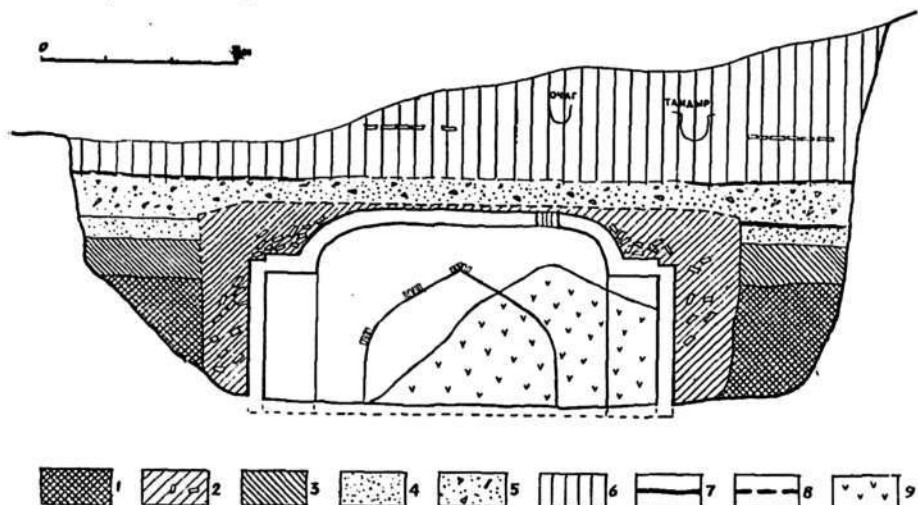

Рис. 5. Археологический разрез склепа (поперечная ось): 1—материк; 2—глинобитная забутовка; 3—плотная желтая глина с фрагментами жженных кирпичей; 4—серая рыхлая глина; 5—серая рыхлая глина с фрагментами керамики, костей; 6—рыхлый гумированный слой; 7—обожженная поверхность; 8—серый гумус; 9—рыхлый завал.

Весьма любопытна стратиграфия слоев, окружающих наше подземное сооружение (рис. 5). Основание стен опущено на 2 м, по-видимому, в материк — однородный глинистый слой с тонкими песчаными линза-

¹³ См.: Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. — МИА, 1950, № 14, с. 34—35, 56—57.

¹⁴ Максимова А. Г. Средневековые погребения Семиречья. — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 153—158, табл. IV, рис. 5; Акишев К. А. Памятники старины Северного Казахстана. — «Труды ИИАЭ АН КазССР». Т. 7. Алма-Ата, 1959, с. 12; Маргулан А. Х. Раскопки погребения воина XIV века в долине р. Нуры. Там же, с. 256; Кадырбаев М. К., Бурнашева Р. З. Погребение кыпчака первой половины XIV века из могильника Тасмола. — В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 42—53; Синицын И. В. Археологические исследования в Западном Казахстане. — «Труды ИИАЭ АН КазССР». Т. 1. Алма-Ата, 1956, с. с. 98, 103.

¹⁵ Ягодин В. Н., Ходжайов Т. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970, с. 6—57, 97—98, 100—108; Гудкова А. В. Ток-кала. Ташкент, 1964, с. 143—147; Бижанов Е., Мамбетуллаев М. Раскопки некрополя Ток-калы в 1968 г. — В кн.: Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Ташкент, 1973, с. 46—58.

ми. Выше расположен слой толщиной более 1 м, включающий прослойку (60 см) плотной глины с редкими фрагментами жженных кирпичей и однородную рыхлую серую глину, которая местами обожжена. Возможно, именно с поверхности этого слоя началось рытье впускной ямы для склепа мавзолея. Над куполом насыпь сильно нарушена нивелировочными земляными работами. Фрагментарно восстанавливается полуметровый рыхлый слой серой глины с мелкими обломками керамики и костей, по верху которого проходит тонкая прослойка сероватого гумуса.

В перекрышающем слое толщиной до 2,5 м хорошо видны остатки тандыров и глинобитных полов, относящихся, вероятно, к двум строительным горизонтам. Слой очень рыхлый с обильными вкраплениями золы и гумуса.

Судя по стратиграфии культурного слоя, интенсивное обживание территории в районе мавзолея началось спустя продолжительное время после завершения строительства. Нижележащие напластования, в которых нет органических остатков деятельности человека, свидетельствуют о том, что в момент строительства мавзолея и ранее здесь не было построек, связанных с проживанием населения. Исследуемый мавзолей находится на территории городища, которая со времени постройки грандиозного мавзолея-мечети Ходжи Ахмеда Ясеви (может быть, и раньше, если учесть, что на месте постройки конца XIV в. существовал какой-то более древний мавзолей¹⁶) использовалась как место сооружения погребальных построек или построек для отправления мусульманских обрядов (чилля-хана, мавзолей напротив южного фасада комплекса Ясеви).

Керамика, собранная во время архитектурно-археологических изысканий, извлечена из завала, осыпавшегося через пробину в куполе, из песчаной подсыпки пола склепа, из глинобитной забутовки вокруг постройки — всего около 70 фрагментов.

Наиболее хронологически разнообразна керамика из завала. К XIII—XIV вв. относятся два фрагмента. Один из них покрыт желтой поливой, на внешней поверхности роспись коричневого цвета в виде арок. Второй фрагмент с двухсторонней голубой поливой по белому ангобу, светло-желтый в изломе и тесто его напоминает по составу кашин. Оба фрагмента имеют аналогии в комплексах керамики монгольского времени, выявленной на городище древнего Отрара¹⁷.

Керамики XV—XVI вв. также мало, всего четыре фрагмента, покрытых прозрачной и голубой поливой по росписи кобальтом различного оттенка, положенной на белый ангоб. Роспись двухсторонняя, сюжеты растительные. Один из фрагментов с контурной росписью кобальтом растительного содержания, заполненной краской голубоватого оттенка. Черепок желтоватый, также близкий по составу к кашину.

Наиболее многочисленная группа керамики из завала — фрагменты второй половины XVII—XVIII вв., покрытые бесцветной поливой по

¹⁶ Массон М. Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. Ташкент, 1930, с. 4, прим. 2.

¹⁷ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар, с. 104, рис. 67,

росписи марганцем и кобальтом по белому ангобу. Очень характерны сюжеты росписей: спиралевидные завитки в круге, волнистые линии, круговые или меридиональные комбинации из солярных знаков. Есть также фрагменты с голубой поливой и росписью марганцем. Они принадлежат в основном к сосудам типа пиалы, горшкообразным сосудам с двумя петлевидными ручками, к тагора и чашам преимущественно на дисковидном поддоне. Подобная керамика также хорошо известна по материалам последнего периода жизни Отрара¹⁸. И, наконец, керамика XIX в. представлена двумя небольшими фрагментами. Для них характерна желтоватая и зеленоватая роспись по белому ангобу и прозрачная глазурь.

Керамика из завала происходит из слоя, перекрывавшего подземный склеп. Учитывая, что большая ее часть датируется второй половиной XVII—XVIII вв., можно считать, что погребальная постройка к тому времени перестала функционировать. Датировка постройки мавзолея может быть выяснена с помощью немногочисленной, но однородной керамики, происходящей из подсыпки пола и глинобитной забутовки. В подсыпке найдено пять мелких фрагментов, покрытых прозрачной и голубоватой поливой по белому ангобу с подглазурной росписью марганцем и голубой краской. Такие же фрагменты были и в забутовке. Керамика датируется XVI — первой половиной XVII в. по аналогии с материалами Отрара. Данным периодом следует датировать и время сооружения и функционирования склепа. Косвенно эту дату подтверждают находки в забутовке вокруг постройки облицовочной керамики, выпавшей со стен мавзолея Ходжи Ахмеда Ясеви и других памятников, датируемых не ранее XV в., например керамическая плитка с остатками ганча из декора мавзолея Рабиги-Султан-бегум, умершей в 1485 г.¹⁹ Поскольку плитка имеет сложную форму и представляет собой часть наборной композиции, она атрибутируется достаточно точно.

Новый памятник на территории городища относится к тому блестящему периоду в истории Туркестана (Ясы), когда из рядового городского поселения он превратился в крупнейший торгово-ремесленный центр большого земледельческого округа в районе среднего течения Сырдарьи. Город стал резиденцией казахских ханов Старшего и Среднего жузов²⁰. В нем во второй половине XVI в. начал функционировать монетный двор²¹. Возвышению Туркестана в немалой степени способствовала

¹⁸ Там же, с. 116; Акишев К. А., Байпаков К. М., Ермаков Л. Б. Отрар XVI—XVIII веков по результатам раскопок 1971 — 1973 годов. — В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975, с. 44—47, рис. 21, 22.

¹⁹ Массон М. Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви, с. 8.

²⁰ Массон М. Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви, с. 8; Пищулина К. А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII веках. — В кн.: Казахстан в XV—XVIII веках. Алма-Ата, 1969, с. 19—21.

²¹ Давидович Е. А. Нумизматические заметки (Қараханиды, Чингиз-хан, Шейбаниды). — «Известия АН ТаджССР, отд. обществ. наук», 1968, № 3 (53), с. 84; Бурнашева Р. З. Клады медных монет из г. Туркестана. — В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 65—66.

роль города как центра мусульманской духовной жизни соседних районов Дешт-и Кипчака.

Феодальная знать высоко ценила возможность погребения вблизи могилы Ходжи Ахмеда Ясеви: некоторые помещения мавзолея-мечети были превращены в склепы уже в начале XVI в.²² В XV в. к юго-западу от комплекса был построен мавзолей Рабиги-Султан-бегум, в XVI—XVII вв. здесь сооружаются еще два мавзолея, а у северо-восточного угла — склеп и погребальные сооружения типа саганы²³. Новый памятник расширяет наши представления об исторической топографии территории вокруг мавзолея Ходжи Ахмеда. Нельзя исключать возможности новых открытий, что позволит идентифицировать погребальные постройки с определенными историческими личностями.

Вряд ли нужно сожалеть о том, что мавзолей остался недостроенным, ибо в противном случае его ожидала судьба рядом стоящих мавзолеев и культурных построек, превращенных за 200—300 лет в костехранилище многочисленных разновременных погребений²⁴. Наш склеп, использованный по своему назначению как семейная усыпальница, был забыт потомками и потому сохранил нетронутыми конструкции сооружения и ритуал обряда погребений.

С. М. АХИНЖАНОВ

КУРГАН «С УСАМИ» НА ЮГО-ЗАПАДНЫХ СКЛОНАХ КАРАТАУ

Особый тип надмогильного сооружения, известный в археологической литературе под названием курган «с усами»¹, встречается главным образом в обширных степях Центрального Казахстана и в районах, к нему примыкающих. Ареал курганов с каменными грядами, или «усами», проходит на западе по Улутауским горам и верховью Ишима, на севере — по югу Кокчетавской области, на востоке — по мелкопочинику Павлодарской области до Чингизского хребта. Южная граница доходит до северного Прибалхашья и Бетпак-Далы². Эта территория —

²² Массон М. Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви, с. 8, 15, прим. 1.

²³ Немцева Н. Б. Археологические раскопки у комплекса Ходжа Ахмеда Ясеви (1958 г.), с. 96—104.

²⁴ Там же.

¹ Козырев А. А. Раскопки кургана в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда. — «Известия Археологической комиссии», 1905, вып. XVI; Семенов Л. Ф. Материалы к характеристике памятников материальной культуры Акмолинского округа. — «Вестник Центрального музея Казахстана», 1930, № 1; Грязнов М. П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. — КСИИМК, вып. 61; 1956.

² Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 307.

центр распространения курганов «с усами», хотя подобные одиночные курганы зафиксированы и за ее пределами. Они отмечены в Башкирских степях³, в Семиречье и в Джамбулской области⁴.

С увеличением за последние годы объема археологических изысканий в Казахстане удалось выявить еще ряд районов, в которых обнаружены курганы «с усами».

Так, в 1965, 1969 и 1972 гг. в Восточно-Казахстанской области, Шемонаихинском и Уланском районах, выявлены девять курганов с каменными грядами, из которых пять раскопаны Ф. Х. Арслановой⁵. Находки и изучение этих погребальных комплексов позволили отодвинуть границы бытования курганов «с усами» далеко на восток. Исследования, проводимые нами в 1974—1975 гг., дали возможность расширить границы ареала подобных курганов и на юго-западе.

В 1974 г. маршрутно-поисковый отряд Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции в западной части Бетпак-Далы, в долине речки Белеутты (Джездинский район, Джезказганская область), обнаружил небольшой комплекс погребального сооружения, отличающийся от ранее известных курганов «с усами».

Согласно данным А. Х. Маргулана и М. К. Кадырбаева, типичный курган «с усами» состоит из трех взаимосвязанных частей: большого, основного кургана, в котором захоронен человек с сопровождающим его погребальным инвентарем; малого кургана, в котором погребена лошадь целиком или частями, а рядом — один или два сосуда; каменных выкладок, двумя широкими дугами отходящими с небольшими отклонениями в восточную сторону от большого или малого курганов⁶. Благодаря именно выкладкам, иначе называемым «усами», и получил этот погребальный комплекс свое наименование, утвердившееся в археологической литературе. В свою очередь, выкладки также отличаются друг от друга конструктивными особенностями. Чаще всего они представляют собой сплошные каменные гряды шириной 1,5—2 м, которые тянутся на определенное расстояние в восточном направлении. Реже встречаются «коридорообразные» строения, проложенные, начиная с концевых строений, из параллельно вкопанных на ребро каменных плит. Ширина между параллельно поставленными плитами 70—80 см. На всем протяжении стен-

³ Мажитов М. А. Происхождение башкир. (Историко-археологический анализ). — В кн.: Археология и этнография Башкирии, IV. Уфа, 1971, с. 13; Смирнов К. Ф. Ранние кочевники Южного Урала. Там же, с. 70.

⁴ Кадырбаев М. К. Исследование кургана с каменными грядами в Джамбулской области. — «Вестник АН КазССР», 1959, № 7, с. 89—97; Копылов И. И. Пирамидальные курганы Новоалексеевского могильника Илийской долины. — «Ученые записки Алма-Атинского гос. пед. ин-та им. Абая, серия общественно-политическая», т. 15(3), вып. 2, 1958, с. 167.

⁵ Арсланова Ф. Х. Курганы «с усами» Восточного Казахстана. — В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975, с. 116—117.

⁶ Маргулан А. Х. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 года. — «Известия АН КазССР, серия археологическая», 1949, вып. 2; Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, с. 309.

ки «усов» перегорожены поперечно поставленными каменными плитами на расстоянии друг от друга 1,2—1,5 м, что, по-видимому, придавало устойчивость «коридору». Такой тип каменной гряды зафиксирован А. М. Оразбаевым на могильнике Джанайдар в 1961 г. в бассейне р. Кара-Кенгир. Конечно, каменные выкладки имели, вероятно, и другие формы, однако их изучение затрудняется из-за плохой сохранности большинства каменных дорожек. Они в большинстве своем разобраны на возведение более поздних погребальных сооружений. Например, в урочище Домбаул выявлен еще один своеобразный тип каменной гряды, который состоял из примыкающих друг к другу 15 колец, сложенных из крупного камня и положенных плашмя так, что гряда, казалось, состояла из примыкающих друг к другу небольших курганов, сомкнутых между собой. Диаметр колец 1,5—2 м, длина гряды около 20 м⁸.

Исследования в 1974 г. в западной части Бетпак-Далы подтверждают возможность существования подобного типа каменных выкладок. Комплекс кургана «с усами» из цепочки круглых каменных выкладок обнаружен на правом берегу р. Белеутты, на всхолмлениях древней надпойменной террасы, в центре небольшой курганной группы. Диаметр каждого кольца, а их было 7 в левой гряде и 8 — в правой, от 1,5 до 5 м. Этот курган «с усами» отличался от кургана из урочища Домбаул тем, что курганы, составляющие цепочку, отстояли друг от друга на расстоянии 14 м. В результате общая длина левой гряды была 84 м, а правой — около 100 м. Помимо этих дуг, ориентированных на северо-восток, данный комплекс имел еще два кургана, расположенных в начале «усов», — большой основной курган диаметром 8 м и малый диаметром 5 м. Последний курган находился южнее первого.

В 1975 г. начал работы Бесарыкский курганный отряд⁹, который исследовал могильники и другие исторические памятники, расположенные вдоль русла р. Бесарык, на землях совхоза «Талап» Яны-Курганского района Кызыл-Ординской области.

Урочище Бесарык — это довольно глубокое ущелье в системе Каратауских гор, оно издавна привлекало к себе людей. Здесь благоприятные природные условия: умеренный климат, богатая флора и фауна, чистая горная вода.

Наиболее древние следы обитания человека в этом районе относятся к эпохе неолита. Несколько десятков найденных кремневых орудий были рассеяны по всему ущелью, а также на надпойменной террасе в речных наносах. Из пород камня, пригодного для изготовления орудий,

⁷ Оразбаев А. М. Курганы «с усами» в могильнике Джанайдар как архитектурный памятник. — В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 182; Арсланова Ф. Х. Курганы «с усами» Восточного Казахстана, с. 118, рис. 1.

⁸ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, с. 311.

⁹ В работе отряда принимали участие С. М. Ахинжанов (руководитель) и А. К. Акишев (инженер отдела археологии ИИАЭ АН КазССР).

использовались желтый яшмовидный кварцит, сиреневые и красные халцедоны, реже — черный и серый кремнь¹⁰.

Последующие исторические эпохи также оставили в ущелье свои следы. В нескольких пунктах Бесарыка, у юго-западного входа в ущелье, на правом и левом берегах реки, в урочище Куйкентайлы и в ряде других мест, на плоских участках скал по краям ущелья встречаются наскальные изображения, большая часть которых выполнена техникой сплошной выбивки¹¹. Имеются также скелетные и контурные изображения. Хронологический диапазон петроглифов широк: от раннесакского времени до позднего средневековья.

На довольно высоких и крутых берегах Бесарыка нами зафиксировано много курганов и курумов, объединенных в большие и малые могильники.

Наш отряд вел работы в основном на двух открытых могильниках: Турганбай и Беркутты, названных по месту их расположения.

Могильник Беркутты находится на правой надпойменной террасе реки, в 3 км к северу от южного входа в ущелье. Ближайший крупный населенный пункт — совхоз «Талап» — расположен в 20 км к югу от могильника, а в 0,7 км от него имеется небольшая конферма того же совхоза. Могильник занимает сравнительно небольшой равнинный участок между крутым обрывом к реке с восточной стороны и подножием гор с западной. Ширина участка, который плавно повышается к горам, от 100 до 250 м. Территория, занимаемая погребениями, растянулась на 300 м. Ближе к реке плато перерезано двумя небольшими оврагами. Вся местность густо покрыта растительностью. Всего в районе зафиксировано 23 разнообразных погребальных сооружения (рис. 1), из них расплано больше половины. Обнаружены три каменные оградки тюркского типа. Остальные погребения — это каменные или каменно-земляные курганы, на многих отчетливо прослеживаются одно или два каменных кольца. Все они сравнительно невысоки, только часть курганов (высота 0,5—0,8 м) кое-где возвышалась над густой травой, остальные (высота 0,2—0,4 м) были едва различимы среди растительности. Диаметр курганов также невелик — 5—10 м. Несколько погребений совершенно разрушено, на них лежат в беспорядке камни. В настоящее время могильник подвергается естественному разрушению. На территории могильника попадаются фрагменты лепной и гончарной керамики, разной по форме и структуре. Разнохарактерный подъемный материал позволяет предположить, что курганы сооружались не одновременно, а на протяжении длительного периода. Наиболее крупный курган с кольцевой каменной оградой расположен в южной части могильника. Другой подобный

¹⁰ Акишев А. К. Поиски памятников в ущельях Каратау. — В кн.: Археологические открытия 1975 года. М., 1976, с. 510.

¹¹ Впервые на археологические памятники и, в частности, на петроглифы урочища Бесарык обратил внимание в 1906 г. топограф М. А. Кирхгоф (см.: «Туркестанские ведомости», 1905, № 130; Протоколы Турк. ком. любителей археологии. Год одиннадцатый. Ташкент, 1906, с. 58—59).

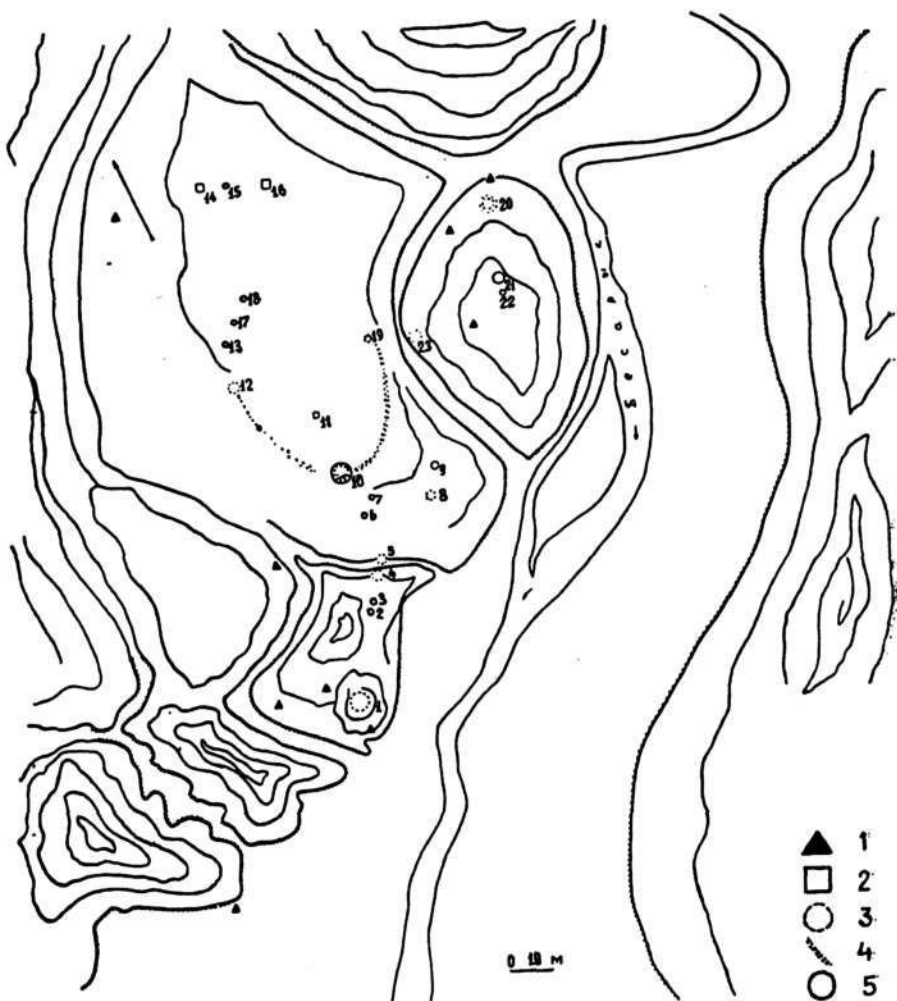

Рис. 1. План могильника Беркутты: 1 — случайные находки; 2 — тюркские каменные оградки; 3 — курганы с кольцевыми каменными оградками; 4 — каменные гряды; 5 — курганы с каменной насыпью.

курган находился на северо-восточном краю плато. Между ними почти в центре террасы отмечен курган с каменными грядами, или курган «с усами».

Комплекс состоит из основного кургана, двух каменных выкладок — «усов» — и небольших курганов, расположенных на их концах. «Усы», берущие начало от основного кургана, сохранились неодинаково. В то

время как правая каменная дорожка хорошо прослеживалась на всем протяжении, левая с трудом видна. Ориентировка «усов» северо-восточная. Длина правого «уса» 90, левого — 95 м. Наибольшая ширина между «усами» 85 м.

Судя по всему, камни, из которых сооружены дорожки, набрасывались бессистемно. Ширина «усов» 1,5—2 м. В правом «усе» в сплошной выкладке имеются разрывы (1,5—2,5 м), возможно, камни взяты на сооружение других курганов или сооружений.

На конце правого «уса» исследован круглый завал, представляющий собой слабовидимую несомкнутую кольцевую оградку диаметром 5 м. После снятия верхнего дернового слоя толщиной 0,2 м обнаружилось недостающее звено оградки, однако северо-восточная ее часть, обращенная к правому «усу», отсутствовала. Это явление не случайное. Подобный курган исследовал А. М. Оразбаев в могильнике Джанайдар. Он отмечал, что стены расположенного на конце одного из «усов» концевого кургана «с восточной стороны на расстоянии 80—90 см не смыкались, образуя как бы вход или выход из него в так называемые «усы»¹².

Большинство исследователей курганов с «усами» относят каменные дорожки и курганоподобные каменные выкладки на их концах к сооружениям ритуального назначения¹³. Как правило, в них находят обломки сосудов, кости овцы, а также угли, золу, имеются и следы прокаленности почвы. Все эти данные свидетельствуют о совершении ритуала жертвоприношений. В нашей выкладке после снятия верхнего дернового слоя в центре, на глубине 0,3 м, найден неопределенный фрагмент керамики и ребра. В северо-западной части кольца обнаружено зольное пятно и мелкие кусочки угля.

Круглая каменная выкладка, расположенная на конце левого «уса», дала более интересный материал. Она представляла собой кольцевую оградку диаметром 6 м, высотой 0,2 м. Ширина каменной стенки кольца, состоящей из булыжника, в некоторых местах достигала 1,6 м. В центре кольца имеется завал из камней, который ориентирован длинной осью ЮЮВ — ССЗ. При разборке каменного завала и расчистке погребальной ямы в северо-северо-западной ее части на глубине 15 см обнаружены зубы лошади. При углублении ямы до 0,65 м найдена каменная плита, служившая, как оказалось позже, перекрытием каменного ящика. Под плитой собраны мелкие фрагменты костей, не поддающиеся определению. Ящик стоял на фундаменте из мелких камней. На дне каменного ящика, на глубине 1,45 м от поверхности, обнаружены разрозненные кости лошади, а также мелкие кости овцы. Костяк лошади сопровождался сильно разрушенными и коррозированными железными

¹² Оразбаев А. М. Курганы «с усами» в могильнике Джанайдар..., с. 182.

¹³ Синицын И. В. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. — СА, 1948, X, с. 159; Маргулан А. Х. К изучению памятников района р. Сары-Су и Улуту. — «Вестник АН КазССР», 1948, № 2/35, с. 54; Кадырбаев М. К. Памятники кочевых племен Центрального Казахстана. Автореф. на соиск. ученой степени канд. ист. наук. Алма-Ата, 1959.

предметами. У правого коленного сустава лежала полукруглая подпружная железная пряжка, с левой стороны около тазовых костей был железный предмет неопределенных очертаний. Судя по предметам и костякам, в данном захоронении покоились остатки взнузданной лошади и жертвенной овцы. Погребение, вероятно, было ограблено с северной стороны ямы. Эта часть заполнена затвердевшим грунтом грабительского выброса.

Основной курган комплекса кургана с «усами» представлял собой каменно-земляную насыпь, покрытую густой растительностью. Диаметр его 8 м, высота 0,5 м. После снятия верхнего дернового слоя выяснилось, что курган имел каменное кольцо, сложенное из мелких обломков сланца. Ширина кольца 0,7—1, диаметр 6 м. Внутри кольцо свободно от камня. Однако на глубине 0,35 м от дневной поверхности, в центре кольца, наметился каменный завал овальной формы, перекрывавший могильную яму, длинные стороны которой ориентированы ЮВ—СЗ. Прямо под завалом, толщина которого не превышала 0,3 м, в его северо-восточной части лежали двусоставные железные кольчатые удила с одним дополнительным подвижным овальным кольцом, плоским в сечении (рис. 2, 1), и трапецевидная большая железная пряжка с подвижным язычком, употребляющаяся в конской сбруе как седельная или подпружная

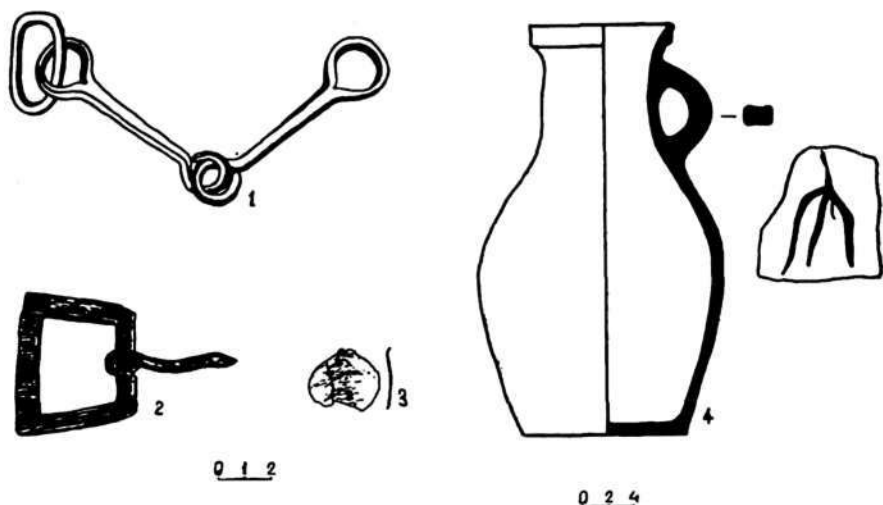

Рис. 2. 1 — двусоставные железные кольчатые удила; 2 — подпружная железная пряжка; 3 — железная подвеска с обломанным ушком; 4 — кувшин.

(рис. 2, 2). Рядом находился обломок небольшой железной овальной подвески с петелькой (рис. 2, 3). В восточной части внутри кольца, также на дневной поверхности, на боку лежал почти целый сосуд-кувшин с вытянутым округлым туловом и расширяющейся кверху горловиной.

Профилированный венчик отогнут наружу и имеет в разрезе подтреугольную форму. Вертикальная ручка (прямоугольная в сечении) прикреплена одним концом к верхней части горловины, другим — к слегка выраженному плечу. Дно плоское. Тесто плотное с примесью песка. Излом коричневого цвета. Сосуд покрыт светлым ангобом. Под ручкой на тулове имеется глубоко прочерченный еще по сырой глине тамгообразный знак в виде трезубца вершиной вниз. Кувшин высотой 32 см, диаметр венчика 11,2 см, диаметр донца 12,4 см (рис. 2, 4). Рядом с кувшином обнаружены спекшийся железный предмет, форму которого определить не удалось, и фрагмент грубой керамики серого цвета.

Могильная яма, длиной 2,1 и шириной 1,3 м, заполнена глиной и щебнем. При расчистке ямы на глубине 0,5 м от края ямы, в ее северо-северо-западном углу обнаружены фрагмент лепной керамики и мелкие обломки кости. На дне ямы (глубина 1,5 м) зафиксирован костяк человека плохой сохранности. Он лежал на спине головой на СЗ. Длина костяка 1,75 м. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги слегка раздвинуты в стороны. Сопутствующий инвентарь отсутствовал.

Исследовав весь комплекс кургана «с усами», мы должны отметить, что в нем нет малого кургана, располагавшегося рядом с большим и содержавшего костяк лошади. Вероятно, функцию такого кургана выполняла круглая каменная курганоподобная выкладка, размещенная на конце левого «уса», в которой был найден скелет лошади. Возможен и другой вариант. М. К. Кадырбаев, исследовавший курганы «с усами», выделяет четыре типа расположения большого и малого кургана: а) малый курган находится восточнее большого, б) малый — южнее большого; в) малый сооружен на вершине большого и малый и большой курганы сливаются под одной насыпью¹⁴.

Последний, четвертый, тип, видимо, мы и имеем. Найденные под насыпью основного кургана на древней дневной поверхности принадлежности конской сбруи — удила, подпружная пряжка и подвеска — являются предметами, сопутствующими захоронению в малом кургане. К ним относится и кувшин, обнаруженный в восточной части кургана. Подобный тип захоронения отмечен в кургане 19 из могильника Тасмола¹⁵ и в кургане 19 из могильника Канаттас¹⁶ Центрального Казахстана. Последний курган особенно близок к нашему по размеру и по конструктивным особенностям составных частей. Канаттасский курган имел две каменные дорожки с круглыми каменными выкладками на концах. В центре основного кургана над могильной ямой находился завал из камней, в восточной части насыпи лежал глиняный сосуд. В могильной яме наряду с костяками людей оказался скелет взнузданной лошади,

¹⁴ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, с. 309.

¹⁵ Там же, с. 311.

¹⁶ Кадырбаев М. К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. — «Труды ИИАЭ АН КазССР». Т. 7. Алма-Ата, 1959, с. 179—182.

сбруя которой состояла из железных кольчатых двусоставных удили¹⁷. Канаттасский комплекс датируется IV—V вв. н. э.

Немного более поздним временем следует, по нашему мнению, датировать курган «с усами» из могильника Беркутты. Об этом свидетельствуют находки. Кувшин по форме и прочерченному тамгообразному знаку имеет аналоги в керамике Хорезма и в салтовско-маяцкой культуре Придонья¹⁸. Найденные железные двусоставные кольчатые удила с подвижным кольцом широко известны в средневековых памятниках. Для них характерен широкий хронологический диапазон. С. В. Киселев считал, что в Сибири такие удила появились в IX—X вв.¹⁹ Подобные удила, но без дополнительных колец, известны из памятников кудыргинского этапа Алтая²⁰. Аналогии им встречаются в Танкеевском могильнике из Среднего Поволжья²¹, в Прикамье²², в Венгрии²³, среди древностей тюркских кочевников Восточной Европы²⁴. Аналогии нашей подпружной пряжке можно найти среди материалов из памятников кочевой культуры средневековья. Подобные пряжки отмечены на Алтае (кудыргинский тип)²⁵, в том же Танкеевском могильнике²⁶, среди памятников салтовской культуры и в синхронных ей памятниках VIII—IX вв.²⁷

Сравнительный анализ предметов из кургана «с усами» могильника Беркутты позволяет нам датировать этот погребальный комплекс VII—VIII вв.

Но предложенная датировка памятника предварительная, так как число находок невелико. Последующие исследования позволят нам уточнить датировку. Возможности для этого имеются, в урочище Бесарык тогда же нами были зафиксированы и нанесены на план еще два кургана с каменными дорожками: один — в районе урочища Куйкентайлы, другой — в 2 км к востоку от р. Бесарык, на выходе ее из ущелья.

Интересно, что в этих курганах, как и в кургане «с усами» из Беркутты, каменные выкладки ориентированы не строго на В, а на ССВ. Возможно, такая ориентировка указывает на ту сторону, откуда пришли в этот район племена, носители столь сложной погребальной обрядности, т. е. из Центрального Казахстана.

¹⁷ Там же, с. 181, рис. 14, 15.

¹⁸ Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967, рис. 28, 2.

¹⁹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 519.

²⁰ Гаврилова А. А. Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, табл. IV, 7; табл. V, 3; табл. VII, 8 и т. д.

²¹ Казаков Е. П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника. — В кн.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971, с. 108, табл. X, 2.

²² Генинг В. Ф. Доменковский могильник. — В кн.: Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1964, табл. X.

²³ Казаков Е. П. Погребальный инвентарь..., с. 133.

²⁴ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 17, рис. 2, Г. Ш.

²⁵ Гаврилова А. А. Могильник Кудырге..., табл. VIII, 3; табл. XIV, 2 и т. д.

²⁶ Казаков Е. А. Погребальный инвентарь..., табл. XI, 6, 8.

²⁷ Ахмеров Р. Б. Могильник близ г. Стерлитамака. — СА, XXII, 1955, табл. VII.

Курганы «с усами», выявленные далеко к юго-западу от их основного ареала, расширили территорию своего бытования от Восточного Казахстана до южных склонов Каратау. Они, несомненно, свидетельствуют о тесных политико-этнических связях племен, живших на территории Казахстана в 1 тыс. н. э. Очевидно, в этот период из степей Центрального Казахстана, через удобные проходы в ущельях Каратау, на его южные склоны постоянно проникали племена, оставившие там курганы с каменными дорожками — «усами».

К. М. БАЙПАКОВ

О ЛОКАЛИЗАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

В 1867 г. известный русский востоковед П. И. Лерх по заданию Русского археологического общества совершил поездку в Туркестанский край с целью обследования памятников низовьев Сырдарьи. Он осмотрел развалины Джанкента, Саурана, Сыгнака, Туркестана и составил отчет, в котором привел исторические сведения о средневековых городах юга Казахстана, охарактеризовал развалины некоторых из них. Ряд городов был сопоставлен им с конкретными городищами¹.

Небольшой по объему отчет П. И. Лерха явился первой работой по исторической географии средневекового Казахстана. Его опыт был продолжен В. В. Бартольд², уделявшим этому вопросу много внимания.

В советское время это научное направление успешно развивалось. А. Н. Бернштам открыл и исследовал на юге Казахстана и в Семиречье многочисленные памятники средневековой оседлой культуры. Некоторые из них он отождествил с городами, известными по письменным источникам³.

¹ Лерх П. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. СПб., 1870.

² Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. — Соч., т. IV. М., 1966, с. 21—87; *его же*. К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане. Там же, с. 95—109; *его же*. Отчет о командировке в Среднюю Азию. Там же, с. III—III.

³ Бернштам А. Н. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941; *его же*. К исторической топографии Чуйской долины (из археологических работ 1939 года в Киргизии). — ВДИ, 1940, № 2, с. 191—198; *его же*. Памятники старины Алма-Атинской области. — «Известия АН КазССР, серия археол.», 1948, вып. 1, с. 79—91; *его же*. Древний Отрар (предварительный отчет Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1948 г.) — «Известия АН КазССР, серия археол.», 1951, вып. 3, с. 81—97.

Много интересных сопоставлений содержит работа А. Х. Маргулана⁴. Локализация городов на древних караванных путях — одна из тем книги, посвященной городской культуре Южного Казахстана⁵.

Вопросы местонахождения отдельных городов Казахстана затрагивались в ряде специальных статей и обобщающих работ⁶.

Однако археологические исследования последнего десятилетия на юге Казахстана выявили много нового, позволившего вернуться к вопросам исторической географии средневековых городов. Был открыт ряд ранее неизвестных городищ, уточнена датировка многих описанных в прошлом памятников долины Арыси, левобережья Сырдарьи, предгорьев Каратау. Исследования последних лет изменили представление о масштабах оседлости и земледелия, заставили иначе взглянуть на значение караванных путей в монгольское и послемонгольское время. В этот же период востоковедами была проделана большая работа по выявлению и публикации средневековых письменных источников периода XV—XVIII вв.⁷ В них упоминалось немало ранее неизвестных или малоизвестных географических пунктов, поселений и городов, которые нуждаются в привязке к археологической карте.

Предлагаемая статья представляет собой сводку по исторической географии средневековых городов юга Казахстана.

Один из городов этого района — Испиджаб — не без основания на протяжении VIII—XII вв. считается крупнейшим городом на юге Казахстана. Пожалуй, нет ни одного географического сочинения, в котором бы он не упоминался⁸. К области Испиджаб причислялась вся местность на восток от Таласской долины и на северо-запад до Саурана. С Западом и Средней Азией он был связан «Шелковым» путем, который из Шаша шел в Испиджаб через Газгерд. Автор арабского сочинения X в. Кудама так описывает этот отрезок пути: «... от города Шаша до лагеря внутри стен два фарсаха, затем до Газгерда пять фарсахов, от Газгерда по пустыне до Испиджаба четыре фарсаха»⁹. Средневековый географ ал-Макдиси отмечал: «от Бинкета до рабада Анфара́н дневной переход, затем до Газгерда дневной переход, затем до Испиджаба дневной переход»¹⁰. На пути из Ташкента в Сайрам сохранились единствен-

⁴ Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950.

⁵ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. — «Труды ИИАЭ АН КазССР». Т. 5. Алма-Ата, 1958.

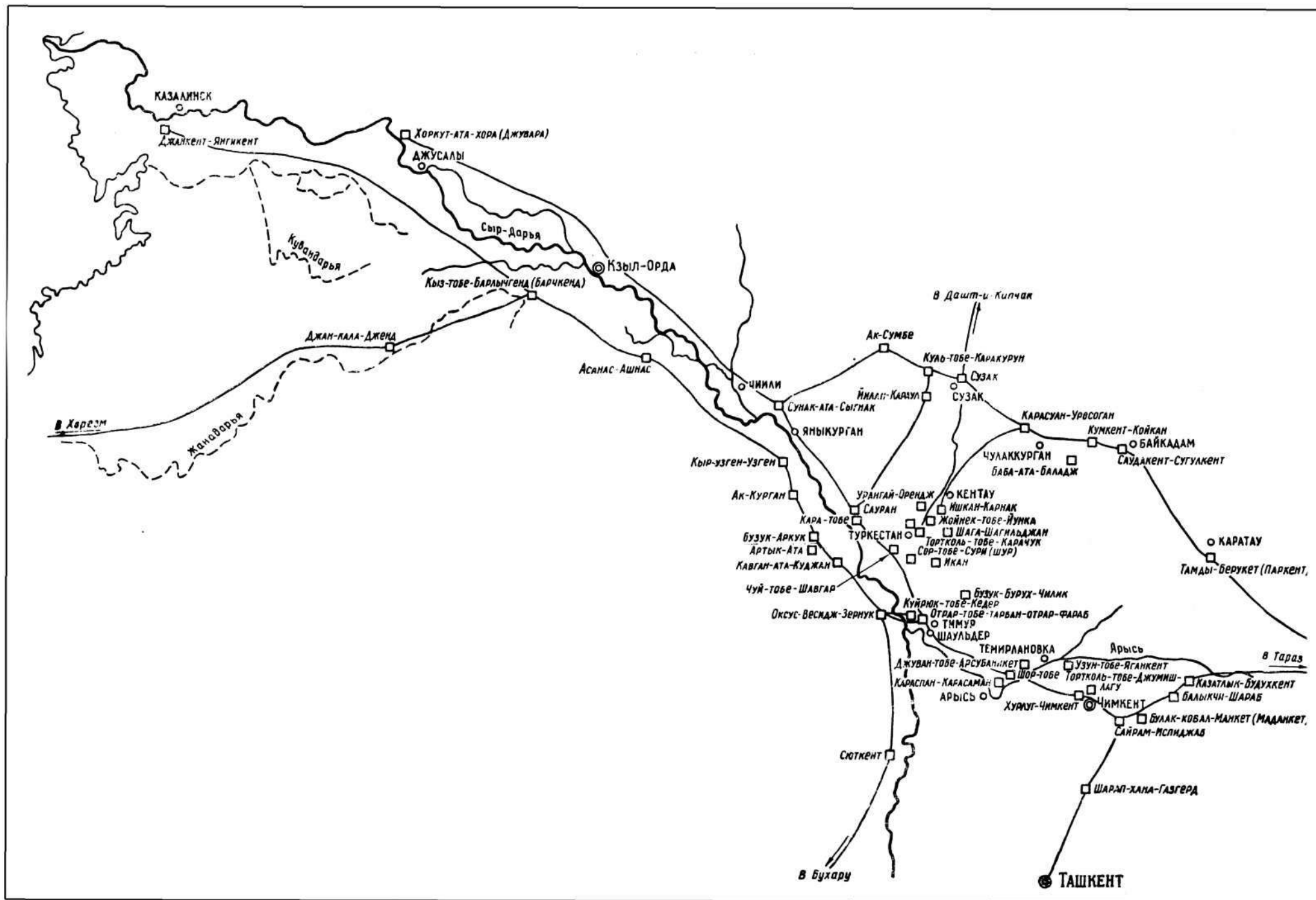
⁶ Байпаков К. М. О локализации городов Илийской долины. — «Вестник АН КазССР», 1968, № 7, с. 21—25; Ерзакович Л. Б. Караванные пути на юге Казахстана в XIII—XVIII вв. — «Известия АН КазССР, серия общественная», 1969, № 2, с. 79—84; Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.

⁷ Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков. Алма-Ата, 1970 (далее: МИКХ).

⁸ См: Обзор источников об Испиджабе: Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Соч., т. I. М., 1963, с. 232—233.

⁹ Волин С. Л. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах. — «Труды ИИАЭ АН КазССР». Т. 8. Алма-Ата, 1960, с. 77.

¹⁰ Там же, с. 83.

Карта размещения средневековых городов юга Казахстана.

ные развалины городского типа — это городище Шарап-хана на Келесе¹¹. Их можно отождествить с Газгердом, тем более, что расположены они у перевала через горную гряду Казы-Курт¹². В последнем топониме можно узнать видоизмененное название Газгерда.

Наиболее подробно описывал Испиджаб ал-Макдиси¹³. В XI в. город имел и другое название — Сайрам. Махмуд Кашгарский сообщает: «Сайрам — название белого города (ал-Мединат ал-Байда), который называется Испиджаб. Про него говорят также Сайрам»¹⁴.

Что касается локализации Испиджаба — Сайрама, то она не вызывает трудностей. Развалины города находятся в центре селения Сайрам, расположенного недалеко от Чимкента. Последний впервые упоминается в XIV в. в сочинении Шараф ад-дина Йезди «Зафар-наме». Тогда это была деревня около Сайрама¹⁵.

Вблизи Испиджаба находились многочисленные селения и города. Среди этих населенных пунктов были Маданкет, Джумишлагу и Хурлуг, к сожалению, сведения о них крайне скупы.

Город под названием Маданкет есть в списке городов округа Испиджаб¹⁶. Арабский географ XII—XIII вв. Якут называет этот пункт в одном случае: «Маданкет — одно из селений Испиджаба», в другом: «Манкет — город в окрестностях Испиджаба»¹⁷. Древнее наименование средневекового населенного пункта сохранилось до настоящего времени в названии города Манкент, расположенного в 20 км северо-восточнее Сайрама. Рядом с Манкентом находится средневековое городище Булак-Ковал¹⁸. Городище имеет вид плоского подчетырехугольного бугра с хорошо видимыми цитаделью, шахристаном и рабадом, оно датируется IX—XII вв. Отождествление Булак-Ковала с Маданкетом (Манкетом) не подлежит сомнению¹⁹.

Рядом с Испиджабом находился и город Джумишлагу. Ал-Макдиси писал о нем: это «... большой и обширный город, в нем есть проточная вода. Туда переселилось много воинов. Соборная мечеть в отдалении от рынков»²⁰. Остатки Джумишлагу следует искать, на наш взгляд, в долине р. Кумуш (Кумышка), приток Арыси, и их можно отождествить

¹¹ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, с. 146—147.

¹² Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Туркестанский край, Т. XIX. Спб., 1913, с. 52, 603, 605.

¹³ Волин С. Л. Сведения арабских источников..., с. 80—81.

¹⁴ Там же, с. 84.

¹⁵ Бартольд В. В. Чимкент.— Соч., т. III. М., 1965, с. 563—564.

¹⁶ Волин С. Л. Сведения арабских источников..., с. 80.

¹⁷ Там же, с. 87.

¹⁸ Бартольд В. В. Отчет о командировке в Среднюю Азию.— Соч., т. IV. М., 1966, с. 112.

¹⁹ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, с. 131—133, 145. Отождествление городища с Нузкетом, предложенное В. Д. Городецким, на наш взгляд, неоправдано. См.: Городецкий В. Д. К археологии Чимкентского уезда. — «Известия Турк. отдела РГО», 1922, т. 15, с. 99—103.

²⁰ Волин С. Л. Сведения арабских источников..., с. 81.

с городищем Тортколь-тобе, исследования которого дали интересный материал²¹.

Хурлуг был городом средних размеров. «...Нет вокруг него степи и нет у него ни цитадели, ни рустака...», — указывает ал-Макдиси²². Локализация Хурлуга затруднительна. Видимо, его надо расположить на месте Чимкента, так как здесь есть городище и имеются многочисленные находки, свидетельствующие о местонахождении в данном районе средневекового города²³.

Восточнее Испиджаба, на караванном пути в Тараз, согласно Ибн Хордадбеку и Кудамы, имелись следующие населенные пункты: Шараб, Будухкет, Тамтадж, Абарджадж, Джувикат. Первые два находились недалеко от Испиджаба. Между Испиджабом и Шарабом расстояние равнялось четырем фарсахам «по пустыне, в которой две большие реки: одна называется Мава, другая — Юган»²⁴. Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич локализуют Шараб на месте городища Торткуль у с. Балыкчи на расстоянии 40 км от Сайрама на местности, пересеченной двумя реками — Аксу и Арысь, которые можно принять за Маву и Юган²⁵. От Шараба до Будухкета, по свидетельствам Кудамы, — «4 фарсаха по колодцам»²⁶. Ал-Макдиси указывает, что «от Испиджаба до Будухкета — один дневной переход и затем до Тараза — дневной переход»²⁷. Будухкет отождествляется с городищем Казатлык, датируемым IX—XI вв.²⁸

Севернее Испиджаба находился округ Кенджида, центром которого был Усбаникет (Субаникет, Арсубаникет)²⁹. Согласно ал-Истахри, от «Испиджаба до Усбаникета перехода два дня»³⁰. В персидском географическом сочинении X в. «Худуд ал-Алем» сказано, что «Саникес (Субаникет) — приятный, процветающий и богатый город»³¹. В словаре автора XII в. ал-Самани говорится: «Усбаникет — один из городов Испиджаба, в большом дневном переходе от него»³². Эти же сведения приводит Якут³³.

²¹ Подушкин Н. И. Ранние оседлые поселения долины Арыси (I—VIII вв.). Автореф. канд. дис. Алма-Ата, 1970, с. 7—8.

²² Волин С. Л. Сведения арабских источников..., с. 81.

²³ Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, с. 256, № 3686—3687.

²⁴ Волин С. Л. Сведения арабских источников..., с. 76.

²⁵ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, с. 133—134, 143.

²⁶ Волин С. Л. Сведения арабских источников..., с. 76.

²⁷ Там же, с. 83.

²⁸ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, с. 134—135, 143.

²⁹ Волин С. Л. Сведения арабских источников..., с. 78.

³⁰ Бетгер Е. К. Извлечения из книги «Пути и страны» Абу-л-Касыма ибн Хаукаля. — Труды САГУ. Новая серия. Вып. CXI. Исторические науки. Кн. 25. Археология Средней Азии, IV. Ташкент, 1957, с. 24.

³¹ «Худуд ал-Алем». Рукопись Туманского. С введением и указателем В. В. Бартольда. Л., 1930, л. 246.

³² Волин С. Л. Сведения арабских источников..., с. 85.

³³ Там же, с. 90.

В послемонгольское время Усбаникет не упоминался. В. В. Бартольд округ Кенджида с городом Усбаникетом локализовал в среднем течении Арыси³⁴. Что касается Усбаникета, то город, по мнению ряда исследователей отождествляется с городищем Джуван-тобе³⁵. Археологические открытия последних лет позволяют предложить еще один пункт местом расположения Усбаникета. Это средневековое городище Шор-тобе, расположенное рядом с Джуван-тобе и дожившее до XIV в.³⁶ Видимо, Шор-тобе соответствует Усбаникету XI—XII вв.

В долине Арыси имелся город Яганкент, впервые названный у ал-Макдиси³⁷. Позднее Яганкент (Яканкент) упомянут в «Абдулла-наме», где точно указано его местонахождение. Там говорится, что в 1574 г. Абдалла-хан, выступив из Сайрана, «... расположился лагерем на берегу р. Арс, в окрестностях Яканкента, в Кушулуше, реки Буралдай»³⁸. Другой вариант перевода точнее: «... расположился лагерем на берегу реки Арс в окрестностях Яканкента, при впадении в [Арысь] реки Буралдай»³⁹.

В результате археологических исследований в междуречье Арысь — Боролдай и в среднем течении Арыси была открыта группа городищ, поселений и замков. Одно из них — городище Узун-тобе вблизи с. Чубаровка — доживает, судя по подъемному материалу, до XVI в. Его можно отождествить с Яганкентом — Яканкентом⁴⁰.

На Арыси когда-то стоял город Карасаман, который впервые упоминается в 1392 г. как место, где Тимур принимал послов Тохтамыша⁴¹. В 1581 г. в Халадж-Карасамане были оставлены, согласно описаниям Хафиза Таныша, часть войск и обоз Абдалла-хана⁴². Карасаман Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевичем отождествляется с городищем Карасаман вблизи с. Обручевка⁴³.

³⁴ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— Соч., т. 1. М., 1963, с. 233.

³⁵ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г.— «Труды ИИАЭ АН КазССР». Т. 1. Алма-Ата, 1956, с. 57.

³⁶ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Новое в средневековой археологии Казахстана — В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 14; Массон М. Е. Исторический этюд по нумизматике Джагатаидов. — «Труды САГУ. Новая серия». Вып. СХІ. Исторические науки. Кн. 25. Археология Средней Азии, IV. Ташкент, 1957, с. 76; Жуков В. Д. Чекан Кенджида и аэнографические монеты в Дукентском кладе. — В кн.: История материальной культуры Узбекистана. Вып. 2. Ташкент, 1961, с. 307.

³⁷ Волин С. Л. Сведения арабских источников..., с. 80.

³⁸ Там же, с. 81.

³⁹ Юдин В. П. Рецензия на книгу С. Г. Кляшторного «Древнетюркские рунические памятники». — «Известия АН КазССР, серия общественная», 1968, № 1, с. 65.

⁴⁰ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 8—9.

⁴¹ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном и обработанных Н. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным (далее: СМЗ). Т. II. М.—Л., 1941, с. 112.

⁴² МИКХ, с. 269, 271, 280, 283.

⁴³ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, с. 109.

В источниках в качестве главного города округа Фараб в IX в. назван Кедер, который оставался столицей округа до конца X в. В «Худуд ал-Алеме» отмечается, что «Фараб — богатый округ, главный его город называется Кедер, жители его воинственны и храбры — это место стечения купцов»⁴⁴. По нашему мнению, в Отрарском оазисе три городища могут быть остатками Кедера: Куйрюк-тобе, Алтын-тобе и Куюк-Мардан. Предпочтение можно отдать Куйрюк-тобе, расположенному в 6—7 км северо-западнее Отрара⁴⁵.

В округе Фараб имелось небольшое укрепленное поселение — Весидж, где жил «сильный эмир». Оно находилось на расстоянии двух фарсахов ниже Кедера. Весидж приобрел широкую известность как родина Абу Насра аль-Фараби. Город фигурирует в источниках до XII в.⁴⁶ Весидж локализуется на месте городища Оксус, в урочище Ак-жар, в 20 км северо-западнее Отрара⁴⁷.

В начале XIII в. в районе Отрара был город под названием Зернук (Уджук — Зернук). Именно здесь переправилась через Сырдарью армия монголов, причем Зернук, сдавшийся без боя, назван ими «Кутлуг-Балыг»⁴⁸. Есть предположение, согласно которому, Зернук — второе название Оксуса⁴⁹. Дополнительным аргументом в пользу такого мнения является то, что у ал-Макдиси в реестре городов упомянут Зерах (Зернук) и нет Весиджа. Вместе с Зерахом назван Турар, который по отношению к Зераху был главным, поэтому иногда говорили Турар-Зерах⁵⁰. Согласно же Якуту, «Турарбанд, город за Сейхуном, из самых отдаленных городов Шаша, примыкающих к Мавераннахру. Народ этой страны произносит по-разному это имя, и они говорят Турар и Отрар»⁵¹.

Попытку отождествить Турар с городищем Мыр-тобе, расположенным у Саурана, надо признать несостоятельной⁵², поскольку Мыр-тобе — это сторожевая крепость, построенная в начале XVI в. у истоков сауранского кяриза⁵³.

Город Бурук в источниках приводится лишь у ал-Макдиси. «Бурук, по его сведениям, старый (большой) [город], соборная мечеть на рын-

⁴⁴ Материалы по истории туркмен и Туркмении (далее: МИТТ). Т. I. М. — Л., 1939, с. 216.

⁴⁵ Байпаков К. М. О локализации главного города Отрарского оазиса в IX—XII вв. — В кн.: Археологический сборник. Л., 1964, с. 105—110.

⁴⁶ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, с. 234.

⁴⁷ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, с. 124.

⁴⁸ Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. — Соч., т. III. М., 1965, с. 224.

⁴⁹ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, с. 124.

⁵⁰ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Соч., т. I. М., 1963, с. 234—235.

⁵¹ Цит. по: Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники. Л., 1964, с. 158.

⁵² Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, с. 102.

⁵³ Акишев К. А., Байпаков К. М. Кяризы Саурана. — «Вестник АН КазССР», 1972, № 4, с. 78.

ке»⁵⁴. На наш взгляд, Бурук локализуется на месте городища Бузук. Оно является остатками крупного средневекового города, древнее название которого должно было бы отразиться в средневековых географических сочинениях. Бузук-тобе датируется на основании предварительных раскопочных работ первыми веками нашей эры — XV в.⁵⁵ В XIV—XV вв. на его месте находилось селение Чилик, название которого встречено у Шереф ад-дина Иезди. Чилик располагался в 5 фарсах к востоку от Отрара. В 1405 г. до этого селения дошло войско Тимура⁵⁶. Местонахождение Бузука на р. Чилик, в 25—30 км северо-восточнее Отрара (соответствует 5 фарсам), делает тождество Чилик — позднесредневековый Бузук бесспорным.

К северо-западу от Кедера лежал округ Шавгар с центром в одноименном городе. Впоследствии Шавгар был отождествлен с городищем Чуй-тобе, расположенным в 8 км юго-восточнее Туркестана⁵⁷. В XII в. центром Шавгара становится город Ясы⁵⁸.

Археологические данные подтверждают сведения источников о том, что Ясы был столицей. Анализ клада монет, найденного вблизи мавзолея Ахмеда Ясеви, позволяет говорить о монетном дворе Ясы, функционировавшем в XVI в.⁵⁹

Ясы — Туркестан локализуется на месте городища, расположенного на территории современного Туркестана⁶⁰. В округе Ясы — Туркестан находились многочисленные селения и города, о которых упоминают источники. Среди них — Шагильджан, Карнак, Карачук, Сури, Йунка, Икан.

Город под названием Шагильджан приведен ал-Макдиси в списке городов округа Испиджаб⁶¹. Существует мнение, что Шагильджану соответствует городище Ишкан⁶². Это неверно, поскольку Ишкан стоит на месте Карнака. Имя Шагильджана сохранило одно из городищ на южных склонах Каратау — Шага. Оно находится в 20 км северо-восточнее Туркестана, на окраине с. Шага (Чага). Городище датируется X—XVII вв.⁶³

Впервые Карнак фигурирует в сочинении Махмуда Кашгарского, который включил его в список городов гузов⁶⁴. Несколько позже город

⁵⁴ Волин С. Л. Сведения арабских источников..., с. 80—81.

⁵⁵ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар, с. 165—170.

⁵⁶ Бартольд В. В. Улугбек и его время.— Соч., т. II, ч. 2. М., 1964, с. 72.

⁵⁷ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, с. 94.

⁵⁸ Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана.— Соч., т. III. М., 1965, с. 225.

⁵⁹ Бурнашева Р. З. Клады медных монет из г. Туркестана.— В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 58—68.

⁶⁰ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, с. 92—93.

⁶¹ Волин С. Л. Сведения арабских источников..., с. 80.

⁶² Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, с. 104.

⁶³ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар, с. 177.

⁶⁴ МИТТ, с. 312.

упоминался и в русских источниках. «А свинец плавят из руды в городе Карнаке», — сказано в записке Федора Скибина и Матвея Трошина об их поездке в Казахстан и Среднюю Азию в 1695 г.⁶⁵

Не вызывает сомнения локализация Карнака на месте городища Ишкан в с. Атабай, которое не так давно именовалось Карнак⁶⁶.

Название города Карачук также впервые встречено у Махмуда Кашгарского. Он пишет: «Карачук — название Фараба, а это название городов гузов»⁶⁷. Затем в середине XIII в. Карачук приведен в описании путешествия Гетума I как город, расположенный между Савраном (Саураном) и Асоном (Ясы)⁶⁸.

Во второй половине XVIII в. селение Карачук упоминается Хафизом Танышем в связи с описанием похода Абдалла-хана. Здесь, в дне пути от Икана, войско хана сделало остановку⁶⁹. В русских источниках Карачук отмечен на караванной дороге из Сибири в Туркестан, не доезжая 5 верст до Туркестана⁷⁰.

Древнее название сохранилось в имени речки, на берегах которой расположено несколько поселений и городищ. Два из них — Тортколь I и Тортколь II — находятся в 8 км севернее Туркестана. Тортколь II датируется VIII—XIII вв., а Тортколь I—XIII—XIX вв.⁷¹ Первое из них можно отождествить с раннесредневековым Карачуком, а второе — с Карачуком XVI—XVIII вв.

В списке городов округа Испиджаб у ал-Макдиси имеется город Шур⁷², который спустя два с половиной века в маршрутке Гетума I фигурирует под именем Сури-Саври, как город между Ясы (Осон) и Оттаром⁷³, а в источниках второй половины XVII в. — как местность и селение вблизи Туркестана⁷⁴.

Локализация Сури облегчается тем, что до сих пор сохранился аналогичный топоним. Так называется городище Сор-тобе, в 12 км юго-западнее Туркестана⁷⁵.

О селении под названием Иунка говорится у Хафиза Таныша. Оно располагалось рядом с Карачуком⁷⁶. Археологические исследования в округе Туркестана открыли городище Жойнек-тобе (Додвен), в 15 км

⁶⁵ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. I. Л., 1932, с. 262—267.

⁶⁶ Бернштам А. Н. Древний Отрар, с. 23.

⁶⁷ МИТТ, с. 312.

⁶⁸ История монголов по армянским источникам. Перевод с армянского К. М. Патканова. Вып. II. СПб., 1873—1874, с. 83.

⁶⁹ МИКХ, с. 269; Пищулина К. А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств XV—XVII веков. — В кн.: Казахстан в XV—XVIII веках. Алма-Ата, 1969, с. 20.

⁷⁰ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, с. 104.

⁷¹ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар, с. 172—176.

⁷² Волин С. Л. Сведения арабских источников..., с. 80.

⁷³ История монголов по армянским источникам, с. 83.

⁷⁴ МИКХ, с. 283; Пищулина К. А. Присырдарьинские города..., с. 20.

⁷⁵ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар, с. 176—177.

⁷⁶ МИКХ, с. 269; Пищулина К. А. Присырдарьинские города..., с. 20.

северо-восточнее Туркестана, на левом берегу р. Ирменсай. Керамика датирует городище первыми веками нашей эры — XVIII в.⁷⁷ Думается, с этим городищем и может быть отождествлено селение Иунка.

Вблизи Ясы имелась крепость Оренг⁷⁸, известная в источниках XIII—XIV вв. Ее можно локализовать на месте городища Урянгай (рядом с ж.-д. станцией того же названия), в названии которого угадывается древнее наименование крепости. Городище датируется XIV—XV вв. К настоящему времени оно разрушено.

К северо-западу от Туркестана выявлены развалины, которые до сих пор носят прежнее название Саурана, одного из наиболее знаменитых городов средневекового Казахстана.

В русских источниках XVI—XVIII вв. Сауран известен как Ясыран, или Савран⁷⁹. Исследованию Саурана посвящено немало работ⁸⁰.

Город Саганак, который средневековые авторы приводят вслед за Саураном, получил широкую известность как центр кипчакского государственного объединения XII в.⁸¹

В источниках Сыгнак упоминается с X в., в XI в. он назван Махмудом Кашгарским в числе городов гузов⁸². Автор XVI в. Рузбехан называет Сыгнак «гаванью Дешт-и Кипчака»⁸³.

Город доживает до XVII—XVIII вв., о чем свидетельствуют многочисленные упоминания о нем, в том числе и в русских источниках⁸⁴.

Первым локализовал Сыгнак П. И. Лерх, отождествив город с развалинами городища Сыгнак — Сунак-Ата, расположенного рядом со станцией Тюмень-Арык⁸⁵.

На левом берегу Сырдарьи одним из наиболее древних был город Сюткент. В XI в. он входил в число гузских городов⁸⁶. Название Сюткент сохранилось до сих пор, так именуется поселок на берегу Сырдарьи в урочище Каракуль.

Ниже по левому берегу Сырдарьи находились города Куджан, Аркук, Ак-Курган и Узгент⁸⁷. Локализация охарактеризованных городов

⁷⁷ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар, с. 176—177.

⁷⁸ СМЗО, т. II, с. 83.

⁷⁹ Федчина В. Н. Как создавалась карта Средней Азии. М., 1967, с. 27; Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, с. 262.

⁸⁰ Гейнс А. Г. Собрание литературных трудов. Т. II. СПб., 1898, с. 265; Пищуно П. И. Туркестанский край в 1866 г. (Путевые заметки). СПб., 1868, с. 24—25; Акишев К. А., Байпаков К. М. Кяризы Саурана. — «Вестник АН КазССР», 1972, № 4, с. 76—78.

⁸¹ МИТТ, с. 311. Сведения о Сыгнаке приведены А. Ю. Якубовским в статье «Развалины Сыгнака (Сугнака)». — «Известия ГАИМК». Вып. II. Л., 1929, с. 123—159.

⁸² Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, с. 482.

⁸³ Ибрагимов С. К. «Михман-наме и Бухара» Рузбехана как источник по истории казахских ханств. — «Труды ИИАЭ АН КазССР». Т. 8. Алма-Ата, 1960, с. 156.

⁸⁴ Пищулина К. А. Присырдарьинские города ..., с. 13—17; Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, с. 262.

⁸⁵ Лерх П. И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. СПб., 1870, с. 11.

⁸⁶ МИТТ, с. 311.

⁸⁷ Пищулина К. А. Присырдарьинские города..., с. 24—31.

не вызывает особых трудностей, поскольку под таким названием, иногда в несколько измененной форме, они существовали длительное время на левобережье Сырдарьи.

Куджан (Куган) может быть помещен на месте городища Кауган (Кавган-Ата), которое зафиксировано на южной окраине поселка Балтакуль. Это городище археологи посещали неоднократно⁸⁸. Подъемный материал, собранный на Кауган-ата, убеждает в том, что городище жило вплоть до XVIII в.

Артык в свое время отождествлялся с городищем Артык-ата⁸⁹. Но позднесредневековый материал здесь не обнаружен. Рядом с Артык-ата обследовано позднесредневековое городище Бозук. Жизнь на нем продолжалась до XVIII в. Артык, таким образом, может быть отождествлен с городищем Бозук.

Название Ак-Курган сохранилось в имени позднесредневекового городища, находящегося в 4 км от Сырдарьи. Это большой двухъярусный бугор трапециевидной формы, возвышающийся на 6 м над окружающей местностью. Городище датируется XIII—XVIII вв.⁹⁰

Узгент также сохранил свое название. Городище, известное как Кыр-Узгент, находится в 5 км от Сырдарьи на канале. На основании обследования городище датируется XIII—XVIII вв.⁹¹

Ниже по Сырдарье, на левом берегу расположены широко известные города Дженд и Янгикент.

В X в. ибн Хаукаль среди сырдарьинских городов называет Янгикент и отмечает, что «он — столица государства гузов; там живет царь гузов»⁹². Локализация Янгикента, предложенная еще П. И. Лерхом, не вызывает сомнений. Ему соответствует городище Джанкент, находящееся в 15 км от Казалинска, исследования которого составили одну из интересных страниц дореволюционной археологии и востоковедения⁹³.

Дженд расположен недалеко от Янгикента. Согласно ибн Хаукалю, в Дженде и Хоре (Джуваре) жили мусульмане, а власть принадлежала огузам⁹⁴.

Местоположение Дженда долгое время не было точно определено. П. И. Лерх⁹⁵ предполагал, что Дженд тяготеет к развалинам у средне-

⁸⁸ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, с. 125—126. План городища на рис. 64 не соответствует действительности. См.: Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар, с. 162—163.

⁸⁹ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, с. 126—128.

⁹⁰ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар, с. 160—162.

⁹¹ Там же, с. 162.

⁹² МИТТ, с. 184.

⁹³ Чабров Е. Г. Из истории изучения развалин древнего города Джанкента. — «Труды САГУ. Новая серия». Вып. CXI. Исторические науки. Кн. 25. Археология Средней Азии, IV. Ташкент, 1957, с. 197—230.

⁹⁴ МИТТ, с. 184.

⁹⁵ Лерх П. И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. СПб., 1870, с. 127.

векового некрополя Хорхут-ата. В. А. Каллаур отождествлял город с развалинами Кыш-Кала в урочище Тумар⁹⁶. Его точку зрения разделял В. В. Бартольд⁹⁷.

Развалины Дженда были выявлены лишь в 1946 г. Хорезмской археолого-этнографической экспедицией. Городище, известное сейчас под названием Джан-Кала, находится в 115 км юго-западнее Кызыл-Орды, на правом берегу сухого русла Жанадарьи. Топография и археологический материал позволяют видеть в нем крупный городской центр. Это городище в низовьях Сырдарьи существовало вплоть до XVII в.⁹⁸ Селение Хора, скорее всего, соответствует городищу у мавзолея Хоркут-ата, с которым П. И. Лерх сопоставлял Дженд⁹⁹.

В связи с завоеваниями монголов в Казахстане упоминалось еще два города, взятых ими штурмом, — Барчынлыгкенд (Барчкенд) и Ашнас (Ашанас). Они известны еще с XII в. как города, входившие в состав джендского владения кипчаков¹⁰⁰.

В свое время В. А. Каллаур поместил Ашнас в урочище Асанас-узек, а Барчынлыгкенд — на протоке Бершин (Барчиндарья)¹⁰¹. Развалины Асанаса были обнаружены в 1960 г. авиаразведкой Хорезмской археолого-этнографической экспедиции южнее Кызыл-Орды. Здесь же находились многочисленные поселения, которые, как и Асанас, расположены вдоль магистрального канала Асанас-узек¹⁰².

Барчынлыгкенд, видимо, следует отождествить с городищем Кыз-Кала, отмеченным между Кызыл-Ордой и Чиили¹⁰³.

Развитым районом городской культуры являлись северные склоны Каратау. Среди городов данного региона у ал-Макдиса названы города Баладж и Берукет. «Баладж — маленький город, стены его уже пришли в разрушение, соборная мечеть — на базаре. Мы возвращаемся к главному городу (Испиджабу). Берукет — большой город; он и Баладж — пограничные крепости против туркмен, которые (теперь) уже приняли ислам из страха (перед мусульманскими войсками). Стены его уже пришли в разрушение»¹⁰⁴.

Название Баладж в дальнейшем не встречается, а Берукет позже известен в маршрутке Гетума I как Паркент. Города Баладж и Бе-

⁹⁶ Каллаур В. А. Древние города Сыганак (Сунак), Ашнас или Эшнас (Асанас) и другие в Перовском уезде, разрушенные Чингиз-ханом в 1219 году. — ПТКЛД. Год IV. Ташкент, 1900, с. 16; его же. О следах древнего города Дженд. Там же, с. 81.

⁹⁷ Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. — Соч., т. III. М., 1965, с. 229.

⁹⁸ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1961, с. 288—291.

⁹⁹ Об этом городище см.: Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, с. 227, № 3336; Жирмунский В. М. Следы огузов в низовьях Сырдарьи. — В кн.: Тюркологический сборник. I. М.—Л., 1951, с. 93—102.

¹⁰⁰ Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана, с. 277.

¹⁰¹ Каллаур В. А. Древние города Сыганак (Сунак), Ашнас или Эшнас (Асанас) и другие в Перовском уезде, разрушенные Чингиз-ханом в 1219 г., с. 14, 16.

¹⁰² Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1961, с. 282.

¹⁰³ Маргулан А. Х. Из истории оседлых поселений и городов древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950, с. 78; Археологическая карта Казахстана, с. 225. № 3318.

¹⁰⁴ МИТТ, с. 185.

рукет следует локализовать на месте городища Баба-ата и Тамды¹⁰⁵.

Наиболее полный перечень городов на северных склонах Каратау содержит маршрутник Гетума I. В нем перечислены города Хутухчин, Паркент, Сулхан, Уросоган, Койкан, Хузак, или Камоц, и Хендахор¹⁰⁶.

Исследователями городище Сулхан-Сугулхан отождествляется с городищем Саудакентом в Байкадаме¹⁰⁷, а Койкан — с Кумкентом¹⁰⁸. Уросоган следует локализовать на месте городища Карасуан, которое находится в 10—12 км западнее Чулак-Кургана и доживает, судя по керамике, до XIII—XIV вв.¹⁰⁹ Наблюдается известное сходство и в названиях древнего города и городища.

Хузак, или Камоц, приведенный в описании путешествия Гетума I, является остатками известного позднесредневекового города Сузака — важного экономического и политического центра Южного Казахстана.

Раскопки на городище Сузак убеждают в правильности отождествления его со средневековым городом¹¹⁰.

Сузак был центром многолюдного земледельческого округа. У Бенаи в «Шейбани-намэ» при описании событий начала XVI в. сказано о подготовке Бурундук-хана к военной кампании против узбеков: «Собрав пешие и конные войска из людей Сузака и окрестностей Каракуруна, соединил (их в одно) большое войско»¹¹¹.

Локализация Каракуруна упрощается благодаря сохранившимся топониму и гидрониму. Имя Карагур носит ущелье и река. В ущелье обнаружено позднесредневековое городище Культобе, верхние слои которого датируются XVI—XVIII вв.¹¹²

На северных склонах Каратау источники XVI в. помещают крепость Йилан-Караул. Когда Абдаллах II осадил Сауран, он приказал войскам, которые в это же время блокировали Сузак, соединиться с ним. По пути войско из-под Сузака прибыло «к одной крепости, укрепленной и сильной, носящей название Йилан-Караул. Здесь, укрепившись, сидело многочисленное войско Дешта и препятствовало проезду»¹¹³. Войско должно было следовать кратчайшим путем через один из горных перевалов, скорее всего через Баджи и Кок-ашик. Здесь издревле проходила

¹⁰⁵ На городище Баба-ата проведены широкие археологические раскопки. Время жизни его определяется VI—XIV вв. См.: Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата, 1962.

¹⁰⁶ История монголов по армянским источникам, с. 83.

¹⁰⁷ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, с. 209.

¹⁰⁸ Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950, с. 353—354.

¹⁰⁹ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар, с. 178—179.

¹¹⁰ Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана, с. 52—53; Ерзакович Л. Б. О позднесредневековом городище Сузак. — «Известия АН КазССР, серия общественная», 1966, № 3, с. 66—69.

¹¹¹ МИКХ, с. 106.

¹¹² Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар, с. 179.

¹¹³ МИКХ, с. 293.

караванная дорога из Сузака к Туркестану и Саурану¹¹⁴. На перевале Баджи обнаружены остатки небольшой крепости из камня¹¹⁵. Она, видимо, и соответствует Йилан-Караулу.

Такова историческая карта размещения в средние века некоторых городов в Казахстане. Безусловно, не все пункты на карте помещены достаточно убедительно, уточнения и поправки будут вноситься постоянно по мере накопления новых и прежде всего археологических данных.

Х. А. АЛПЫСБАЕВ

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ И НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

В работах по первобытной археологии многие годы преобладала точка зрения о единообразии мустьерской и позднепалеолитических культур. Однако их развитие к неолиту шло различными путями. Данные последних лет убедили в том, что на одной территории в одно и то же время существовало несколько первобытных коллективов, которые жили по соседству, но каждое из них имело характерный каменный инвентарь. Наиболее слабо изученной областью первобытной археологии Казахстана является поздний палеолит и переход его к неолиту, так называемому мезолиту. Это объясняется лишь слабой изученностью территории республики, но не отсутствием материалов. Подтверждением тому являются местонахождения *Жаначилик I, II, III*, которые расположены в 40—43 км к северу от районного центра с. Шаульдер Кзылкумского района Чимкентской области, в 3 км северо-восточнее совхоза *Жаначилик*, в 2—3 км правее р. Чаян, на поверхности второй террасы, далеко отодвинутой от современного русла. Здесь на протяжении 1—3 км с севера на юг в трех местах, отдаленных друг от друга на 600—800 м совхозными кошарами и домиками скотного двора совхоза «Октябрь», были собраны халцедоновые изделия.

Зачистка, произведенная на окраинах крупных скоплений этих местонахождений, показала, что культурный слой состоял из суглинка, скрытого дерном. В нем выявлены нуклеусы, чешуйки, отщепы, пластинки с затупленной спинкой, сегменты и трапеции, пластинки с ретушью с брющка и другие отходы производства, кроме того, здесь встречены угольки, кости животных, галька из песчаника и кварцита. Изделия патинизированы сероватой патиной. Около $\frac{2}{3}$ отщепов и других халцедоновых изделий покрыты желвачной коркой. В коллекции преобладают

¹¹⁴ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. XIX. Туркестанский край. СПб., 1913. Карта Туркестана и сопредельных стран.

¹¹⁵ Устное сообщение археолога С. Жолдасбаева.

отщепы длиной 1,8—3 см, шириной 3—1,8 см и меньше — длиной 1,2—2,6 см и шириной 1,2—1,6 см; немало пластинок, самые крупные из них длиной 6,4—5,2 см, шириной 3—2,4 см (рис. 1, 34—38).

В коллекции имеются подпризматические, призматические и диско-видные нуклеусы. Подобные нуклеусы имеют аналогии в мезолитических комплексах из соседних регионов Средней Азии. Среди нуклеусов преобладают призматические одноплощадные и двухплощадные экземпляры. Последние скалывались с обеих сторон, их ударные площадки скошены. Скалывание заготовок производилось, судя по узким пластинам, с одной узкой и короткой стороны. Выявлено также немало мелких краевых сколов. Некоторые нуклеусы использовались в качестве скребел и рубящих орудий (рис. 1, 1, 2), о чем свидетельствуют симметричность лезвия и следы сработанности.

Коллекция кроме ножевидных пластинок, отщепов, чешуек и нуклеусов содержит группу скребков из пластинчатых отщепов с крутой ретушью у одного продольного края и крупным вертикальным резцовым сколом со стороны нижней плоскости — у другого (рис. 1, 4—11). Ножевидные пластинки обычных форм.

Один из скребков сделан из короткой маленькой ножевидной пластинки. Он, по-видимому, был комбинированным орудием, выполнял роль скребка-резца (рис. 1, 9). У другой плоской удлиненной пластинки из светло-серого кремня тщательно отретуширован рабочий край, а противоположный конец преднамеренно сбит с левого бокового края, в результате чего образовался косой резцовый скол, подправленный на самом конце приотстригающей ретушью. Это орудие можно использовать в качестве скребка-резца. Следующий скребок изготовлен из светло-серого кремня на конце удлиненной ножевидной пластинки (рис. 1, 5, 6). Скребок с круглой ретушью на рабочем крае (рис. 1, 12), у которого обработка заходила на левый продольный край, имел тупой конец. Остальные скребки сделаны из неправильных пластинчатых или массивных широких отщепов, причем у всех орудий этого типа рабочее лезвие обработано на концевой части пластинчатого отщепа или отщепа со тщательной ретушью и имеет правильные округлые очертания. У трех скребков рабочий край обработан крутой ретушью, заходящей на левый продольный край, образующей тупой конец. В коллекции имеются еще два скребка, изготовленные из больших массивных отщепов (рис. 1, 11). Оба скребка оформлены с одной стороны тщательной крутой ретушью, образующей округлый рабочий край. Они, вероятно, выполняли также роль скребущих орудий.

В коллекции есть резцы, изготовленные из треугольных отщепов, узких ножевидных пластин и из углом сломанных пластинок на концах с резцовыми сколами (рис. 1, 13—15). У них боковой рабочий край обработан направленным вертикально вниз резцовым сколом либо с левой, либо с правой стороны. В отдельных случаях такие сколы бывают нанесены горизонтально со стороны брюшка. К этой группе следует отнести несколько недостаточно четко оформленных, ножевидных пласти-

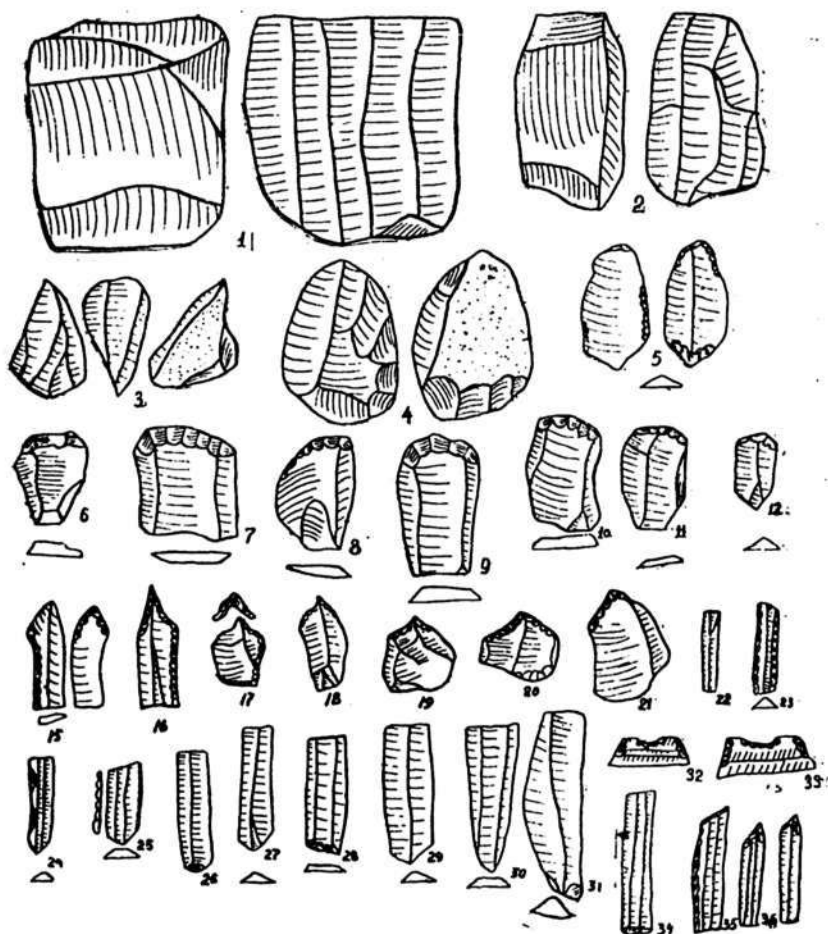

Рис. 1. Каменные изделия из Жаначилика I, II, III.

нок и отщепов со следами ретуши. Вероятно, такие орудия с обработанным скребоквидным рабочим краем служили ножами.

Самую немногочисленную, но довольно оригинальную группу орудий составляют микропластинки длиной от 1,3 до 4 см. Большинство таких орудий изготовлено из правильных, миниатюрных пластинок с двухгранной или трехгранной спинкой. У некоторых из них один продольный край затуплен крутой ретушью, нанесенной со спинки или с брюшка, у других один или оба конца обломаны. Пластинки с затупленным краем использовались как вкладыши составных орудий или для оснащения

метательного оружия, о чем свидетельствуют микроострия, обнаруженные в 1974 г. на этих стоянках. Они выполнены из молочно-черного мелкого халцедона, имеют длину 3,6 см, с двухгранной спинкой. У отдельных экземпляров один край обработан пологой ретушью, заходящей на кончик микропластинки, поэтому у орудий концевая часть скошена и заострена ретушью со стороны спинки. Таким путем обрабатывался острый рабочий конец микроострия, служившего метательным орудием, необходимым для охоты на мелких животных.

Немногочисленную, но довольно своеобразную группу образуют так называемые геометрической формы орудия — сегменты и трапеции. Их всего шесть экземпляров, причем все хорошо сохранились. Три из них — трапеции (рис. 1, 17—26). Они обработаны тщательной притупляющей ретушью по боковым краям и верхнему основанию. Трапеции могли употребляться как вкладыши для лезвия или для оснащения вкладышевого орудия с длинным зубчатым лезвием.

Сегменты также представлены тремя экземплярами. Первый и второй сделаны из молочно-светлого халцедона с двумя гранями на спинке, имеют асимметричные неодинаково скошенные края, они обработаны очень выразительной притупляющей ретушью по обоим смыкающим краям (рис. 1, 27—29). Третий тип из такого же желто-молочного, светлого мелкозернистого халцедона также асимметричен, но меньшего размера.

Обитатели местонахождений Жаначилики, несомненно, имели лук и стрелы. По всей вероятности, они использовали стрелы-острия и трапеции в качестве метательных орудий, особенно микропластинки со скошенным краем. Аналогичные орудия отмечены в груди дикого быка, смертельно раненого мезолитическими охотниками на острове Зеландия¹.

Треугольные геометрической формы наконечники применялись и в древнем Египте для охоты на мелких животных². В коллекции имеется пластинка с тремя выемками, расположенными друг против друга на продольных краях пластинки (рис. 1, 30—31). Другая небольшая пластинка со следами сработанного острия. Перечисленные новые формы орудий настолько определены, что их можно датировать мезолитом, т. е. концом позднего палеолита.

В индустрии Жаначилики встречены новые формы орудий. Например, ножевидные пластинки и острия, пластинки с затупленным краем и скребки-резцы, удлиненные трапеции и долотовидные орудия, т. е. во всей индустрии Жаначилики проступают позднепалеолитические черты. Это так называемый мезолит, отличительной чертой которого является сосуществование микролитической техники и миниатюрных форм орудий. В период мезолита и раннего неолита для изготовления каменных орудий в Жаначилике преимущественно использовался один мате-

¹ Clark I. G. The mesolithic settlement of northern Europe. — A study of the food-gathering peoples of northern Europe. Cambridge, 1936, p. 89, fig. 29

² Там же, с. 142—143, рис. 54.

риал — бело-молочный мелкозернистый халцедон. Это весьма важный факт для выяснения вклада того или иного племени в формирование местной культуры. Итак, употребление трапеций, ножевидных пластинок с затупленным краем и мелких острий как наконечников стрел свидетельствует о том, что лук появился раньше, чем это считалось до сих пор. Подобные формы мелких орудий, которые, вероятно, служили в большинстве наконечниками стрел, известны из позднепалеолитической стоянки Аносовка II³.

Поверхностный осмотр следов мезолита и неолита на изучаемой территории показывает, что стоянки мезолита группируются в районах нижних террас, а стоянки неолита — в более низких местах, близ родников и других водоемов. Они заселялись автохтонными мезолитическими племенами, имевшими охотничьи навыки. Местная мезолитическая культура, резко отличается от подобных соседних культур Средней Азии.

Маятас — мезолитическая стоянка, расположена в 7 км к юго-востоку от с. Тимур, у населенного пункта Маятас, на террасовидном уступе высотой 20—25 м. Здесь обнаружены нуклеусы, ножевидные пластинки, резцы, острия, отщепы и чешуйки из светло-серого халцедона и темно-серого мелкозернистого кремня (рис. 1, 42—46). Среди ножевидных пластинок преобладают тонкие, длинные, правильные с ретушью на отдельных участках, имеется пять маленьких тонких отщепов с ретушью. Все они изготовлены из того же материала, что и коллекции из Жаначилика I—III. По-видимому, этот комплекс каменных изделий следует считать мезолитическим.

Находки мезолита в Отрарском оазисе и в зоне хр. Каратау наводят на мысль, что в те далекие времена, в эпоху каменного века, природные условия в этом районе были более благоприятными, чем в настоящее время. Здесь на различных уровнях над современной рекой встречаются разнообразные каменные изделия. Вероятно, стоянки возникали в том или ином месте речных долин в зависимости от климата и рельефа земной коры. К сожалению, хребет Каратау долгое время оставался вне поля зрения археологов. Стоянка, где был собран многочисленный материал, в результате естественного отодвигания берегов второй террасы р. Чаян оказалась на 1,5 км восточнее названной реки. Большое количество мелких отщепов, геометрических форм орудий и микролитов позволяет отнести индустрию стоянки Жаначилик I, II, III к нижним слоям Джебельской стоянки. В пользу правомочности такого сопоставления говорит наличие там и здесь микролитических и геометрических орудий, выемчатых ножевидных пластин, мелких скребочков на отщепах. Новыми для нашей коллекции являются тонкие ножевидные пластинки с затупленным краем, пластинки с притупленной спинкой, иногда с брышка. Видимо, перед нами зарождение новых форм мезолитической

³ Рогачев А. Н. Аносовка II — новая многослойная стоянка в Костенках. — КСИА, вып. 82, 1962, с. 89, рис. 41, 1, 4, 34, 37.

индустрии, отличающейся от позднепалеолитических геометрической формой орудий и меньшим размером нуклеусов для их заготовок.

В 1974 г. отрядом по изучению памятников каменного века, входившим в состав Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции, в Отрарском оазисе, в частности на городищах Отрар и Куйрык-Мардан, были собраны неправильные призматические и конические нуклеусы, два скребка с округлым рабочим краем, два скребка-резца, одна двугорбая трапеция с обработанным основанием и двумя боковыми краями и несколько пластин, которые имеют аналогии в коллекции из Таскотана, относящейся к раннему неолиту.

Тогда же была осмотрена *Чиликская стоянка*, расположенная в 43 км к северу от с. Шаульдер, на сопке, в ее центральной части и на склонах. В коллекции с этой стоянки имеется 89 каменных изделий среди них два скребка, изготовленные из коротких отщепов с округлой и прямой ретушью; 25 ножевидных пластин, из них 12 пластин без ретуши, 5 с краевой ретушью. Все ножевидные пластины сделаны из различных каменных пород, в частности из кремня, кварцита, халцедона. Кроме того, на стоянке обнаружены фрагменты керамики. Стоянка датируется поздним неолитом и ранней бронзой.

Осмотр большинства котловин, колодцев, родников (более 23) Арысского и Кзылкумского районов позволил нам выявить еще немало каменных изделий эпохи неолита и ранней бронзы.

Так, в 2 км к северо-западу от совхоза Дармене, на правом берегу р. Арысь, с поверхности пахотного поля севернее дороги Тимур-Акдала были подняты ножевидные пластины и мелкие отщепы из светло-серого непрозрачного кремнистого порфирита. Большинство из них покрыто желвачной коркой, одна ножевидная пластина имела ретушь с брюшка. Высокая техника изготовления пластин и характер ретуши, а также другие признаки позволяют датировать *Дармене I* неолитом.

Дармене II расположен в 600—800 м к северо-западу от указанного неолитического пункта, на сопке высотой 10—12 м от уреза р. Арысь. Здесь нами собраны неолитические и палеолитические пластинчатые отщепы из молочно-серого халцедона и светло-серого кремнистого порфирита. На этой стоянке, вероятно, произошло смещение различного по времени каменного инвентаря. В результате явно палеолитические изделия оказались рядом с неолитическими. Однако большинство находок датируется неолитом. Дальнейшие исследования этого пункта покажут, насколько данный район перспективен в плане выявления индустрии палеолита.

Дармене III расположен в 5 км к северо-западу от совхоза Дармене, на правом берегу р. Арысь. Материал, найденный на поверхности пахотного поля близ дороги Акдала-Тимур, представлен ножевидными пластинами и их обломками из светло-серого полупрозрачного кремнистого порфирита. Среди них одна пластина была покрыта ретушью с брюшка. Высокая техника изготовления пластин, их форма и характер ретуши позволяют датировать *Дармене III* неолитом.

Дармене IV находится в 2,5—3 км к северо-востоку от с. Дармене, в 300—500 м от грунтовой дороги, на холме высотой 10—15 м над уровнем воды в Арыси. В этом месте были подняты неолитические и палеолитические отщепы из молочно-серого халцедона. Вероятно, здесь также произошло смещение различного по времени инвентаря, в результате чего палеолитические остатки оказались рядом с неолитическими.

В коллекции имеется несколько резцов, один из них сделан из крупного отщепа, рабочий конец его образован тремя (вертикально) небольшими сколами: одним, возможно, случайным, вторым и третьим преднамеренными. Другой край подправлен двумя сколами, а противоположный конец орудия слегка оформлен ретушью (рис. 1, 34). У остальных четырех резцов было по одному сколу, у одного лезвие образовано двумя сколами и ретушью (рис. 1, 15).

Арысь I — эта неолитическая стоянка отличается от других неолитических памятников удобным расположением при устьевой части террасовидного мыса, открывающейся в долину Арыси. Она расположена в 8 км к северу от г. Арысь. В результате зачистки и сборов собрано более 89 каменных изделий. Все они изготовлены из светло-серого кремнистого порфирита и такого же цвета кремния, как и каменные изделия из Таскотана, находящегося в 60 км к югу от этого пункта. Большинство находок составляют средние и мелкие ножевидные пластины (39 экз.) и их обломки (21 экз.), миниатюрные нуклеусы призматические, конусовидные, эллиптические, округлые с площадочным сколом, с пятой (рис. 1, 35, 36) и шесть скребков. Три из них — из ножевидных пластин, остальные — из коротких отщепов. Все они округлые, подчетырехугольные и обработаны приностроящей ретушью, частично на краях сохранились выщербки.

Таскотан — первое неолитическое поселение особого типа, открыто нами в 1974 г. Оно расположено в 47 км к юго-востоку от совхоза Кожатогай Кзылкумского района Чимкентской области. Этот район был любимым местом скотоводов, он приурочен к Таскотанскому роднику, который находится на южном склоне террасовидной возвышенности с выходом коренной породы ракушечника, песчаника и маломощного желтовато-серого суглинка. Основной подъемный материал собран на склонах возвышенности, к востоку от родника. Сырьем для изготовления орудий и их заготовок служил полупрозрачный светло-серый и темно-серый кремнь, кремнистый порфирит и роговик. Значительно реже употреблялся темно-серый яшмовидный полупрозрачный кремнь. Сырьевой материал древние обитатели Таскотана добывали в районе с выходами палеогеновых пород, находящихся в 12 км вблизи высоты Айгыржигылган.

В результате шурфовки и зачисток неглубоких оврагов удалось собрать более 1766 каменных изделий, среди них многочисленные нуклеусы, скребки, скребла, ножевидные пластинки, резцы, наконечники стрел, проколки, острия и другие изделия. Все они одинаковой сохранности, имеют серовато-желтую патину. Большинство каменного инвен-

гара составляют короткие отщепы и чешуйки (12 079 экз.), немало ножевидных пластин.

Пластины (361 экз.) свидетельствуют о высокой технике обработки местного камня. Довольно много крупных отщепов с помощью дополнительной подправки превращено в орудия, а из мелких отщепов и ножевидных пластин изготовлены скребущие орудия (рис. 2, 22—25). В коллекции отмечено четыре нуклеуса. Один с частично сохранившейся беловато-серой естественной коркой имеет слегка уплощенную сбоку цилиндрическую форму, верхняя площадка его подправлена десятками параллельных мелких сколов; на противоположной стороне остались следы поперечных сколов, которые смотрятся как миниатюрные линии ножевидных пластин (рис. 2, 1—4). У второго нуклеуса обе стороны покрыты узкими параллельными фасетками сколов. Фасетки симметричные. Вдоль основания края нуклеуса имеются многочисленные мелкие выщербины, образовавшиеся, вероятно, в процессе работы (рис. 2, 3). Третий нуклеус призматической формы, на одной стороне видны узкие параллельные продольные сколы, на другой — желобки продольных сколов. На отдельных участках сохранилась желвачная корка (рис. 2, 4).

Ножевидных пластин и их обломков выявлено много (61 экз.), из них 12 с ретушью. Ножевидные пластины различной величины и с тремя сечениями. На их тыльной стороне проходит высокая грань, что указывает на снятие скола с ребра нуклеуса. Со стороны площадки фасетки частично удалены предшествующим сколом. Некоторые пластины (3 экз.) имеют ретушь со стороны брюшка и спинки (рис. 2, 2). Мелкие фасетки приотстраивающей ретуши располагаются по длине левого края и частично по правому, иногда такая ретушь сделана только по правому краю с обеих плоскостей (рис. 2, 15). Большинство микропластинок изготовлено из темно-серого кремня и имеет правильные ограничения (рис. 2, 21).

Следующую группу в коллекции составляют скребки. Они представлены двумя типами. К первому типу относятся скребки (7 экз.), сделанные из коротких отщепов. Это орудие изготовлено из пластинчатого отщепа трехгранного сечения, рабочий край у него выпуклый, сформирован мелкой крутой ретушью и слегка скошен в одну сторону. Вторичная подправка немного заходит на один продольный край, нижний конец отщепа сохраняет желвачную белую корку, на брюшке имеется хорошо выраженный ударный бугорок. Другой скребок из такого же отщепа, со следами ударного бугорка и двумя ребрами на спинке, имеет рабочий край, образованный длинными фасетками с помощью слегка выпукло-скошенной обработки; нижний конец отщепа слегка затуплен ретушью (рис. 2, 5—12).

Ко второму типу принадлежат скребки, изготовленные из ножевидных пластин и их обломков (6 экз.). Самый длинный скребок сделан из узкой удлинённой пластинки, рабочий конец его образован в результате дополнительной обработки мелкой ретушью и слегка скошен. Другой

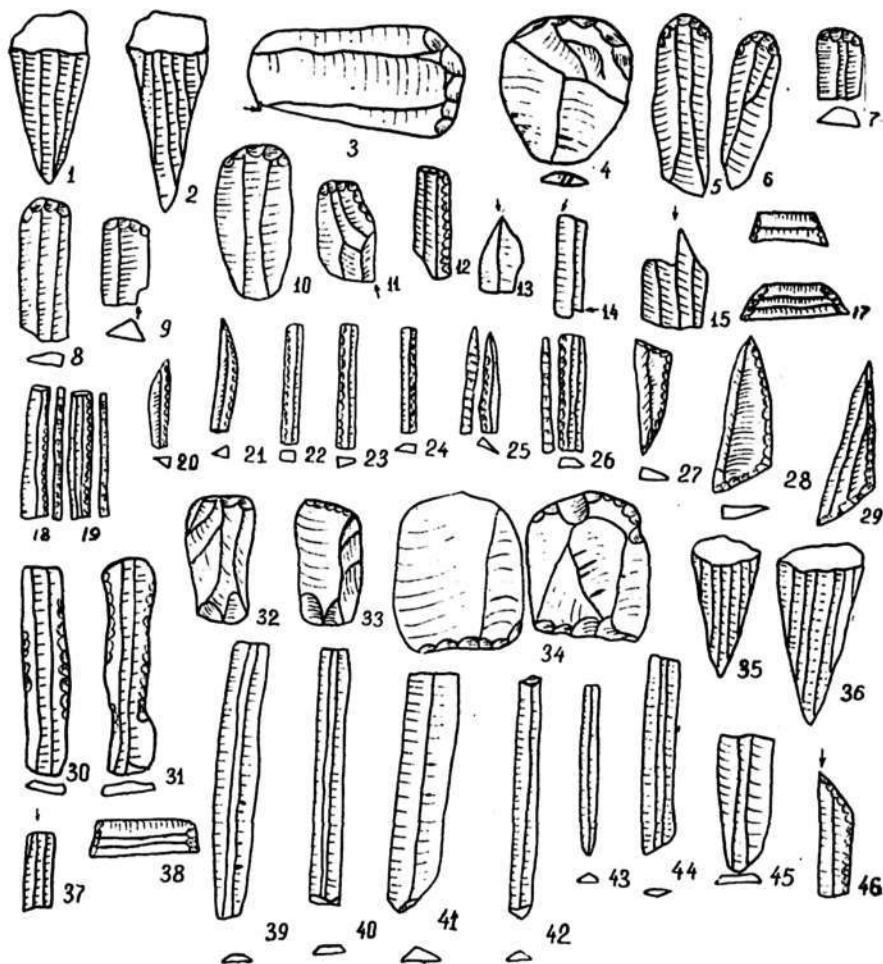

Рис. 2. Каменные изделия из Таскотана и Маятаса.

скребок выполнен из обломка ножевидной пластинки. Нижний конец пластинки обломан, а верхний рабочий край превращен полого-тонкой ретушью в скошенное рабочее лезвие, объединенные края имеют следы выщербинок (рис. 2, 2, 9, 13, 14). Третий такого типа скребок изготовлен из пластины, у которой дугообразно выпуклый рабочий конец образован узкими пологими мелкими фасетками (рис. 2, 17—21).

Наконечников и их фрагментов в коллекции Таскотана всего два. Это единственные промысловые орудия, которые являются важным культурным остатком и датирующим материалом.

Наконечник стрел с боковой выемкой — очень необычная находка из всех обнаруженных когда-либо каратауских неолитических находок. Он изготовлен из узкой, удлинённой желтоватой крупнозернистой кремнистой пластинки, треугольной в поперечном сечении. Один продольный край его обработан частично, второй весь, причём $\frac{2}{3}$ части обработаны притупляющей ретушью, черенок наконечника суженный (рис. 2, 15). Верхняя $\frac{1}{3}$ часть наконечника превращена в плоское треугольное острие, отделённое уступом от черенка, и обработана с брюшка плоской подтеской. Такие типы наконечников известны ещё с эпохи позднего палеолита (Авдеевка, РСФСР), но нигде они не образуют серии⁴; близкие аналоги дают Джебел (IV слой)⁵ и Джанбаскала IV.

Второе орудие сделано из необычайно длинной узкой пластины серовато-бурого кремня. Верхний конец его обломан, а противоположный оформлен приостряющей ретушью с верхней плоскости со стороны спинки. Перед нами обломки прочного, удлинённого острия. Вероятно, данное орудие служило наконечником стрелы архаического облика — длинного листовидного, ретушь идет вдоль одного края и на самом кончике острия (рис. 2, 16).

К ним следует причислить единственный экземпляр острия-скребка, сделанного из крупной ножевидной пластинки трехгранного сечения, у которой рабочее лезвие оформлено крутой ретушью с брюшка, заходящей на края то со спинки, то с брюшка и затем на конец острия — со стороны спинки. Данное острие можно отнести к выемчатым орудиям. В результате ретуши со стороны спинки в нижней части образовалась выемка, которая могла быть и рабочим элементом. Вероятно, это орудие выполняло и другие функции.

Для данного памятника характерны нуклеусы, ножевидные пластины средних размеров, скребки удлинённых пропорций с выпуклым и скошенным рабочим краем, наконечники стрел-острия, миниатюрные пластины и другие, которые находят себе аналоги среди подобных орудий стоянок пещер Джебел и Караунгур. На всех трех стоянках присутствуют характерные наконечники стрел архаического типа, которые позволяют нам датировать коллекцию из Таскотана неолитом. Но, может быть, это более ранний памятник, на котором происходило смешение местных и пришлых племен; не исключено и то, что местные племена позже принесли с собой наконечники стрел с юга и распространили их далее на север, в Хорезм. Но, по всей вероятности, генезис Таскотана уходит в местные автохтонные слои.

Если в коллекциях Жаначилика I, II, III и Маятаса мы наблюдали сосуществование в каменной индустрии изделий позднего палеолита и неолита, то в материале из Таскотана преобладают неолитические

⁴ Гвоздовер М. Д. Специфические черты кремневого инвентаря Авдеевской стоянки. — КСИИ, вып. 82, 1962, с. 115, рис. 62, 2.

⁵ Окладников А. М. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. — «Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции». Т. VII. Ашхабад, 1956, с. 96, рис. 56, 3.

орудия с прогрессивными элементами развития микролитической индустрии, что привело к выработке неолитических форм, а также топоров и сланцевых ножей типа орудий пещеры Караунгур.

Если генезис Турланской и Коктаской стоянок следует искать в мустерских памятниках Валиханова, то Жанашиликская мезолитическая культура образовалась из культуры местной стоянки Турланской. Вполне возможно еще открытие памятников позднего палеолита, на которых длительное время сосуществовали поздние палеолитические и неолитические формы и происходило постепенное вызревание новых мезолитических орудий.

Отсутствие керамики, наличие наконечников стрел и увеличение количества ножевидных пластинок позволяют датировать Таскотан неолитом. Такие факты известны в археологии СССР, например в Сибири, где многие неолитические стоянки не имели глиняной посуды. Возможно, такими же стоянками являются Арысь I, II, Бескотан, Байтогай, Таскотан и Дармене III, жители которых, по всей вероятности, пользовались посудой, изготовленной из шкур животных. В то же время соседние племена из пещеры Караунгур (I, II, III слои) имели керамику.

Оба соседние коллектива, судя по археологическим материалам, существовали самостоятельно, производили каменные и костяные орудия (для разделки туш, обработки шкур), делали охотничьи орудия (наконечники стрел, острия, трапеции). Не исключено, что в зоне контактов происходило смешивание обоих племен; по всей видимости, они проникали в ущелья Каратау и селились вдоль родников, ручьев, рек южных и северных склонов хребта.

Дальнейшие поиски и археологические исследования расширяют наши знания об известных и вновь открытых местонахождениях и стоянках, относящихся к древнейшим этапам истории Казахстана.

М. К. КАДЫРБАЕВ, Ж. КУРМАНКУЛОВ

МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК МОГИЛЬНИКА БЕСОБА

Вторым объектом работ Актюбинской экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН КазССР и областного краеведческого музея в 1973—1974 гг. был могильник Бесоба¹.

¹ Данные о первом объекте раскопок—могильнике Сынтас—опубликованы авторами в книге «Прошлое Казахстана по археологическим источникам». (Алма-Ата, 1976, с. 137—156). В датировку захоронений воинов из курганов 1 и 2 могильника Сынтас необходимо внести две поправки: верхний рубеж изученных памятников следует ограничить первой половиной V в. до н. э., а боковое (северное) погребение из кургана 2 считать одновременным с остальными захоронениями.

Он находится на левом берегу р. Илек, в 3,5 км юго-западнее центральной усадьбы совхоза «Хлебодаровский» Актюбинского района.

Курганы могильника расположены довольно плотной цепочкой с востока на запад (рис. 1). Исключение составляет курган 12, находящийся в 800 м к востоку от последнего в цепочке кургана 11.

Насыпи диаметром 16—48 м, высотой 0,3—3 м состоят из светло-серой супеси. Вдоль цепочки курганов проходит полевая дорога и лесополоса. Раскопано семь курганов (№ 1, 2, 3, 6, 7, 10, 12). Приведем описание шести из них².

Курган 1. Насыпь овальной формы, диаметром с востока на запад 22 м, с севера на юг 28 м, высотой 0,95 м. Верхний слой нарушен распахом. В центральной части кургана на уровне древней поверхности выявлены остатки древесины от надмогильного сооружения, а в западной половине — кости лошади и обломок каменного жертвенника. Большая часть предметов найдена в восточной половине под курганной погребальной площадкой. По-видимому, основное погребение давно ограблено. В нем обнаружены две круглые массивные железные пряжки со штырями, бронзовое колесико-амулет, два железных акинака.

Среди находок имеются частично обработанный точильный камень, обломок бронзового зеркала, клык хищного зверя (рис. 2, 2, 8) и 51 наконечник стрел в колчане. От колчана сохранились остатки кожи и древесины. Один наконечник костяной в сечении, ромбовидный, остальные — бронзовые (рис. 3).

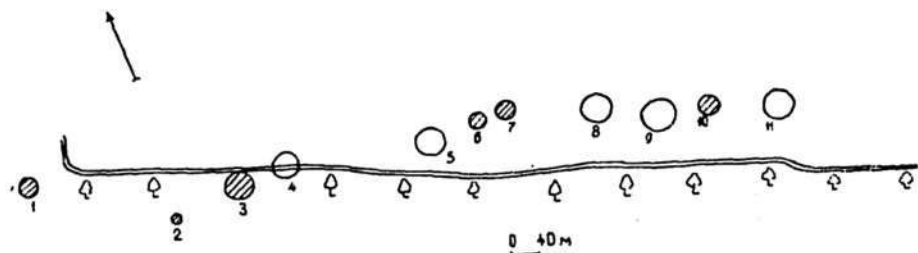

Рис. 1. План могильника Бесоба.

В той же половине погребальной площадки найдены три целых глиняных сосуда и обломки еще одного (рис. 2, 9, 12). Первый сосуд грушевидной формы с плоским дном. Петлеvidная ручка его разрушена. Внутри сосуда остались следы копти. Второй сосуд баночной формы с плоским дном. В верхней его части процарапан орнамент в виде вертикальной елочки и косых линий (рис. 2, 10). Третий сосуд имел форму банки с сильно отогнутым венчиком, широким туловом и плоским дном. Наконец, четвертый горшок близок по форме к первому, но в отличие

² Материалы кургана 3 в печати.

от него без ручки. В западной половине погребальной площадки помещены кости человека и лошади.

Курган 2. Диаметр с востока на запад 14 м, с севера на юг 12 м, высота 0,4 м. Погребение расположено в центре кургана на уровне древнего горизонта. Кости человека и животных разбросаны.

В западной половине площадки среди разрозненных костей погребенного находились: бронзовый наконечник стрелы, бронзовый браслет с утолщенными концами, бронзовое зеркало с двумя отверстиями на одном крае для прикрепления ручки, обломки крупного глиняного сосуда и миниатюрный горшочек высотой 4,5 см с отогнутым венчиком, раздутым туловом и плоским дном (рис. 4, 11).

В восточном секторе погребальной площадки вместе с разрозненными костями человека найдены крупный глиняный сосуд высотой 33 см, украшенный по шейке линией ногтевидных вдавлений, а по тулову — углублениями, бессистемно расположенными и сделанными круглым концом какого-то инструмента, 14 бронзовых наконечников стрел и несколько фрагментов еще одного глиняного сосуда (рис. 4, 4, 10).

Южнее этих вещей вместе с трубчатыми костями человека лежали две бронзовые бляхи, украшенные грифоньими головами, бронзовое зеркало со слегка отогнутой закраиной и фигурная обойма от уздечного набора с перпендикулярным щитком в виде головы грифона. В юго-западной части площадки обнаружено сооружение из восьми плашмя положенных неотесанных каменных плит, ориентированное длинной стороной с юга на север. Длина его 180 см, ширина 60—80 см. Под южной каменной плитой найдены метаподии лошади.

Курган 6. Находится в центральной части цепочки на вспаханном и засеянном поле. Диаметр с востока на запад 21 м, с юга на север 20 м, высота 0,5 м. Под насыпью в центре кургана обозначились контуры могильной ямы овальной формы, ориентированной длинной осью с востока на запад. Длина 3,9 м, ширина 2,8 м. На той же глубине выявлены остатки деревянного перекрытия могильной ямы, преимущественно в ее юго-западном конце. Глубина могилы 1 м. На дне западной половины лежали кости лошади, а в северо-восточном углу в беспорядке — кости барана и человека. В последней куче костей оказался обломок костяного изделия (рукоять ложки?) с рельефным изображением какого-то зверя (рис. 4, 7). На фрагменте видны ухо, грива и передняя лапа с мощными когтями.

Здесь же найдены фрагменты железного предмета (нож?). В юго-восточном углу ямы зафиксированы обломки черепа человека и плечевая кость, а также несколько фрагментов донной части глиняного сосуда и обломок костяной ложки (рис. 4, 8). Северная половина могильной ямы заполнена золой.

Курган 7. Расположен в 20 м восточнее предыдущего. Диаметр около 25 м, высота 0,7 м. Содержал две погребальных камеры (рис. 5, 1).

Погребение 1. На глубине 60 см, почти в центре, вскрыты остатки древесины от прямоугольного надмогильного сооружения, ориентиро-

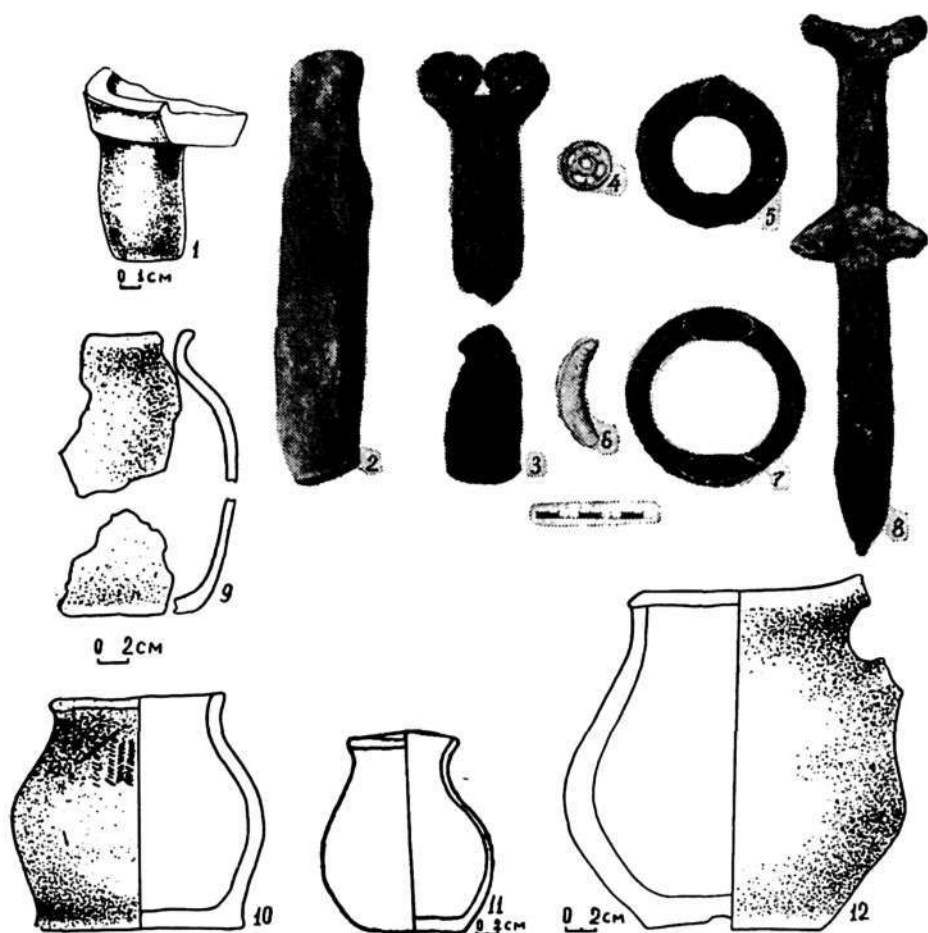

Рис. 2. Бесоба. Вещи из кургана 1: 1 — обломок каменного жертвенника; 2 — точильный камень; 3 — рукоять и лезвие железного меча; 4 — бронзовое колесико-амулет; 5, 7 — железные пряжки; 6 — клык хищника; 8 — железный акинак; 9—12 — керамические сосуды.

ванного длинной осью с востока на запад. Длина деревянной конструкции 3,6 м, ширина 2 м. Толщина древесины местами достигала 10—15 см. Ниже перекрытия, на глубине 80 см, определились контуры могильной ямы той же формы и ориентировки размером 2,5×1,3 м. Древесные остатки встречены и в заполнении могилы на разной глубине. Могильная яма ко дну постепенно сужалась и на глубине 1,5 м от верхнего среза была в западном конце шириной 1 м, а в восточном — 0,7 м. Погребение

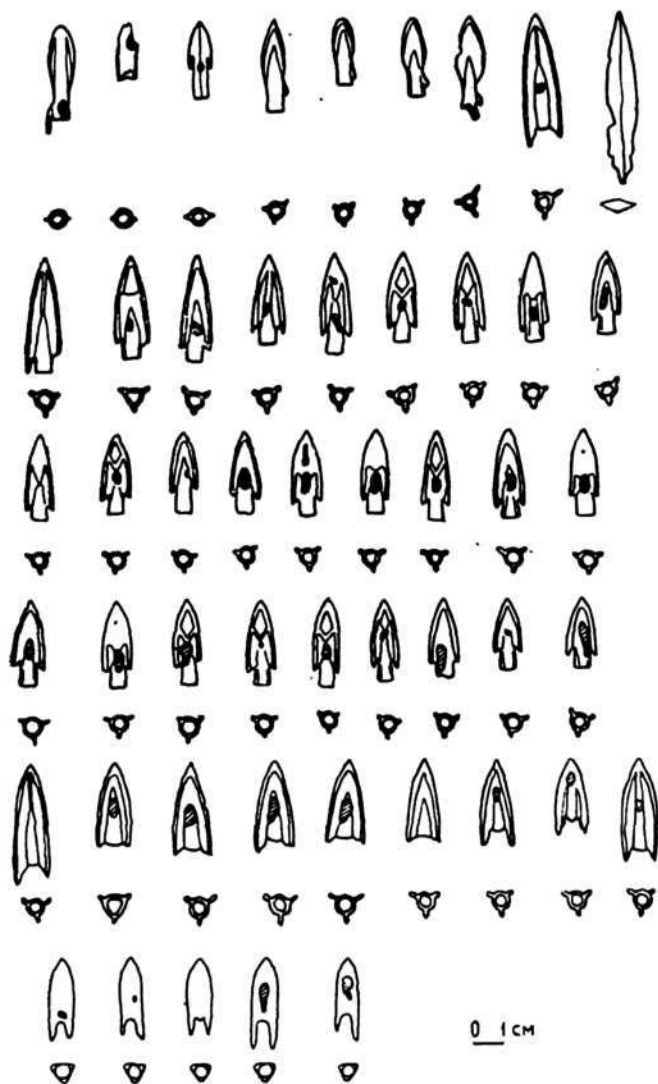
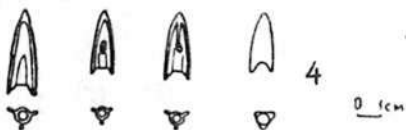
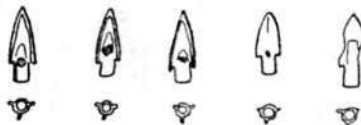
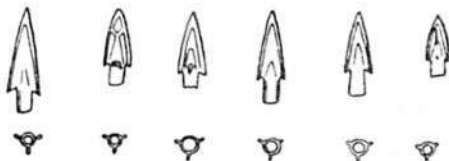
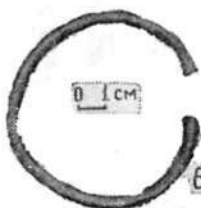

Рис. 3. Бесоба. Курган 1. Наконечники стрел. Правый в верхнем ряду — кость, остальные — бронза.

детское. Скелет ребенка лет 10—12 находился в восточной половине ямы. Он лежал вытянуто на спине, головой на восток. У правого бока найдены фрагменты железного ножа. С левой стороны скелета лежали ребра, позвонки и лопатки барана. Под левой тазовой костью скелета

0 1 cm

0 1 cm

0 1 cm

0 1 cm

12

0 1 cm

сохранились кости пальцев руки с остатками кожи и грубой шерстяной ткани. На один из пальцев была надета тонкая бронзовая пластинка, свернутая в кольцо. В северо-западном углу выявлена куча бараньих костей.

Погребение 2. Расположено в 2,4 м к югу от погребения 1. Могильная яма прямоугольной формы (2,6×1,5 м) с скругленными углами, ориентирована длинной осью с востока на запад. В заполнении могилы, особенно в юго-западном и северо-западном углах, оказался мощный слой древесного угля от сгоревшего перекрытия. Остатки сожжения прослеживаются на глубину 1 м. В яме, глубина которой 1,7 м, обнаружено парное погребение мужчины и женщины на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Северный скелет принадлежал женщине, южный — мужчине (рис. 5, 2).

В юго-западном углу могильной ямы лежали крупные кости лошади и рядом с ними стоял плоскодонный глиняный горшок с сильно отогнутым венчиком. Вдоль западной стенки ямы, севернее кучи конских костей зафиксированы два бронзовых зеркала, светлый окатанный камень, фрагменты миниатюрного глиняного сосуда и керамическое пряслице биконической формы. Первое зеркало, расположенное ближе к костям лошади, круглое, с чуть отогнутым краем. Диаметр его 14 см. Второе — с короткой ручкой, немного меньше. Поверхность зеркала покрыта полудой золотистого цвета. В центральной части его имеется пуансонный орнамент в виде круга, в который вписан многоугольник, обрамляющий четыре фигуры в виде лепестка (рис. 6, 3, 6, 8, 9).

В северо-западной части могильной ямы отмечены ребро барана и плоское керамическое пряслице, а в северо-восточном углу — часть туши барана. Кости барана были перемешаны с метаподиями ног женского скелета. Там же у правой ноги женщины стоял второй глиняный сосуд баночной формы. На венчике сделан короткий носик-слив. Поверхность сосуда украшена круглыми вдавлениями. Под черепом и шейными позвонками женского скелета найдены 11 бусин из стекловидной массы. Две крупные бусины имеют три сосцевидных отростка. Часть бус украшена глазчатым орнаментом. Под скелетом вдоль позвонков оказалось 7 фигурных золотых привесок (рис. 6, 1, 2) с отверстиями для прикрепления на коротких концах.

Курган 10. Находится в 20 м к востоку от кургана 9. Диаметр 17 м, сохранившаяся после распахки высота 0,4 м. В центральной части, под насыпью, на площади 56 м² прослежен мощный слой древесного угля, местами толщиной до 30 см. Середина этой площади, имеющей вид овала длиной 1,5 м и шириной 1 м, свободна от древесного угля. Под слоем сгоревшего деревянного перекрытия выявлены сильно пережженные

Рис. 4. Бесоба. Материалы из курганов 2 (1—6, 9—11) и 6 (7, 5): 1, 2 — бронзовые фигурные пряжки; 3 — бронзовая фигурная обоймочка; 4 — бронзовые наконечники стрел; 5, 9 — бронзовые зеркала; 6 — бронзовый браслет; 7 — фрагмент изделия из кости (ручка ложки); 8 — фрагмент костяной ложки; 10—11 — керамика.

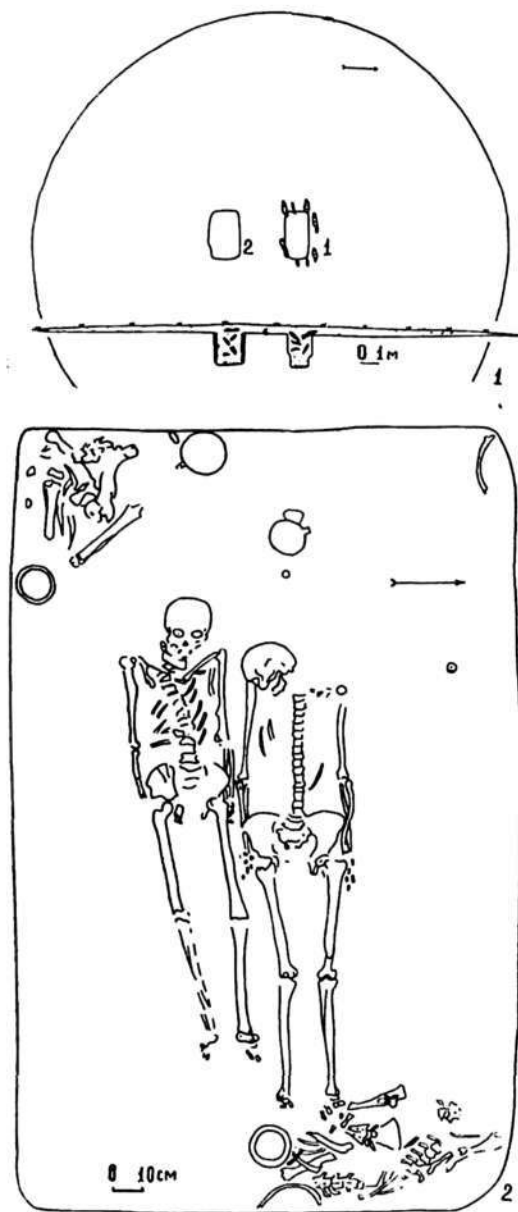

Рис. 5. Бесоба. Курган 7: 1 — план и разрез; 2 — план погребения 2.

кости крупных животных (лошади?) и фрагменты кубкообразного глиняного сосуда с высоким поддоном. Внешняя поверхность сосуда украшена прочерченным орнаментом и крупными вдавлениями (рис. 7, 8). Здесь найдены фрагменты железных предметов, напоминающие эсвидный псаллий и рукоять акинака с овальным брусковидным навершием и плохо сохранившимся бабочковидным перекрестием. После расчистки площади обнаружены места вертикально вкопанных опор перекрытия, состоявших из восьми бревен. Диаметр ямок от опорных столбов от 35 до 55 см. Бревна вкопаны попарно на расстоянии 40—70 см друг от друга и образуют углы деревянного сооружения. Судя по расположению бревен и слою древесного угля, эта конструкция имела форму сруба, впущенного в неглубокую грунтовую яму. Поскольку признаков погребения не отмечено, то, вероятно, это сооружение имело ритуальное назначение.

Курган 12. Находится среди распаханного поля, в 800 м к востоку от кургана 11. Его диаметр 15 м, высота 0,5 м. Под насыпью вскрыты захоронения, совершенные на материке. Северная половина кургана пуста, в южной, ближе к центру, обнаружено пять погребений. Южную площадь можно разделить на две половины. Северная (размер с севера на юг — 2,4 м, с востока на запад — 3 м) занята захоронениями людей. От север-

ного погребения, расположенного ближе к центру кургана, сохранился только череп. В 30 см к югу от него встречены обломки глиняного сосуда. Южнее и юго-восточнее этих фрагментов в беспорядке находились кости человеческих скелетов и нижние челюсти и позвонки лисы (корсака?). Несмотря на значительное смещение костей, ориентировку трех погребенных можно предположить. Два из них лежали вытянуто на спине, головой на ЮЮЗ, третий с пробитым острым предметом черепом захоронен в той же позе, но головой к востоку с небольшим отклонением к югу. Загадочным остается обнаружение здесь двух черепов (погреб. 1 и 5) без скелета и захоронение останков убитого (погреб. 2). Череп четвертого погребенного лежал на уровне тазовых костей скелета. С правой и левой сторон найдены два проволочных бронзовых браслета. В 1,1 м к западу от них выявлены фрагменты глиняных сосудов. На одном из обломков имеется небольшая петлевидная ручка.

Южная половина погребальной площади (размер с севера на юг — 2,5 м, с востока на запад — 3,6 м) занята костями животных и инвентарем, сопровождавшим захороненных. На северной границе площадки стояли два глиняных сосуда одинаковой горшковидной формы с короткими носиками-сливами на стыке шейки и тулова. Они отличаются друг от друга только размером. Южнее среди костей лошади и барана обнаружен обломок верхнего края от бронзовой посуды типа котла с едва заметными вдавлениями продолговатой формы по краю. Здесь же найдено керамическое пряслице в форме усеченного конуса. В 90 см к югу от него лежала ножка каменного жертвенника в виде скульптурной головы животного. В юго-западной части кургана зафиксированы пятый череп человека и круглое бронзовое зеркало с длинной плоской рукоятью.

* * *

Изученные курганы могильника Бесоба, судя по существующей классификации древностей савроматского времени в Южном Приуралье, образуют хронологически близкую друг другу группу памятников.

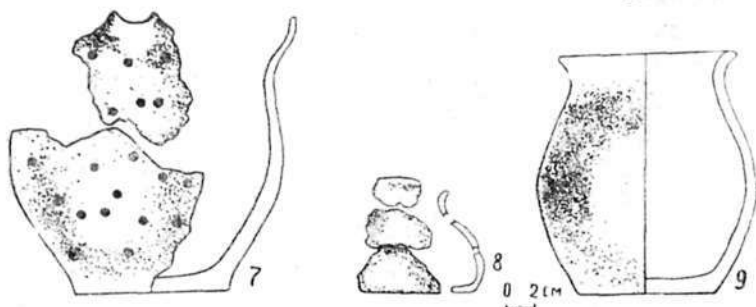
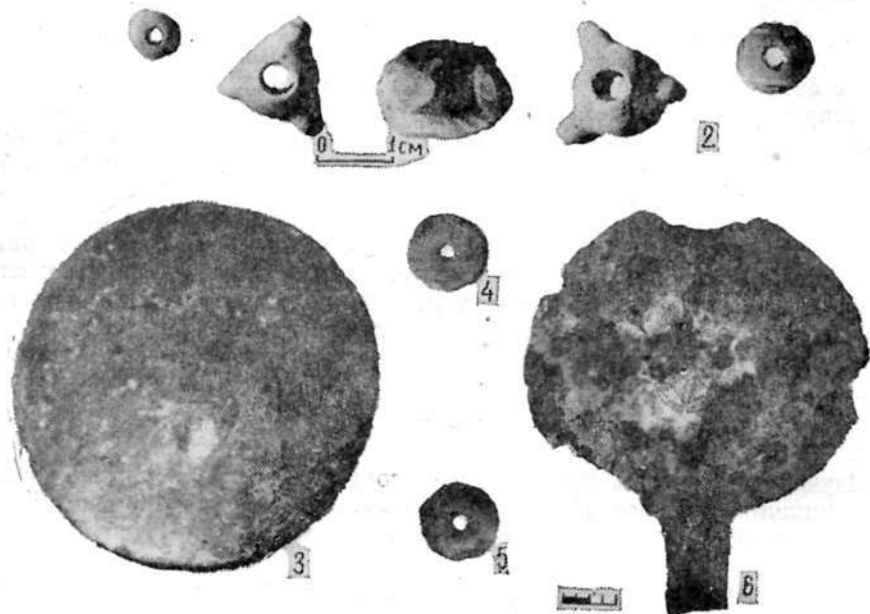
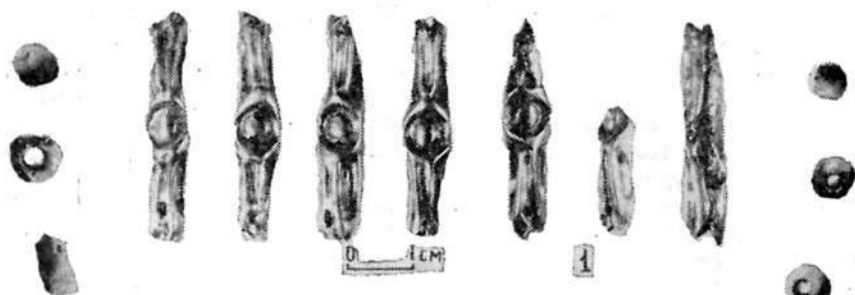
Особенно много общего в обряде захоронения и вещевом материале между курганами 1 и 2.

Основным датирующим материалом являются богатые наборы наконечников стрел.

Среди бронзовых стрел первого кургана имеются архаичные экземпляры: три двуперых наконечника и четыре трехперых с выступающими втулками и шипом, а также один костяной наконечник ромбовидной в сечении формы (рис. 3, 1, 7, 9).

В колчане из второго кургана интересен трехперый наконечник с выступающей втулкой и шипом. Эти наиболее ранние стрелы характерны для VII—VI вв. до н. э.

Но, как известно, комплексы вооружения датируются не по ранним, к тому же малочисленным образцам, а по наиболее массовому и ведущему типу коллекции.

Основную же часть стрел из двух курганов Бесобы составляют трехперые наконечники с короткой и утопленной втулкой. Такие стандартные формы очень похожи на стрелы Новокумакского могильника (курганы 2, 5—7) и погребений у сел Липовка и Аландское, которые исследователи относят ко второй половине VI или к началу V в. до н. э.³

Кроме наконечников стрел в могильнике Бесоба из предметов вооружения найдены три железных акинака: два из них — в кургане 1 (рис. 2, 3, 8), один — в кургане 10.

Массивная рукоять акинака из кургана 1, навершие которой в виде двух грифонных голов, точных аналогий среди савроматских памятников не имеет. Акинак с таким же навершием и продольным желобком на рукояти обнаружен в могильнике Сынтас 14.

Весьма оригинален и второй акинак из бесобинского кургана с серповидным навершием и бабочковидным эфесом. В известных классификационных работах К. Ф. Смирнова и М. Г. Мошковой ему нет подобных. Кинжалы с серповидными навершиями бытуют в V—III вв. до н. э. Особенно много их в памятниках прохоровской культуры. Однако у всех таких акинаков перекрестия в виде планок⁵.

Учитывая архаичность второго признака — бабочковидный эфес, а также остальной материал кургана 1, этот акинак следует датировать временем не позднее начала V в. до н. э.

Из конского снаряжения в курганах 1 и 2 найдены четыре трочные пряжки. Две из них с барельефным изображением двух сопоставленных грифонных голов (рис. 4, 1, 2), две другие — железные, круглой формы (рис. 2, 5, 7). Кроме того, из кургана 2 извлечена фигурная проныза от уздечного набора с орнаментом в стиле солярно-вихревой розетки. Отходящий от обоймочки щиток оформлен в виде головы хищной птицы (рис. 4, 3).

Бронзовые и железные пряжки от конского снаряжения были широко распространены у племен Южного Приуралья в VI—V вв. до н. э., а некоторые вещи из Бесобы, например бляхи с грифонным сюжетом, являются копией некоторых изделий из Новокумакского могильника⁶.

³ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. М., 1961, табл. II, типы VI, А — Г; табл. V, типы XIV, XVIII, Б, В; Мошкова М. Г. Новокумакский курганный могильник. — МИА, № 115, 1962, с. 232, 234, 235, рис. 4, 6, 8; *ее же*. Савроматские памятники Северо-Восточного Оренбуржья. — МИА, № 153, 1972, с. 60, рис. 4; Смирнов К. Ф., Попов С. А. Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области. Там же, с. 8—9, рис. 4 и с. 11, 12, рис. 5а.

⁴ Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К. Захоронение воинов савроматского времени на левобережье р. Илек. — В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с. 142, рис. 4, 2.

⁵ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. Свод археологических источников. Д 1—10. М., 1963, табл. 18.

⁶ Мошкова М. Г. Новокумакский курганный могильник, рис. 14, 8.

К ритуальным вещам кургана 1 относится обломок каменного жертвенника с прямым бортиком и сравнительно высокой круглой в сечении ножкой (рис. 2, 1). Это изделие из камня ближе всего к I типу первой группы жертвенников, относимых К. Ф. Смирновым к VI—V вв. до н. э.⁷

Две другие находки — клык хищника (кабана) и бронзовое колесико, видимо, входили в состав портупеи воина или были амулетами. Такие предметы известны в орско-илекских памятниках того же времени.

Основными предметами туалета савроматских женщин являлись бронзовые зеркала, туалетные сосудики, ложечки и др. В кургане 1 найден фрагмент круглого бронзового зеркала с утолщенным краем диска, а в кургане 2 — два. Оба зеркала круглой формы и почти одинакового размера. Одно из них когда-то имело ручку, крепившуюся к диску при помощи двух отверстий (рис. 4, 9).

Ближайшая аналогия ему встречена в кургане 7 могильника Сарарубежа VI—V вв. до н. э.⁸

Несколько шире хронологические рамки бытования зеркал, подобных второму экземпляру с чуть согнутым невысоким бортиком. Но корреляция с остальными вещами кургана позволяет датировать его тем же временем.

В маленьком сосудике (высота около 5 см) из кургана 2, найденном вместе с зеркалами, по-видимому, хранилась какая-то туалетная мазь.

Керамика двух первых курганов Бесобы представлена плоскодонными сосудами грушевидных и баночных форм, характерными для приуральской посуды VI—V вв. до н. э.

В целом курганы 1 и 2 Бесобы следует датировать второй половиной VI — началом V в. до н. э.

К этому же периоду мы можем отнести и курган 10. В нем найдены три вещи. Рукоять железного акинaka с прямым брусковидным навершием и бабочковидным эфесом, а также эсвидный псалий с двумя отверстиями были широко распространены в конце VI — начале V в. до н. э.⁹

Несколько необычен для приуральской посуды глиняный сосуд из кургана 10, представляющий собой кубок на высоком поддоне (рис. 7, 8). Такой сосуд найден второй раз. Первый обнаружен нами в могильнике Сынтас в кургане 2¹⁰.

Среди савроматской керамики им подобных нет. Скорее всего, истоки этого типа посуды уходят в эпоху поздней бронзы, к дандыбай-бегазинским кубкам Казахстана, а затем к кубкообразным сосудам оседло-земледельческих культур Средней Азии¹¹.

⁷ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 162.

⁸ Там же, с. 329, рис. 35Б, 7.

⁹ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 11, 84.

¹⁰ Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К. Захоронение воинов..., с. 151, рис. 11, 2.

¹¹ Кузьмина Е. Е. Кубкообразные сосуды Казахстана эпохи поздней бронзы. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 18.

В кургане 6 вследствие ограбления датирующий материал отсутствует. Однако конструкция могильной ямы и ориентировка, а также резное костяное изделие с частью фигуры хищника более всего соответствуют погребениям савроматского времени конца VI — первой половины V в. до н. э.

В детском погребении кургана 7 отмечен лишь плоский железный нож без выделенной ручки, сходный с ножом из кургана 3. Парное захоронение в данном кургане, набор бусин аналогичны тем же элементам в кургане 3. Здесь только больше бусин соломенно-желтого цвета. Золотые фигурные украшения кос погребенной прямых параллелей в приуральском материале не имеют, но нечто подобное известно из могильника урочища Биш-оба под Орском¹². Остальной материал (рис. 6): зеркала с закраиной или ручкой, глиняные пряслица биконической формы, железный нож датируется концом VI — началом V в. до н. э.

К тому же времени следует отнести и вещи из кургана 12: зеркало с длинной ручкой, подобное находкам у с. Аландское, фрагмент каменного жертвенника с ножкой в виде головы животного, бронзовые браслеты, глиняные сосуды с петлевидной ручкой и коротким носиком-сливом¹³.

Могильник Бесоба был родовым кладбищем скотоводческих племен верхний р. Илек и функционировал, по-видимому, несколько десятилетий: со второй половины VI в. до начала V в. до н. э.

¹² Смирнов К. Ф. Савроматы, рис. 10, 1а.

¹³ Там же, рис. 65—66; рис. 72, 1, 3; рис. 74, 7, 11.

Э. Ф. КУЗНЕЦОВА

ИЗУЧЕНИЕ ПРОДУКТОВ ДРЕВНЕГО ПРОИЗВОДСТВА ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ АТАСУ

(по данным спектрального анализа)

Древние разработки в районе р. Атасу, многочисленные находки здесь образцов древней руды, шлаков, медных и бронзовых предметов — свидетельство того, что данный район Центрального Казахстана был в эпоху бронзы одним из очагов древнейшей промышленности.

Работа проделана на материалах раскопок 1975—1976 гг.¹ поселения Атасу (жилища № 20 и 21). Для анализа отобрано большое количество проб из окисленных руд и минералов, шлаков и бронзовых изделий — около 80 шт. (см. табл. 1—3). Наибольший интерес представляют образцы, взятые из медеплавильных печей, обнаруженных М. К. Кадырбаевым² на местах плавки древнего металла.

Изучив результаты анализа руд, загруженных в печи, шлаков и взятых с места плавки кусочков металла, а также всего атасуского материала, можно решать такие важные вопросы, как состав и характер древних сплавов металлических находок и их сырьевые источники.

Следует отметить, что на Атасуском поселении и ранее были отмечены признаки собственного производства бронзы — здесь выявлены остатки 35 жилых помещений и мастерская для плавки руды³.

Прежде чем говорить о составе подвергшихся исследованию образцов и определять источники их рудного происхождения, дадим краткую геологическую характеристику этого региона. Атасуский район занимает центральную часть Успенского рудного пояса. Интересующая нас

¹ Отчеты Центрально-Казахстанской археологической экспедиции за 1975 г. и 1976 г. Архив отдела археологии ИИАЭ АН КазССР.

² Там же.

³ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 207.

в связи с археологическими находками поверхностная зона, зона окисления, ее месторождения, широко разрабатывавшиеся в век бронзы, всесторонне охарактеризованы в комплексной работе геологов Казахстана⁴. В книге отмечается, что на многих месторождениях меди в Успенской зоне сохранились следы древних выработок, остатки каменных и бронзовых орудий, свидетельствующие о том, что эти месторождения широко использовались в далеком прошлом.

Геологи выделяют характерные месторождения атасуского типа. Это скопления железо-марганцевых и свинцово-цинковых руд, часто с наложенным баритовым оруденением. Атасуский район богат разнообразными по своему вещественному составу и генетическому диапазону месторождениями, для них также свойственно наличие рудных жил. Ареалы рассеяния образуют элементы-примеси: свинец, цинк, медь, молибден, барий и др., которые являются ведущими в атасуских месторождениях; в отдельных случаях им сопутствуют мышьяк, сурьма, висмут, вольфрам и др.

В Атасуском районе зафиксированы многочисленные проявления полиметаллического, медного и отчасти железного оруденения, отличающиеся многообразием минеральных форм. И до настоящего времени Успенская рудная зона располагает значительными ресурсами свинца, цинка, бария, железа, молибдена, вольфрама и отчасти меди.

При изучении древних месторождений представляют интерес именно поверхностные слои. О наличии в Атасуском рудном районе довольно значительных по распространенности и мощности древних кор выветривания говорилось в работах Ф. В. Чухрова⁵, В. Н. Разумовой⁶, В. Г. Ли⁷ и др. Отличительная особенность этого района заключается в повышенной пиритности поверхностной зоны, поэтому процесс окисления протекал в достаточно резко выраженных сероокислотных условиях. Высокая сорбционная способность гидроокислов железа и других вторичных продуктов обусловила то, что, несмотря на значительную растворимость сульфатных соединений цинка, меди, серебра и др., последние наряду со свинцом остались в зоне гипергенеза над сульфидными рудами. Сказанное об атасуской рудной зоне свидетельствует о сложной и длительной истории миграции и накопления таких ценных металлов, как Pb, Cu, Mn, Ba и др.⁸

К наиболее значительным месторождениям, несущим медную минерализацию в рассматриваемом нами Жаңааркинском районе Джезказганской области, относятся Успенское, Белла, Сарыбулакская зона

⁴ Геология и металлогения Успенской тектонической зоны. Т. 3. Алма-Ата, 1967.

⁵ Чухров Ф. В. Зона окисления сульфидных месторождений степной части Казахстана. М., 1950.

⁶ Разумова В. Н. Кора выветривания северо-западной части Казахского нагорья. — В кн.: Кора выветривания. М., 1962.

⁷ Ли В. Г. Обзор исследованных месторождений. — В кн.: Геология и металлогения Успенской тектонической зоны. Т. 3. Алма-Ата, 1967.

⁸ Щерба Г. Н. Месторождения атасуского типа. — «Геология рудных месторождений», 1967, № 5.

Таблица 1

Результаты спектрографического анализа образцов находок из поселения Атасу, %

Месторождение, материал	Cu	Pb	Zn	Sn	As	Sb	Ni	Co	Ag	Bi	Mo	Mn	Fe	V	Y	Ba	P	In
Печь № 5, руда (син.)	Осн.	3—5	20	0,5	1—3	0,5	0,005	—	0,1	2,0	0,001	0,005	Осн.	0,002	—	0,1	3,0	0,03
" руда (зел.)	Осн.	1,0	Осн.	—	0,01	—	—	—	—	—	—	0,01	0,003	—	—	—	—	—
" металл	Осн.	0,2	—	10	0,01	0,005	—	—	0,003	0,001	—	—	—	—	1,0	1,0	—	—
" шлак	3—5	1—3	1—5	0,002	0,05	—	0,02	0,001	0,005	0,01	0,001	0,05	Осн.	0,003	—	0,05	0,5—1	0,001
Печь № 3, руда (зел.)	Осн.	0,7	Осн.	—	0,03	—	—	—	Сл.	—	—	0,005	1,0	—	—	—	0,1	—
" металл	Осн.	0,02	—	10	0,01	—	—	—	0,005	0,001	—	0,001	0,002	—	—	0,5	—	—
" шлак за- " грязненный	30	20	Осн.	0,002	0,05	0,03	0,03	0,05	0,003	0,002	0,005	1—3	Осн.	0,005	—	0,2	0,3	—
" шлак ко- " ричневый	1—3	1,0	0,2	0,005	0,05	0,03	—	—	0,0003	1,0	—	0,01	1,0	—	—	—	3—5	—
Кв. Г-13-80, необра- ботанные куски ме- талла	Осн.	0,3	0,1	—	0,05	—	—	—	0,0005	Сл.	—	0,001	0,003	—	—	—	—	—
Кв. Г-2-20, руда	Осн.	20	20	0,005	0,07	—	0,005	0,1	0,003	0,003	0,004	10,0	Осн.	0,003	—	1—3	0,2	—
Кв. В-14-40, руда (син.)	Осн.	0,5	0,3	0,005	Сл.	—	—	—	0,02	0,01	—	0,001	0,5	—	—	—	—	—
Кв. Д-10-40, шлак	Осн.	30	Осн.	0,003	0,2	—	0,005	0,05	—	—	0,003	5—10	Осн.	0,002	—	0,05	0,2	—

(Кеньказган), полиметаллическое Кужал и ряд мелких рудопоявлений.

Интересен также тот факт, что именно в этом районе, в верховьях р. Атасу были открыты первые в Центральном Казахстане коренные месторождения олова. Олово — наиболее ценный металл древности, та или иная его примесь в меди определяла качество и специфику орудий труда и оружия в течение нескольких тысячелетий.

Оловорудные месторождения Центрального Казахстана, их генезис, физико-химические условия накопления, миграция, промышленное использование олова описаны Г. Б. Жилинским⁹. Нами приведены некоторые данные из его исследования.

Атасуский район занимает особое положение в Центральном Казахстане по распространенности оловорудных проявлений (из них наиболее значительное Южно-Атасуское месторождение), а также древних оловяносных россыпей, которые представляют собой скопления касситерита в коре выветривания (бассейн р. Атасу и горы Куу). Содержание касситерита в россыпях иногда достигает 1000—1200 г/куб. м. В целом в пределах Центрального Казахстана выявлено около 60 оловорудных проявлений и более 20 россыпей.

Но, несмотря на большое разнообразие типов оловянных месторождений Центрального Казахстана, роль олова в общей металлогении этого региона относительно мала и имеет второстепенное значение, что объясняется значительным геохимическим рассеиванием этого элемента.

Анализ руды из месторождения Западное Атасу выявил содержание в ней олова от сотых долей до 0,03%¹⁰.

Что показали нам результаты спектрографического изучения древних остатков производства в районе поселения Атасу?

Металл, обнаруженный среди продуктов переработки медеплавильных печей, представлен двумя видами. Наряду с исключительно чистой медью с незначительными примесями Pb (0,03%), Zn (0,1%), As (0,05%) найден сплав меди с оловом (~10%), т. е. бронза. В нем, кроме указанных примесей, имеются Ba (0,5—1,0%) и Ag (0,003%).

Остальные рассматриваемые нами находки по характеру металла также можно разделить на две группы. Украшения и утварь изготовлены из оловянистой бронзы (Sn ~10%), содержание свинца и цинка в них — от 0,02 до 0,5%, иногда встречаются примеси висмута, серебра, мышьяка, сурьмы и др.

Предметы другой группы — наконечники стрел и мелкие поделки (проколка, скрепка, пронизка) — сделаны из меди. Вероятно, наконечники стрел готовили в большом количестве и брали для этого первичный продукт производства — медь. Приплав олова не применяли, так как в то время оно было весьма дефицитным металлом. Выплавленная медь высокого качества, достаточную твердость ей придавали значительные примеси As, Pb и Sn (сотые и десятые доли %).

Один предмет (662) — подвеска — изготовлен из мышьяковистой

⁹ Жилинский Г. Б. Оловоносность Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1959.

¹⁰ Там же.

Результаты спектрографического анализа

№ пробы	Местонахождение, материал	Cu	Pb	Zn	Sn	As	Sb
1	2	3	4	5	6	7	8
Бронзовые							
655	Наконечник стрелы	Осн.	0,06	0,04	0,04	0,02	0,2
657	"	Осн.	0,006	—	0,1	0,03	—
658	"	Осн.	0,03	—	0,04	0,03	—
656	"	Осн.	0,5	0,03	0,05	0,05	0,007
659	"	Осн.	0,1	0,01	0,05	0,03	Сл.
664	"	Осн.	0,03	—	0,2	0,2	—
660	Серьга (ж. 21)	Осн.	0,2	—	—	0,07	0,02
662	Подвеска	Осн.	0,5	—	—	1—3	0,5
663	Проколка	Осн.	0,005	—	—	0,1	—
609	Скрепка	Осн.	0,001	0,01	—	—	—
610	Зеркало	Осн.	0,1	—	~1,0	0,01	0,3
Окисленные							
600	Жилище 21	1,3	0,05	0,3	0,001	0,01	—
601	"	0,001	—	—	—	—	—
602	"	0,05	0,01	Н. о.	Н. о.	—	—
603	"	0,5—1	0,5	3,5	—	0,01	—
604	"	0,1	0,03	0,06	Н. о.	0,01	—
605	"	1,0	0,5	0,3	0,002	0,05	—
606	"	0,5	1,0	1,0	—	—	—
607	"	0,7	0,8	0,9	0,003	0,2	—
608	"	0,03	0,04	—	—	—	—
609	Жилище 21	1,0	0,5	10,0	—	0,02	—
611	"	0,6	0,03	0,02	—	0,015	—
612	г.л. 0,4м	0,2	0,06	0,02	—	—	—
613	г.л. 0,8м	0,3	0,07	0,02	—	<0,01	—
614	"	0,005	Сл.	—	—	—	—
615	г.л. 0,6м	~1,0	1—3	5—10	<0,001	0,01	—
616	"	0,001	—	—	0,01	—	—
617	г.л. 0,2м	0,5—1	0,7	0,7	0,005	0,02	—
618	"	0,3	0,007	—	0,001	—	—
619	"	>0,5	0,5—1	0,7	—	0,04	—
620	"	0,2	0,004	0,01	—	0,001	—
621	г.л. 0,4м	0,001	—	—	0,001	<0,01	—
622	"	0,003	0,01	0,06	—	—	—
623	"	0,05	0,04	0,03	0,001	<0,01	—
624	г.л. 0,2 м	0,03	0,05	0,06	0,002	0,01	—
625	г.л. 0,6 м	0,005	—	—	—	—	—
626	"	0,005	—	—	—	—	—
627	г.л. 0,8 м	0,3	0,1	0,06	Н. о.	0,1	—
628	г.л. 0,4 м	0,7	0,2	0,2	—	0,02	—
629	Жилище 21, г.л. 0,2м	0,2	0,07	0,03	Н. о.	0,01	—
630	г.л. 0,4 м	0,03	0,005	—	Н. о.	0,01	—
631	"	~5,0	3—5	1,0	—	Сл.	—
632	г.л. 0,6 м	0,02	0,003	—	0,001	0,04	—
633	г.л. 0,2 м	0,3	0,02	0,01	0,001	—	—
634	"	1,0	1,3	0,01	Сл.	0,01	—

Таблица 2

находок из поселения Атасу, %

Ni	Co	Ag	Bi	Mo	Mn	Fe	V	Y	Ba	P
9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19

предметы

0,003	—	0,002	—							
0,005	—	0,02								
0,001	—	0,0001								
0,003	—	0,0001	0,001							
0,001	0,001	0,0002	0,001							
—	—	Сл.	Сл.							
—	—	Сл.	—		0,005	0,03				0,2
—	—	—	0,005		0,001	0,03				—
—	—	—	0,001		0,005	0,03				0,3
—	0,001	0,0002	0,001							
—	0,003	0,0005	0,003							

руды и шлаки

0,007	0,006	—	—	0,001			0,001	0,003	0,3	—
—	—	—	—	—			—	—	—	—
0,003	0,005	—	—	0,002			—	0,003	0,007	—
0,001	0,004	—	—	0,001			0,001	0,001	0,2	0,1
0,002	0,002	—	—	0,001			0,001	0,005	0,6	—
—	—	Сл.	0,005	Сл.			0,001	—	0,2	<0,1
0,001	0,004	—	—	0,004			0,002	0,002	0,3	—
—	—	0,0001	0,03	0,001			0,001	0,001	0,3	0,1
—	—	—	—	—			0,002	—	0,3	—
0,005	0,005	—	—	0,002			0,002	0,004	0,05	0,1
0,001	0,001	—	—	0,001			<0,001	0,006	0,1	—
—	0,003	—	—	0,002			0,002	0,005	—	—
—	0,002	—	—	0,001			0,001	0,004	0,7	—
—	—	—	—	Сл.			—	—	0,03	—
0,006	0,006	—	—	0,003			<0,001	—	0,4	—
—	—	—	—	—			—	—	0,1	—
—	0,005	—	—	0,01			<0,001	—	0,3	—
—	Сл.	—	—	Сл.			0,002	—	0,7	—
—	—	0,002	0,02	0,001			—	—	0,3	—
—	0,001	—	—	0,001			<0,001	—	0,3	0,3
—	—	—	—	0,001			0,005	—	—	—
Н. о.	0,03	—	—	—			0,01	—	0,3	—
—	0,001	<0,0001	—	—			0,001	—	0,3	—
0,003	0,003	—	—	—			<0,001	0,003	0,3	—
0,001	—	Сл.	—	Сл.		1,3	0,003	—	0,7	—
0,001	—	—	—	Сл.		1,0	—	—	0,03	—
0,001	0,01	Сл.	—	0,001		10	0,001	—	0,5	—
—	0,01	—	—	0,002		1,0	0,001	—	0,5	—
0,004	0,02	—	—	Сл.		1,0	0,001	—	0,5	—
—	—	—	—	0,002		1,0	—	—	0,2	—
0,001	0,02	—	—	0,003		10	0,005	—	0,4	0,1
—	—	—	—	—		1,0	0,001	—	0,01	—
0,001	0,005	—	—	0,001		5—10	0,001	—	0,5	—
—	0,02	—	—	0,001		5—10	0,001	—	0,1	—

1	2	3	4	5	6	7	8
635	• •	0,3	0,2	Н. о.	0,001	Сл.	—
636	• •	0,5	0,05	—	Сл.	—	—
637	• •	3—5	5,0	5,0	—	0,04	—
638	Жилище 20, гл. 0,4 м	0,5	<0,1	0,6	—	0,05	0,01
639	• •	3—5	0,7	5,0	—	0,03	—
640	• •	~1,0	—	—	—	0,01	—
641	• •	10,0	3—5	1,0	—	0,05	0,003
642	• •	5,0	3—5	1,0	—	0,03	—
643	• •	3—5	3,0	5,0	Сл.	0,03	—
644	• •	1,0	3,0	5—10	Сл.	0,01	—
645	• •	5,0	>10	>10	—	0,01	—
646	• •	0,007	0,05	—	—	—	—
647	• •	5—10	1,0	~1,0	—	0,03	—

бронзы (As до 3%; Sb до 0,5%), возможно, он привезен из другого района, так как выпадает из серии изделий атасуской бронзы.

Спектральный анализ руд, минералов и шлаков показал исключительно высокое содержание в них таких элементов, как свинец, цинк, барий, железо (от десятых долей до 5—10%). Этот набор примесей полностью соответствует геохимической интерпретации полиметаллического оруденения атасуского типа месторождений, ведущими компонентами которого являются перечисленные металлы.

Следует отметить мастерство древних металлургов, они получали медь и бронзу высокого качества, все ненужные элементы (Fe, Pb, Zn и др.) отшлаковывали, что подтверждается аналитическими данными. Содержание этих элементов в шлаках составляет лишь 10%.

Таким образом, результаты анализов дают нам полное основание говорить о местном источнике производства меди.

Что касается олова, то мы можем только предполагать об использовании собственных ресурсов. В археологической литературе также отмечалось, что в горах Атасу имеются древние выработки на касситерит¹¹.

Интересно, что, по данным Г. Б. Жилинского, для касситеритов Западного и особенно Южного Атасу характерна примесь такого редкого элемента, как индий (до 0,1%). Руда и шлак из печи № 5 также показали присутствие индия в повышенных количествах (0,03 и 0,001%). Но только при наличии образцов из древних карьеров по добыче олова можно будет сделать более веские выводы.

Следует отметить, что бронзовые находки из Атасу содержат значительное количество цинка. Между тем С. С. Черников¹², изучавший состав древних бронз из восточных районов Казахстана, указывал на полное отсутствие в них цинка. Высокое содержание последнего в ру-

¹¹ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Қадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 269.

¹² Черников С. С. К вопросу о составе древних бронз Казахстана. — СА, 1951, XV.

9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
0,001	0,03	—	—	0,001		5—10	0,001		1,0	Сл.
—	0,005	—	—	0,001		3—5	0,001		0,3	Сл.
0,001	0,03	—	—	0,003		Осн.	0,005		1,0	0,2
—	0,005	0,001	—	0,01		~10	0,007		10	0,1
0,002	0,005	—	—	Сл.		Осн.	0,001		0,2	0,2
—	—	—	—	Сл.		0,5	—		—	—
—	0,05	Н. о.	—	0,002		Осн.	Сл.		0,4	<0,1
0,001	0,03	—	—	0,001		Осн.	0,001		0,4	0,1
0,002	0,03	—	—	0,003		Осн.	0,005		0,5	0,2
0,001	0,03	0,002	—	0,003		1,0	0,001		1,0	0,1
0,003	0,04	0,005	—	0,002		Осн.	0,003		0,3	—
Сл.	0,01	0,02	—	0,003		0,3	0,001		0,05	>1,0
<0,001	0,01	—	—	Сл.		Осн.	0,001		0,3	0,2

дах и бронзовых предметах Атасуского района еще раз убеждает в том, что выплавка металла производилась на местах его добычи.

Изучая металлургическое производство эпохи поздней бронзы в од-

Состав сплавов *

Таблица 3

№ пробы	Предмет	Содержание элементов, %				Примечание
		Cu	Pb	Zn	Sn	
6	Браслет	59,2	0,38	0,04	9,4	Ограда № 2, южный ящик Раскоп 1, северный ящик Раскоп 4, ящик 4 Раскоп 5
10	Шило	66,0	0,45	0,22	11,7	
14	Бусы	69,0	0,40	0,10	9,0	
16	Браслет	68,5	0,50	—	10,2	
19	Наконечник стрелы № 1	63,0	0,24	0,04	—	
18	Наконечник стрелы № 2	62,05	0,01	0,06	—	Ограда 2, южный ящик Ограда 4, ящик 4 Раскоп 6 Ограда 9 Ограда 4, ящик 4 Ограда 2, Ограда 4, ящик, 4
20	Наконечник стрелы № 3	66,30	0,35	0,03	0,01	
21	Наконечник стрелы № 4	61,00	0,54	—	—	
22	Наконечник стрелы № 5	60,7	0,42	0,22	0,03	
23	Металл	67,0	0,27	0,01	1,0	
24	Браслет	58,6	0,44	0,04	12,3	
25	Бронза	61,4	1,80	0,12	11,0	
26	Булавка	66,3	0,48	0,02	10,7	
27	Металл	69,5	0,10	—	10,7	
28	Подвеска	62,5	0,28	—	13,5	
29	Бусы	65,7	0,14	0,04	11,0	
30	Шило	63,6	0,45	0,02	6,5	

* Анализы сделаны в полярнографической лаборатории ИГН АН КазССР в 1953 г.

ном из районов Центрального Казахстана, мы не рассматривали связь его с другими крупными очагами древней промышленности. Такой гигантский центр добычи меди, как Джезказган, расположенный на крайнем западе Центрального Казахстана, в Улутауском районе, несомненно, оказывал влияние на производство бронзы соседних регионов.

Л. А. МАКАРОВА

ЖИВОТНЫЕ АТАСУ И ДРУГИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

В статье изложены результаты определения костных остатков животных из раскопок пяти жилищ на поселении Атасу. Материал собран в 1975—1976 гг. А. Х. Маргуланом и М. К. Кадырбаевым и датирован концом второго тысячелетия (эпоха поздней бронзы). Наряду с описанием данного костного материала здесь мы рассматриваем и ранее известные сведения о находках костей домашних и диких животных на Атасу и на таких хронологически и территориально близких поселениях Центрального Казахстана, как Бугулинское, Каркаралинское, Шортанды-Булак, Суук-Булак и Улутау, которые в течение ряда лет исследовались Центрально-Казахстанской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии АН КазССР под руководством А. Х. Маргулана.

Атасуское поселение находится в Агадырском районе Джезказганской области, в долине р. Атасу, в 300 км к юго-западу от г. Караганды. По сведениям А. Х. Маргулана, Атасу является одним из крупных поселений эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана, которое существовало длительное время, что подтверждается наличием большого количества костных остатков животных, найденных при раскопках жилищ. В 1956 г. при исследовании жилища № 4 и двух зольников были обнаружены кости, в основном домашних животных: крупного рогатого скота (19), мелкого рогатого скота (38) и лошади (40)¹.

В 1975 г. работы на поселении были продолжены. При раскопке жилищ 20 и 21 собрано 1199 костных остатков животных. До вида определено 1130 костей, из них 962 принадлежит домашним животным, 167 — диким и одна кость — птице.

В 1976 г. были раскопаны жилища 5, 6 и 7. Кости найдены на глубине от 20—40 до 80 см. Здесь выявлено 1129 костей, из них 1035 принадлежали домашним животным и 62 — диким.

Определение большого количества костей, собранных за два поле-

¹ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 219, 229.

вых сезона, позволило получить более точное представление о составе стад домашних животных. При общем подсчете костей крупного рогатого скота оказалось 612, приблизительно от 32 особей, что составляет 27,6% от общего числа костных остатков, обнаруженных на поселении, мелкого рогатого скота — 860, от 49 особей (38,6%), лошади — 521 кость, от 17 особей (23,5%), костей диких животных — 229 (10,3%).

Костный материал представляет собой типичные «кухонные» остатки. Отсутствуют целые черепа, а небольшое количество их обломков непригодно для остеометрической обработки. Нет целых длинных трубчатых костей конечностей. Подсчет числа особей произведен в основном по парным пяточным или таранным костям. Недостаточность пригодных для измерения костей исключает и проведение биометрического анализа.

К сожалению, мы располагаем немногими сравнительными данными измерений костей из других одновозрастных поселений Казахстана. В приведенных таблицах мы даем лишь абсолютные размеры костей крупного и мелкого рогатого скота и лошади из поселений эпохи поздней бронзы Саргары (Атбасарский район Целиноградской области) и Чаглинка (Красноармейский район Кокчетавской области)².

Домашние животные

Крупный рогатый скот. Кости этого вида представлены различными частями скелета. В основном это фрагменты черепа, нижних челюстей и некоторых костей конечностей, а также лопаточные кости, позвонки и ребра. Больше всего костей пяточных и таранных, первых и вторых фаланг пальцев. Из длинных трубчатых костей конечностей целыми являются только отдельные экземпляры пясти и плюсны. Плечевые, лучевые и бедренные кости разрушены, имеются лишь верхние или нижние их концы. В таблице 2 даны размеры костей.

Рассматривая данные таблицы, можно отметить, что в размерах ширины нижнего конца плечевой, берцовой, общей длины пяточной, таранной костей и больших фаланг пальцев устанавливается одинаковый диапазон изменчивости у крупного рогатого скота всех трех поселений. При сравнении же средних величин этих признаков обнаруживаются

Таблица 1
Видовой состав животных на поселении Атасу

Вид	Кол-во костей	Кол-во особей
Крупный рогатый скот	612	32
Мелкий рогатый скот	860	49
Лошадь	521	17
Верблюд	1	1
Собака	3	3
Кулан	65	8
Кабан	3	3
Олень	1	1
Сайга	119	14
Джейран	17	5
Архар	14	4
Лисица	1	1
Заяц	1	1
Волк	8	3

² Макарова Л. А. Характеристика костного материала из поселения Саргары. — В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с. 211.

Таблица 2

Размеры костей крупного рогатого скота

Признак, мм	Атасу			Саргары			Чаглинка	
	n	Lim	M	n	Lim	M	n	Lim
Длина альвеолярного ряда коренных зубов нижней челюсти	2	141,5—151,0	147,5	2		155,0	4	135,0—145,0
Длина M ₃	7	33,5—37,5	35,5	5	37,0—39,5	38,5	4	37,0—39,0
Ширина нижнего конца плечевой кости	4	75,0—85,0	80,2	12	70,0—96,0	84,3	4	188,0—210,0
Ширина верхнего конца лучевой кости	3	70,5—81,0	76,0	5	79,0—99,0	88,5		
Длина пясти	1		102,0	3	180,0—210,0	196,0	4	
Ширина верхнего конца пясти	1	52,0	52,0	12	48,0—68,0	57,4		
Ширина нижнего конца пясти	3	53,0—60,5	56,8	12	55,0—80,0	66,9		
Ширина нижнего конца берцовой кости	3	57,0—67,5	61,3	12	56,0—70,0	62,4	5	
Длина плюсны	1		235,0	2	233,0—245,0	234,0		
Ширина верхнего конца плюсны	1	—	55,5	8	53,0—78,1	64,0		
Длина пяточной кости	8	120,0—152,0	135,4	18	128,0—170,0	151,2	12	126,0—162,0
Длина таранной кости	18	58,5—76,0	63,2	38	51,0—78,0	68,8	24	58,5—72,0
Длина больших фаланг	18	53,5—68,5	60,8	28	48,1—72,0	65,8	45	54,0—69,0

меньшие размеры названных костей у крупного рогатого скота Атасу. Особенно заметна разница в общей длине пяточных, таранных костей и больших фаланг пальцев.

По имеющимся в небольшом количестве нижним челюстям с полным рядом коренных зубов и отдельным фрагментам выяснен следующий возрастной состав крупного рогатого скота на Атасу:

M ₁ отсутствует	До 6 месяцев	1 челюсть	7,7%
Есть M ₁ , отсутствует M ₂	6—12 »	2 челюсти	15,4%
Есть M ₂ , отсутствует M ₃	18—24 »	2 »	15,4%
Есть M ₃	28 и старше	3 »	23,0%
P _n постоянный	34 и старше	5 челюстей	38,5%

Из 13 нижних челюстей восемь принадлежит особям старше двух и трех лет.

Мелкий рогатый скот. В нашем материале больше всего костных остатков мелкого скота (овцы и в незначительном количестве домашней козы). Имеются кости из всех отделов скелета, кроме черепа. Нижние челюсти почти все разрушены, как и длинные трубчатые кости. На многих костях конечностей отсутствуют верхние или нижние эпифизы, что указывает на принадлежность их молодым особям. Состояние зубной системы 14 нижних челюстей позволило установить, что 57,2% из них

принадлежит особям старше двух лет, остальные — более молодым животным.

М ₁ , отсутствует	До 3 месяцев	1 челюсть	7,1 %
Есть М ₁ , отсутствует М ₂	3—12 »	5 челюстей	35,7 %
Есть М ₂ , отсутствует М ₃	12—24 »	4 челюсти	28,6 %
Есть М ₃	Старше 24 »	4 »	28,6 %

В таблице 3 приведены измерения некоторых костей мелкого рогатого скота из Атасу и сравниваемых поселений.

Таблица 3

Размеры костей мелкого рогатого скота

Признак, мм	Атасу			Саргары			Чаглинка	
	n	Lim	M	n	Lim	M	n	Lim
Длина альвеолярного ряда коренных зубов								
нижней челюсти	2	78,0—86,0	82,0	11	71,0—84,0			
Длина М ₃	2	23,5—36,0	24,7					
Ширина нижнего конца плечевой кости	13	29,0—37,0	34,8	26	26,5—38,5	35,2	23	32,0—42,0
Ширина нижних концов метаподий	9	24,0—31,5	27,6	3	29,0—33,0	30,8	4	29,0—34,5
Ширина верхнего конца плюсны	14	23,0—34,5	27,7	8	22,0—27,0	24,7	7	22,0—27,5
Длина пятки	8	53,0—69,0	62,0	15	56,0—73,0	67,8	12	67,5—77,0
Длина таранной кости	42	24,5—36,5	35,5	32	30,0—37,0	33,5	12	34,5—36,5
Длина больших фаланг	18	28,0—46,5	41,3	10	38,5—52,5	44,4	16	38,6—50,0

Анализ измерений позволяет отметить, что в абсолютных размерах длины и ширины соответствующих костей мелкого скота из сравниваемых поселений большой разницы в диапазоне изменчивости не прослеживается. Однако и здесь меньше размер указанных величин аналогичных признаков у большинства костей мелкого скота из Атасу. Исключением является таранная кость, средняя длина которой у мелкого атасуского скота больше по сравнению с длиной этой кости у мелкого рогатого скота из поселения Саргары. Отсутствие целых трубчатых костей конечностей на всех поселениях не дает возможности определить высоту в холке у этого вида домашних животных.

Лошадь. Имеются кости из всех отделов посткраниального скелета, но в основном в обломках, поэтому большей частью они не пригодны для измерений. Исключение составляют, как всегда, хорошо сохраняющиеся пяточные, таранные, путовые и венечные кости конечностей. Из краниологической части скелета есть 15 зубов, которые принадлежали разным по возрасту особям. Все длинные трубчатые кости расколоты, мало верхних и нижних эпифизов этих костей. В таблице 4 даны абсолютные размеры некоторых костей конечностей лошади из сравниваемых поселений.

Отдельные кости лошади из поселения Атасу обнаруживают некоторую изменчивость в размерах. Она значительна в абсолютной длине пяточной и путовой костей. Как видно из таблицы 4, отмечаемые здесь меньшего размера некоторые кости у лошади из Атасу свидетельствуют о наличии в стаде поселения мелких особей. Однако из-за отсутствия целых длинных костей конечностей невозможно определить категорию лошадей в этом поселении по типу тонконогости и измерить их рост в холке. Возраст животных из-за разрозненности зубов выяснить трудно. По обломку нижней челюсти с резцами можно сказать, что этой особи было 6—7 лет.

Таблица 4

Размеры костей лошади

Признак, мм	Атасу			Саргары			Чаглинка	
	n	Lim	M	n	Lim	M	n	Lim
Ширина нижнего конца плечевой кости	4	71,0—73,5	72,6	3	62,0—73,0			
Ширина верхнего конца лучевой кости	2	68,5—83,5	76,0					
Ширина нижнего конца лучевой кости	4	66,0—72,0	68,8					
Ширина верхнего конца пясти	2	43,5—59,0	47,7					
Ширина верхнего конца плюсны	2	41,0—42,0	41,5					
Длина пяточной кости	8	106,0—114,0	109,3	3	104,0—117,0	112,9		
Длина таранной кости	9	65,0—64,0	59,0					
Длина передней путовой кости	8	78,5—87,5	84,0	18	77,2—95,0	87,4	12	87,8—83,6
Ширина нижнего конца пясти	8	40,5—50,3	46,2	5	48,0—53,0	50,5		

Верблюд. В нашем материале имеется только одна кость — обломок метаподия. Дикому или домашнему верблюду принадлежит эта кость, установить невозможно.

Собака. Есть три кости пясти.

Дикие животные

Наличие довольно значительного количества костей диких млекопитающих указывает на еще большую роль охоты в хозяйственной деятельности поселенцев Атасу, главным образом на мясных диких животных: кулана, сайгу, архара, джейрана. Другие виды промысловых животных, такие, как кабан, лисица, заяц, представлены меньшим числом костей.

Кулан. О широком обитании на территории Казахстана еще в недалеком прошлом кулана говорят довольно частые находки костных остат-

ков этого животного³. Кости кулана встречены и на многих поселениях эпохи бронзы Центрального Казахстана. В материале из Атасу имеются в основном пяточные, таранные и вечные кости.

Кабан. Найдены три вторые фаланги. Судя по числу находок, кабан, видимо, не был постоянным объектом промысла. Однако его обитание в районе поселения подтверждается нахождением костных остатков. Это, в свою очередь, свидетельствует о наличии соответствующих условий для существования здесь данного вида в прошлом и о возможной на него охоте.

Олень. Найден обломок рога.

Сайга. Судя по количеству костных остатков, основным объектом охоты древних жителей Атасу являлась сайга, ее кости составляют 50% от всех костей, собранных на поселении диких животных. Но и это количество, как и данные из других поселений, не позволяет получить представления о действительной численности добываемой сайги, так как многие кости животного по своим морфологическим признакам могут быть отнесены к костям мелкого рогатого скота. Хорошо различимы только пяточные и таранные кости, поэтому численность сайги, вероятно, больше, чем подсчитано по количеству костей на том или ином поселении.

Джейран. 17 костей, в основном таранные, принадлежат джейрану. И здесь из-за трудности диагностики некоторые кости могут быть отнесены к мелкому рогатому скоту.

Архар. Определено 14 костей этого вида животного, минимально от четырех особей. Такое количество костных остатков архара говорит не только о его обитании в эпоху бронзы на небольших со степной растительностью нагорьях Центрального Казахстана, но и о его довольно значительной численности в фауне диких млекопитающих, а также о сравнительно высоком (8,3) проценте его добычи древними насельниками.

Волк. Восемь костей этого животного принадлежат разным особям.

Лисица. В материале из поселения имеется только одна кость.

Заяц. Найдена одна бедренная кость.

Изучение костных остатков домашних и диких животных из хорошо датированных археологических памятников помогает полнее охарактеризовать хозяйственную деятельность древнего населения определенной территории, выяснить соотношение охоты и животноводства, а также специфику последнего, установить породный состав домашних животных и видовой состав дикой фауны.

Основную роль в жизни населения, жившего на территории Центрального Казахстана, как и других племен степных и полустепных районов Казахстана, в эпоху поздней бронзы играло скотоводство. Как отмечает А. Х. Маргулан, на последнем этапе эпохи бронзы Центрального Казахстана скотоводство становится основной отраслью в хозяйстве об-

³ Кожамкулова Б. С. Антропогенная ископаемая териофауна Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 49.

Таблица 5

**Сравнительная таблица количества костей животных с поселений эпохи поздней бронзы
Центрального Казахстана**

Вид	Поселение					
	Атасу		Суук-Булак		Каркаралинское	
	Определены					
	до 1966 г.	после 1966 г.	до 1966 г.	после 1966 г.	до 1966 г.	после 1966 г.
Крупный рогатый скот	19	612	382	—	401	83
Мелкий рогатый скот	38	860	483	47	398	80
Лошадь	40	521	275	34	247	65
Верблюд	—	1	—	—	—	—
Собака	—	3	2	—	5	—
Кулан	—	65	8	—	2	—
Кабан	—	3	—	—	—	—
Олень	—	1	2	—	—	—
Сайга	—	119	—	—	—	2
Джейран	—	17	1	—	2	—
Архар	—	14	—	—	—	—
Волк	—	8	1	—	—	—
Лисица	—	1	1	—	—	—
Заяц	—	1	1	—	2	—

Вид	Поселение					
	Бугулинское		Шортанды-Булак		Улутау	
	Определены					
	до 1966 г.	после 1966 г.	до 1966 г.	после 1966 г.	до 1966 г.	после 1966 г.
Крупный рогатый скот	119	54	—	102	156	—
Мелкий рогатый скот	330	200	—	253	142	—
Лошадь	45	25	—	123	173	—
Собака	2	1	—	—	—	—
Кулан	10	—	—	—	—	—
Сайга	—	6	—	—	—	—
Джейран	1	—	—	—	—	—
Архар	17	—	—	—	—	—
Хищник	1	—	—	—	—	—
Бобр	—	—	—	—	—	—

щества⁴. Древние жители Атасу, как и других поселений эпохи поздней бронзы этого района, имели в стаде домашних животных лошадей, крупный и мелкий рогатый скот. Наличие этих животных свидетельст-

⁴ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, с. 258—265.

бует о значительной роли скотоводства в хозяйственной жизни поселенцев Атасу. На основании анализа соотношения костей домашних животных пока только из раскопок отдельных жилищ можно говорить о преобладании овцеводства. На поселении в большом количестве найдены также кости крупного рогатого скота, что характерно для поселений с продолжительным периодом существования.

Остатки диких млекопитающих обнаруживаются на всех поселениях эпохи поздней бронзы, они различны по количеству и разнообразны в видовом отношении. Костный материал из Атасу и других поселений Центрального Казахстана дает некоторое представление о дикой фауне такой обширной территории, как Казахское нагорье. На Атасу собрано значительное количество костных остатков диких животных, причем здесь промысловых зверей больше, чем на других поселениях эпохи бронзы Северного, Центрального и Восточного Казахстана. Это, видимо, объясняется природными условиями, расположением поселения Атасу в местах перекочевок диких копытных животных: сайги, кулана, джейрана и архара, которые были основными объектами охотничьего промысла живших здесь в прошлом людей.

Т. М. ТЕПЛОВДСКАЯ

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЕРАМИКИ В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ОТАРАЕ

Самым массовым материалом среди археологических находок на Отраре является керамика. Коллекция ее насчитывает несколько тысяч.

Довольно часто встречающийся в раскопках керамический брак (сплавившиеся при обжиге сосуды), сипая, гончарные печи, «склад» готовой продукции говорят о том, что на Отраре в позднее средневековье функционировало собственное гончарное производство.

Однако вопросам технологии изготовления керамических изделий на Отраре до настоящего времени должного внимания не уделялось.

Сведения о технике и технологии гончарного производства позволяют судить не только об уровне мастерства отрарских гончаров и их производственных возможностях, но и об уровне развития экономики вообще на данном этапе и в частности об уровне технического развития общества, о культурных связях Отрара с сопредельными областями, о месте отрарской керамической школы, если таковая существовала, в гончарном производстве южных областей Казахстана и Средней Азии.

Оптическими методами (полумикроскопическим и петрографиче-

ским) изучалось 120 образцов отарской керамики, из них 60 исследовались методом спектрального анализа¹.

Отобранные для анализа образцы были разделены на две группы: поливную керамику (80 фрагментов) и неполивную (40 фрагментов). С учетом стратиграфии верхнего слоя Отрара поливная керамика была расчленена на изделия XVI—первая половина XVII в. и изделия второй половины XVII—XVIII в. В 1975 г. на отдельных участках городища был зондирован слой XV в.² Керамика этого времени также была подвергнута анализу. Исследования проводились на микроскопах МБС-2 и МП-7 (толщина шлифов 0,03 мм) и на спектрографе ИСП-30.

Цель работы — выявить особенности технологии изготовления поливных и неполивных сосудов, а также изделий различных форм.

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА

Глазурь изученных фрагментов, за исключением двух, относится к типу натрий — кальций — магний — силикатных (см. таблица 1).

Для Отарской керамики XV—XVIII вв. характерна глянцевая, прозрачная, бесцветная и окрашенная голубая, реже зеленая, глазурь. Чистая стекловидная глазурь встречается редко, как правило, она слегка загрязнена нерасплавившимися зернами полевого шпата или частицами основания, или же красителем. В большинстве фрагментов на 1 кв. мм глазурного слоя приходится 20—30 или 25—35 закрытых пузырей диаметром 0,05—0,55 мм. В глазурном слое двух фрагментов зафиксировано 10—15 пузырей на 1 кв. мм. Толщина глазурного слоя на разных фрагментах колеблется от 0,25—0,1 до 0,2—0,5 мм. Разлив ровный, лишь на трех фрагментах чаш и двух фрагментах тарелок отмечены наteki на краинных венчиков толщиной до 3 мм. Твердость глазури по шкале Мооса 6—7. Качество глазури в XVII—XVIII вв. несколько ухудшается: увеличивается ее загрязненность, иногда полива представляет собой пенообразную массу. Местами глазурная поверхность пробита газами.

Полива нанесена на белый кристаллический кремнеземистый подглазурный ангоб, толщина которого на разных фрагментах от 0,05 до 0,1 мм.

В подглазурном ангобе 19 фрагментов зафиксирован очень тонкий промежуточный слой. По данным Г. Зальманга, промежуточный слой начинает образовываться при температуре выше 1100°C³. Таким образом, мы можем считать, что рассматриваемые сосуды были обожжены при температуре 1100—1200°. Это предположение подтверждают данные петрографического анализа теста фрагментов: в скрещенных николях

¹ Полуколичественный спектральный анализ проведен научным сотрудником Проблемной лаборатории археологической технологии отдела археологии ИИАЭ КазССР кандидатом технических наук Э. Ф. Кузнецовой.

² Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Отрар XVI—XVIII веков по итогам раскопок 1971—1973 гг. — В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975, с. 47.

³ Зальманг Г. Физико-химические основы керамики. М., 1959, с. 189.

основная масса черепка изотропна, фаза кварца постоянна, а зерна полевого шпата не изменили своей формы⁴.

Судя по фазе кварца и полевого шпата, по отсутствию промежуточного слоя, остальные сосуды обжигались при температуре ниже 1100°C. Глазурь нанесена на кремнеземистую основу различными способами: кистью, погружением изделий в глазурь и насыпкой⁵.

По сравнению с глазурью тесто исследованных образцов отличается большим разнообразием структуры, минералогического состава, примесей. Результаты анализа показали, что для изготовления керамических изделий мастера использовали ожелезненную и карбонатную глины. В девяти фрагментах отмечено присутствие гидрослюда (см. табл. 1).

Неодинакова и структура теста. Она трех типов: мелкозернистая, волокнистая, пелитовая.

Основными естественными примесями были кварцит и полевой шпат. Зерна их различного размера, остроугольны или полуокатаны. Процентное содержание примесей в тесте неодинаковое. Значительно реже в качестве естественной примеси выступают лимонит, красная охристая глина, гипс, известь и очень редко — ракушки.

На основе полученных данных можно установить связь между характером черепка и типом глины. Изделия, изготовленные из ожелезненной глины, имеют плотный черепок, а изделия, изготовленные из глины со значительным содержанием карбонатов кальция и магния, — пористы.

Поскольку среди исследованных образцов были лишь фрагменты чаш, тарелок, тагора, т. е. изделий низких форм, нам не удалось установить зависимость между типом глины и формой сосуда. Изделия разной формы были сделаны как из ожелезненной (34 фрагмента), так и из карбонатной глины (26 фрагментов). По-видимому, это объясняется изготовлением сосудов различными мастерами. Данное предположение подтверждает тот факт, что для производства тех же типов сосудов (чаш, тагора, тарелок) применялась смешанная глина. Тесто, приготовленное таким способом, выявлено в 20 образцах.

Смешивание двух глин для приготовления теста отмечается в керамике Хуттала и Магиана⁶. Данные о смешивании глин имеются и в этнографической литературе⁷.

В качестве искусственной примеси гончары использовали пух камыша, мелкорубленную солому. Введение органического отошителя в глиняную массу черепка делало последний более легким после обжига, а в сыром состоянии укрепляло стенки сосуда, предохраняя от растрескивания⁸.

⁴ Инсли Г., Фрешет В. Д. Микроскопия керамики и цементов. М., 1960, с. 202.

⁵ Кверфельдт Э. К. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947, с. 21.

⁶ Сайко Э. В. Технология керамики средневековых мастеров. — В кн.: Археология и естественные науки. М., 1965, с. 163.

⁷ Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959, с. 214—215; Рахимов М. К. Художественная керамика Узбекистана. Ташкент, 1961, с. 43.

⁸ Сайко Э. В. История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII—XII вв. Душанбе, 1966, с. 33.

Результаты

Шифр	Датировка	Образец	Проба	Содержание		
				Pb	Sn	Mn
0-75 рШ№8	XV в.	Венчик тарелки	Полива темно-го- лубая	0,03	0,01	0,01
"	"	"	Черепок	Сл.	—	0,003
0-75 рШ№10	"	Венчик чаши	Ангоб подглаз. Полива голубая	Сл. 0,05	— 0,03	— 0,03
0-75 рIV№7	"	"	Черепок Полива зеленая	0,003 ≥1,0	0,001 0,1	0,01 0,02
0-75 рШ№98	"	Фрагмент тарелки	Черепок Полива зеленая	0,2 ≥1,0	— 0,05	0,1 0,01
0-75 рШ№9	XVI в.	Венчик тарелки	Черепок Полива голубая	0,005 0,005	0,001 —	0,005 0,03
"	"	"	Черепок	0,005	—	0,03
0-75 рШ№92	"	"	Ангоб подглаз. Полива голубая	<0,001 0,07	— 0,005	0,001 0,001
0-75 рШ№122	"	Часть чаши	Черепок Полива бесцветн.	0,001 0,005	— —	0,05 0,005
"	"	"	Черепок	Сл.	0,001	0,01
0-75 рШ№2	XVII в.	Донце чаши	Ангоб подглаз. Полива голубая	— 0,005	— —	0,03 <0,001
"	"	"	Черепок	0,005	—	0,001
0-75 рШ№3	"	"	Ангоб подглаз. Полива голубая	0,005 0,02	— —	0,03 0,005
"	"	"	Черепок	0,001	—	0,01
0-75 рШ№5	"	"	Ангоб Полива темно-го- лубая	0,003 0,01	— 0,05	0,07 Сл.
"	"	"	Черепок	0,003	—	0,07
0-75 рШ№15	"	Венчик чаши	Ангоб подглаз. Полива голубая	— 0,01	— 0,001	<0,001 0,001
0-75 рШ№64	"	Венчик тарелки	Черепок >	0,005 0,001	— <0,001	0,03 0,003
0-75 рШ№65	"	"	Ангоб Черепок	0,003 0,003	0,001 0,001	0,03 0,005
0-75 рШ№45	"	"	Ангоб Черепок	0,03 Сл.	0,002 —	0,01 0,03
0-75 рШ№48	"	Венчик чаши	>	0,001	—	0,01
"	"	"	Ангоб	0,005	Сл.	0,005

Таблица 1

спектрального анализа

элементов, %

Ni	Fe	Cu	Na	Ca	K	Si	Al	Mg	Be	Ba	Ti
—	0,5	0,5	≥1,0	>10	Сл.	Осн.	0,5	1,0	—	—	0,5
—	1,0	0,005	0,05	~1,0	—	Осн.	1,0	0,7	0,001	—	0,001
—	0,003	0,002	—	0,005	—	~1,0	0,005	0,01	—	0,2	—
—	1,0	0,2	>1,0	~1,0	—	≥1,0	>1,0	0,05	—	—	0,2
—	0,1	0,05	0,01	0,5	—	Осн.	~1,0	~1,0	—	0,02	0,01
0,002	~1,0	~1,0	0,01	>1,0	~1,0	Осн.	Осн.	0,5	Сл.	—	0,1
<0,001	≥1,0	0,02	0,03	>1,0	0,5	Осн.	Осн.	>1,0	Сл.	0,05	1,0
0,001	1,0	~1,0	0,03	0,5	Сл.	Осн.	>1,0	0,2	—	0,01	0,1
—	~1,0	0,003	0,03	>1,0	—	Осн.	~1,0	0,7	—	0,01	0,005
—	0,5	0,2	≥1,0	<1,0	0,5	Осн.	~1,0	~1,0	—	0,03	0,5
—	>1,0	0,01	0,05	>1,0	—	>1,0	>1,0	<1,0	—	0,01	0,2
<0,001	0,05	0,02	0,005	0,1	—	Осн.	0,3	0,1	—	—	0,3
—	0,5	0,5	≥1,0	>1,0	Сл.	Осн.	0,5	~1,0	—	—	0,3
0,001	>1,0	0,002	0,1	>1,0	0,5	Осн.	>1,0	~1,0	0,002	0,03	0,003
—	0,3	0,03	>1,0	0,1	—	Осн.	0,1	0,5	—	—	0,01
—	0,2	0,2	Сл.	0,5	—	Сл.	>1,0	0,3	0,1	—	—
—	0,2	—	—	0,2	—	Осн.	0,5	0,3	—	—	0,03
—	0,5	0,5	>1,0	>1,0	~1,0	Осн.	0,1	≥1,0	—	0,01	0,05
Сл.	~1,0	0,005	0,3	>1,0	0,5	Осн.	>1,0	≥1,0	—	0,01	0,05
—	0,3	—	—	0,5	—	>1,0	>1,0	0,2	—	Сл.	0,05
—	0,5	0,5	>1,0	>1,0	—	Осн.	0,3	~1,0	—	0,02	0,05
0,001	>1,0	0,01	0,2	>1,0	—	Осн.	>1,0	≥1,0	—	0,02	0,2
—	0,5	0,005	Сл.	0,5	0,5	Осн.	>1,0	>1,0	—	0,03	0,1
—	0,5	0,2	>10	0,5	—	≥1,0	0,3	~1,0	—	—	0,03
—	0,05	0,03	Сл.	0,1	—	≥1,0	0,1	>1,0	—	0,01	0,003
—	0,1	0,002	—	0,3	<1,0	Осн.	0,5	0,2	—	0,005	0,002
—	0,3	<1,0	>1,0	0,5	—	≥1,0	0,1	0,7	—	—	0,03
—	0,5	0,02	0,01	0,3	—	<1,0	>1,0	0,05	—	—	0,01
—	0,2	0,007	0,005	0,1	—	<1,0	0,1	0,3	—	Сл.	—
0,001	~1,0	0,003	~1,0	~1,0	>1,0	Осн.	>10	0,7	—	0,02	0,03
—	0,7	0,003	0,01	>1,0	—	>1,0	0,5	0,5	Сл.	0,003	0,003
—	~1,0	0,005	0,03	~1,0	—	Осн.	>1,0	0,5	Сл.	0,002	0,05
—	0,3	0,002	0,005	0,5	—	>1,0	0,2	0,3	—	0,1	0,001
0,001	>1,0	0,003	1,0	1,0	0,5	Осн.	>1,0	~1,0	—	0,01	0,005
—	~1,0	0,007	0,02	0,3	—	Осн.	0,1	0,3	—	—	0,005

Небольшие различия в технологии приготовления теста отмечены в керамике XV в. и XVI—XVII вв. Изделия XV в. изготовлены из светлогрующей, карбонатной, запесоченной глины (7 фрагментов) или смешанной глины (8 фрагментов), но основной является карбонатная, ожелезненная используется в качестве добавки. Для технологии керамики XVI—XVII вв. характерно смешивание глин почти в равных пропорциях (13 фрагментов). Среди исследованных фрагментов преобладают изделия, изготовленные из ожелезненной глины (28 фрагментов). В тесте сосудов этого времени часто, иногда в значительном количестве, содержатся гипс и известь.

Независимо от типа глин тесто всех образцов хорошо промешано, отощитель распределен равномерно, обжиг полный, окислительный.

Для обработки поверхностей мастера применяли куски мягкой кожи или ткани. Использование того или иного материала для заглаживания поверхности с формами сосудов не связано. Видимо, мы имеем дело с продукцией разных мастеров. Очень часто поддоны, а иногда и придонные части сосудов обработаны с помощью деревянного ножа. Такая отделка внешней поверхности известна с глубокой древности⁹.

Определить способ формовки всех фрагментов не удалось, но большая часть сосудов изготовлена на круге методом вытягивания. На пяти фрагментах (сосуды типа тагора) отмечен прием формовки изделия по частям: из одного комка лепилось дно, затем стенки примазывались изнутри.

Результаты анализов позволяют сделать следующие выводы.

В гончарном производстве Отрара XV—XVII вв. существовали традиции: 1) в способах формовки; 2) в приемах обработки поверхности; 3) в технологии приготовления теста.

Для поливной керамики этого периода характерна щелочная, прозрачная, глянцевая глазурь. Лишь на одном фрагменте была матовая глазурь. В течение всего периода в основном применялись одни и те же красители. Это окислы меди, марганца, кобальта.

Основанием для глазури служит белый, высококремнеземистый ангоб. Только на двух фрагментах зеленая полива нанесена непосредственно на черепок.

Исследованные образцы обожжены в окислительной среде. Температурный режим находится в интервале 900—1200°, но преобладает режим 950—1025°C.

НЕПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА

Для анализа отобрано 40 фрагментов сосудов разной формы. Горшки, кувшины, чаши, тарелки, хумчи, сфероконусы.

⁹ Маршак Б. И. Керамика нижнего слоя Пенджикента. — «Известия отд. общ. наук АН ТаджССР», 1956, вып. 14, с. 92—93; Сайко Э. В. История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII—XII вв. М., 1966, с. 70—71; Сенигова Т. Н. К изучению технических особенностей керамики низовья Сырдарьи. — «Труды ИИАЭ АН КазССР». Т. 7. Алма-Ата, 1956, с. 222.

Большая часть неполивных изделий изготовлена из ожелезненной глины с приблизительным содержанием Fe_2O_3 от 5,5 до 8,5% и с естественной примесью кварцевого песка, извести, редких включений лимонита, красной охристой глины.

Тесто плотное, хорошо промешанное. Прием смешивания двух глин зафиксирован лишь в трех фрагментах.

Искусственные примеси разнообразны. Для приготовления теста горшкообразных сосудов в качестве отошителя мастера использовали сделанный из ожелезненной глины мелкий шамот, среднего размера дресву, кварцевый песок и известь.

В тесте тарелок и чаш в качестве искусственной примеси гончары применяли песок, реже известь. Основным отошителем в тесте хумчей была дресва. Тесто кувшинов приготовлено из запесоченной глины с примесью пуха камыша.

В семи фрагментах сосудов различных форм имелись органические отошители: мелкорубленая солома, пух камыша, шерсть.

Для приготовления теста сферокунов употреблялась глина с большим содержанием полевого шпата, который является сильным плавнем, в результате черепок получался плотный, остеклованный.

Большая часть фрагментов неполивной керамики покрыта ангобами, отличающимися по составу и способу нанесения.

Светлые и серые ангобы приготовлены из беложгущейся карбонатной глины. Темные (красный, коричневый, черный) сделаны из той же ожелезненной глины, что и основание сосуда, иногда с незначительным добавлением марганца¹⁰.

Структура ангобов пелитовая, масса почти аморфная. Они нанесены ровным слоем толщиной 0,1—0,15 мм. Согласованность ангоба с основанием высокая¹¹. Преобладают обычные, гладкие ангобы, реже встречаются шероховатые. Среди исследованных образцов имеются ангобы-обмазки (11 фрагментов) и ангобы-поливы (17 фрагментов)¹².

Фрагменты сосудов различаются по способу обработки поверхности. Ведущим являлся способ заглаживания поверхности лоскутом мягкой кожи (24 фрагмента), реже применялись заглаживание поверхности тканью (5 фрагментов) и подправка придонной части деревянным ножом (4 фрагмента). Внутри некоторых сосудов и в местах прикрепления ручек сохранились следы папиляров. Снаружи поверхность одной из чаш с тамгой была обработана методом сухого лощения.

¹⁰ О способах приготовления ангобных масс см.: Сайко Э. В. Некоторые вопросы технологии ангоба средневековой среднеазиатской керамики. — «Известия отд. общ. наук АН ТаджССР», 1962, вып. 1(28), с. 84; Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959, с. 102, 160; Рахимов М. К. Художественная керамика Узбекистана. Ташкент, 1961, с. 56—67.

¹¹ О значении толщины ангобов и об условиях согласованности см.: Августин А. И. Керамика. М., 1957, с. 451—452; Сахарова Н. А., Черепова О. В. Архитектурная керамика с цветным ангобированным слоем. Киев, 1952, с. 6—7, 26.

¹² Сайко Э. В. Некоторые вопросы технологии ангоба средневековой среднеазиатской керамики, с. 84.

Из 40 исследованных фрагментов сосудов 34 обожжены в окислительной среде, 6 — в восстановительной.

Основным методом формовки сосудов было вытягивание на круге. В двух фрагментах использованы подкладные диски. Два венчика горшкообразных сосудов изготовлены на форме. Возможно, при формовке был применен метод изготовления комбинированных сосудов¹³.

Таким образом, на основе полученных данных можно заключить, что на Отраре в XV—XVII вв. существовало развитое гончарное производство, имевшее давние традиции. Мастера применяли различные способы формовки и обработки поверхностей керамических изделий. Для производства поливных и неполивных изделий разных форм использовалась различная технология приготовления теста.

Широкое применение щелочных глазурей, предполагающих фриттование и наличие высококремнеземистого основания, применение трудоемкого, требующего большого опыта и мастерства, восстановительного обжига, умение подбирать красители, сочетающиеся с щелочной глазурью, применение подглазурной росписи под окрашенной поливой говорят о высокой квалификации и больших технических возможностях отрарских гончаров.

¹³ Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). — «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции». Т. IV. М., 1959, с. 306.

А. Г. МАКСИМОВА

КАМЕННЫЙ ПЕСТ ИЗ ИССЫКА

Во время земляных работ при строительстве Иссыкского канала на северной окраине г. Иссык Алма-Атинской области (в 100—200 м от правого берега одноименной реки) бульдозерист Ф. К. Подковырин на глубине 2 м на территории большого могильника сакского времени нашел каменный пест.

Он изготовлен из фельзит-порфира пераксенового (твердость камня равна 5—6 по шкале Мооса)¹. Как сообщил доктор геолого-минералогических наук В. Г. Сагунов, порода, из которой сделан пест, имеется в семитауском комплексе изверженных пород, находящихся в 60 км к юго-западу от г. Семипалатинска. Вероятно, пест изготовлен где-то в том районе, а в Иссык попал в результате каких-то связей (обмена, торговли).

Высота песта 26,5 см, диаметр рабочей поверхности 8,5×9 см, вес 3 кг 100 г. В 9,5 см от основания отмечен небольшой уступ, видимо, упор для руки. Кверху пест идет как бы на конус и заканчивается скульптурным изображением головы барана с загнутыми в спираль рогами. Он гладкий, возможно, отполирован, а на рабочей поверхности (основание) есть следы работы. Скорее всего, он применялся для дробления или растирания.

Каменные песты хорошей выработки встречаются на поселениях начиная с эпохи бронзы, но без скульптурных изображений животных. Правда, у Д. Н. Анучина имеются сведения без указания времени о находках каменных пестов, на верхнем конце которых изображена голова

¹ Шлиф изготовлен в Институте геологических наук АН КазССР им. К. И. Сатпаева.

какого-либо животного². Интересный каменный пест, оканчивающийся головой лосихи(?), относящийся, возможно, к VIII—VII вв. до н. э., хранится в Историко-краеведческом музее в г. Семипалатинске.

Близкие по форме изображения головы барана с загнутыми в спираль рогами зафиксированы на так называемых жертвенных камнях, которые

П. А. Дмитриев относит к скифо-сарматским памятникам и датирует бытование подобных камней в VI—III вв. до н. э.³

Изображения барана встречаются и на бронзовых орудиях труда, предметах быта карасукского и тагарского времени⁴.

Весьма оригинальна фигурка барана, сделанная из железа и инкрустированная золотыми полосками, найденная на Гляденовском костыше, относящаяся к IV—III вв. до н. э.⁵

Большой научный интерес представляет скульптурное изображение барана с загнутыми в спираль рогами, отлитое из золота, которым был увенчан головной убор погребенного из кургана V в. до н. э., расположенного на левом берегу р. Иссык⁶.

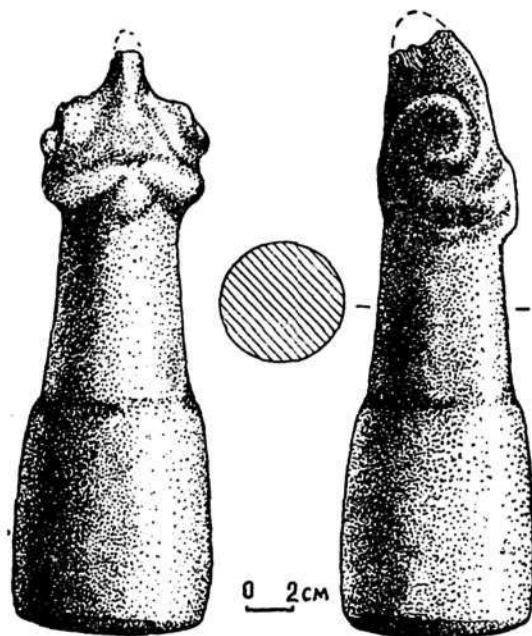

Рис. 1. Каменный пест.

Каменный пест из Иссыка мы склонны отнести к V в. до н. э. и связать с сакским населением, оставившим Иссыкский могильник.

Изображения животных, в частности барана, на предметах быта, украшениях широко распространены на изделиях раннекочевнического времени, и это не случайно, видимо, они тесно связаны с хозяйствен-

² См.: Труды VI археологического съезда в Одессе 1884 г. Т. I. М., 1886 (Цитирую по кн.: Славнин П. П. Каменный жезл с головкой коня. — КСИИМК, вып. XXV, 1949, с. 126).

³ Дмитриев П. А. Жертвенные камни Зауралья. — КСИИМК, вып. XIX, 1948, с. 12—21, рис. 1—4.

⁴ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. — МИА, № 9, 1949, с. 69, табл. XI, 10; с. 135, табл. XXI, 1.

⁵ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. — МИА, № 28, 1952, с. 90—93.

⁶ Акишев К. А. Курган «Иссык». — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 61—77.

ной деятельностью населения того времени. Изображения животных отличаются реалистичностью, в них подчеркивается самое важное, наиболее существенное, характерное для того или иного животного.

В данном случае мы имеем очень реалистичное изображение головы барана с загнутыми в спираль рогами.

Е. А. СМАГУЛОВ

ДВА КУВШИНА ИЗ КУЙРУК-ТОБЕ

Летом 1974 г. на шахристане городища Куйрук-тобе¹ случайно были обнаружены два бронзовых кувшина, которые впоследствии поступили в коллекцию Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции. Исключительная редкость находки средневековой металлической посуды обуславливает интерес к ней.

Один кувшин (рис. 1, а) имел яйцевидное тулово на «ложном» поддоне высотой 1,4 см и диаметром 6,5 см. Наибольший диаметр тулова и высота одинаковые — 11,5 см. Горловина цилиндрическая с незначительным расширением кверху. Венчик горизонтально отогнут, диаметр его по краю — 5,8 см. Общая высота кувшинчика 21,5 см. Верхний конец ручки расплюснут и раздвоен так, что концы его выше места прикрепления к венчику образуют два симметрично отогнутых выступа. Нижний конец ручки слегка расплюснут, заострен и припаян к тулову в месте наибольшего диаметра. На верхнюю горизонтальную часть ручки насажено грибовидное навершие высотой 3 см с диаметром шляпки 3 см.

Кувшин очень плохой сохранности. Нижняя часть тулова отломана, донце выпало, в нескольких местах стенки окислились насквозь.

Другой кувшин лучшей сохранности, лишь кое-где на тулове замечены вмятины и трещины. Он также имел яйцевидное тулово, поставленное на «ложный» поддон высотой 1 см; высота тулова 14,5 см, максимальный диаметр 15 см. Горловина высотой 9,5 см относится к так называемому «блоковидному» типу. Внешний диаметр горизонтально отогнутого венчика и нижний диаметр горловины равны 7,5 см. Место соединения горловины и тулова подчеркнуто выпуклым валиком. Общая высота кувшина 24 см. Концы ручки оформлены так же, как и у первого кувшина. Однако ее отличает наличие пяти объемных бусин и навершие в виде плода граната высотой 4,2 см (рис. 1, б).

¹ Городище Куйрук-тобе находится в Отрарском оазисе, в 5 км к ЮВ от городища Отрар. Раскопками ЮЖКАЭ в 1948 г. и 1951 г. установлено время функционирования этого городища — IV—XI вв. См.: Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, с. 234; Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. — «Труды ИИАЭ АН КазССР». Т. 5. Алма-Ата, 1958, с. 84.

Спектральный анализ бронзы одного из кувшинов, проведенный в лаборатории археологической технологии отдела археологии ИИАЭ АН КазССР Э. Ф. Кузнецовой, выявил основные компоненты сплава. Основа — медь, свинец — 30—40%; мышьяк — 0,3, олово — 10, цинк — 10, сурьма — 0,05—0,1, барий — 0,3%.

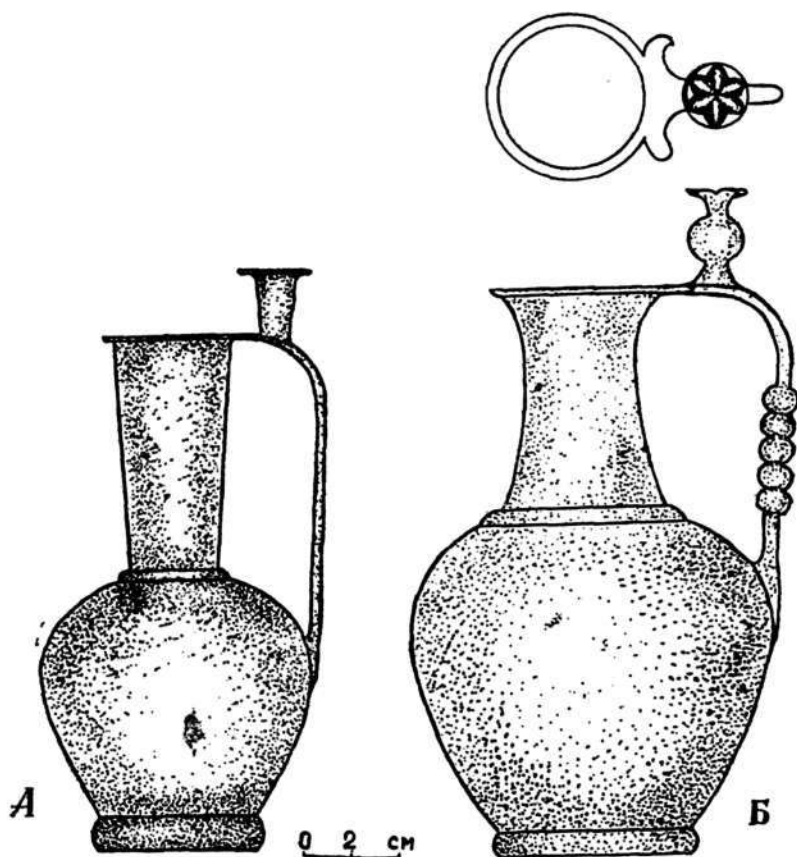

Рис. 1. Кувшины с Куйрук-тобе.

Выявление кувшинов недалеко друг от друга в верхнем слое городища, на небольшой глубине, позволяет датировать их последним периодом функционирования городища — X—XI вв. Данную датировку можно подкрепить следующими доводами.

Среди металлических кувшинов, получивших распространение в Мавераннахре, Хорасане и на соседних территориях в IX—XII вв.,

Б. И. Маршак выделил тип кувшинов «с яйцевидным туловом, цилиндрическим горлом и плодом граната наверху ручки»². Известно 16 сосудов этого типа. Они подразделены на группы, причем в более раннюю (7 экз.) входят два сосуда без декорировки из собрания Государственного Эрмитажа³. Идентичность конструкции ручки и тулова второго из наших кувшинов и сосудов, относимых к ранней группе, позволяет считать IX—X вв. временем распространения кувшинов этого типа в Отрарском оазисе и сопредельных районах.

Таким образом, наиболее вероятная дата изготовления рассматриваемых кувшинов — XI в.

Скромный внешний вид кувшинов, сравнительно простая техника их изготовления говорят о том, что вряд ли они были в Отрарском оазисе предметом импорта. Тот факт, что почти половина из 18 кувшинов этого типа происходит из районов Средней Азии, косвенно свидетельствует об их среднеазиатском производстве. Б. И. Маршак высказал мнение об изготовлении кувшинов данного типа в самом Мавераннахре⁴. Накапливаемый материал все более убеждает в высоком мастерстве среднеазиатских мастеров по бронзе и меди⁵. В этой связи можно предположить наличие такого производства и в областях к северо-востоку от Мавераннахра, вероятно, в Отрарском оазисе и Западном Семиречье, что обусловлено общностью хозяйственной и культурной жизни этих районов. Анализ семантики бронзового кувшинчика, обнаруженного в районе Тараза, с типично среднеазиатской формой тулова, восходящей к образцам сасанидской тореvтики, но с оригинально трактованным сливом в виде головы волка, позволил Л. И. Ремпель связать этот сосуд с тюркским населением Западного Семиречья, перешедшим к оседлости и городской жизни⁶.

Необычная комбинация яйцевидного тулова и блоковидного горла у второго из рассматриваемых сосудов, нехарактерная для эволюции форм кувшинов Мавераннахра, в котором наблюдалось преимущественное «развитие декорировки при стабилизации форм»⁷ на протяжении IX—XII вв., отход от мотива граната в навершии ручки у первого сосуда наводит на мысль о существовании в этих районах своих направлений в тореvтике. Конечно же, единичные факты не могут быть веским аргументом в пользу такого вывода. Лишь с накоплением материала можно окончательно решить этот вопрос.

² Маршак Б. И. Бронзовый кувшин из Самарканда. — В кн.: Средняя Азия и Иран. Л., 1972, с. 73.

³ Там же, с. 73, рис. 8.

⁴ Там же, с. 76.

⁵ См.: Иванов А. А. О производстве бронзовых изделий в Мавераннахре в предмонгольское время. — КСИА, 122, 1970; Буряков Ю. Ф. Коллекция бронзовых художественных изделий XIV—начала XV в. из Самарканда. — «Общественные науки в Узбекистане», 1969, № 8—9 и др.

⁶ Ремпель Л. И. Интересная находка в долине Таласа. — «Вестник АН КазССР», 1952, вып. 4, с. 79—81.

⁷ Маршак Б. И. Бронзовый кувшин, с. 77.

Косвенным доказательством широкого бытования в IX—XII вв. таких кувшинов у населения Южного Казахстана и Семиречья было повсеместное распространение подобной формы сосудов в керамическом производстве. Так, например, непосредственная связь между формами сосудов в металле и керамике и определяющее влияние форм металлических сосудов прослежены в искусстве Согда VII—VIII вв.⁸ и отмечены в культуре других регионов Средней Азии различных периодов⁹.

В керамических комплексах X—XII вв. Южного Казахстана, Семиречья, Шаша и соседних регионов также можно выделить тип кувшинов, форма которых является как бы повторением формы металлических кувшинов рассматриваемого типа. Еще А. Н. Бернштам отмечал, что керамические кувшины с цилиндрической горловиной из памятников Чуйской долины имеют прототипы в металле¹⁰. Очевидно, есть все основания считать формы таких керамических кувшинов производными от форм металлических кувшинов, учитывая, что влияние металлических форм на развитие керамических происходило не непосредственно, а как один из «формирующих факторов»¹¹.

⁸ Маршак Б. И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв. — «Труды Государственного Эрмитажа». Т. 5. Л., 1961.

⁹ Бернштам А. Н. Буддийская терракота из Сукулук. — КСИИМК, XIV., 1947, с. 50; Кондратьева Ф. А. Керамика с зеленой поливой из Пайкенда. — «Труды Государственного Эрмитажа». Т. 5. Л., 1961, с. 224; Распопова В. И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. — «Труды ККАЭЭ». Т. 4. М., 1969, с. 109; Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 1. Душанбе, 1968, с. 234; Брыкина Г. А. Карабулак. М., 1974, с. 49; Литвинский Б. А. Керамика из могильников Западной Ферганы. М., 1973, с. 109.

¹⁰ Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. — МИА, № 14, 1950. М.—Л., с. 128.

¹¹ Литвинский Б. А. Керамика из могильников..., с. 112.

СОДЕРЖАНИЕ

Вопросы археологии Южного и Западного Казахстана

Акишев К. А. Некоторые итоги раскопок городища древнего Отрара (1971—1975 гг.)	5
Грошев В. А. Новые данные об оросительных системах Отрарского оазиса	14
Бурнашева Р. З. Монеты из Отрар-тобе (1973 г.)	22
Акишев А. К. Резной нефрит из Отрара	34
Секигова Т. Н. Культовые сооружения около мавзолея Ходжи Ахмеда Ясеви	42
Ерзакович Л. Б., Нурмуханбетов Б., Ордабаев А. Подземное погребальное сооружение в Туркестане	59
Ахинжанов С. М. Курган «с усами» на юго-западных склонах Каратау	72
Байпаков К. М. О локализации средневековых городов Южного Казахстана	81
Аллысбаев Х. А. Мезолитические и неолитические стоянки Южного Казахстана	93
Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. Материалы раскопок могильника Бесоба	103

Проблемы археологической технологии

Кузнецова Э. Ф. Изучение продуктов древнего производства из поселения Атасу (по данным спектрального анализа)	116
Макарова Л. А. Животные Атасу и других поселений Центрального Казахстана	124
Тепловодская Т. М. Некоторые данные о технологии изготовления керамики в позднесредневековом Отраре	131

Публикации

Максимова А. Г. Каменный пест из Иссыка	139
Смагулов Е. А. Два кувшина из Куйрук-тобе	141

КБ № 87

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОТРАРЕ

*Утверждено к печати Ученым советом Института
истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова
Академии наук Казахской ССР*

Редакторы Н. Н. Королева, И. А. Порываева
Худож. редактор А. Б. Мальцев
Оформление художника Л. Матвеева
Техн. редактор Э. П. Ророкина
Корректор М. И. Безматерных

Сдано в набор 12/V 1977 г. Подписано к печати 2/VIII 1977 г.
Формат 70×90 1/16. Бумага № 1. Усл. печ. л. 10,7 (1 вклейка)
Уч.-изд. л. 10,9 (1 вклейка). Тираж 1500. УГ11800
Зак. 76. Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Наука» Казахской ССР.
Типография издательства «Наука» Казахской ССР.
Адрес издательства и типографии: 480021, г. Алма-Ата, ул. Шевченко, 28.

Цена 1 р. 80 к.